

ГЛАВА XI.

Искусственные языки.

Говоря о языках дѣтскихъ и школьныхъ и о той роли, которая принадлежитъ вождю первобытнаго племени въ дѣлѣ созданія языка, я уже долженъ былъ говорить о языкахъ сочиненныхъ, искусственныхъ. Въ этой главѣ я намѣренъ специально заняться вопросомъ о томъ, для какой цѣли и по какимъ общимъ законамъ создаются языки, которые такъ и понимаются сочинителями ихъ и воспринимающей ихъ средой, какъ „языки искусственные“. Быть можетъ, при всемъ желаніи дать нѣчто оригинальное въ области сочиненія языковъ составители ихъ дѣйствуютъ по одному шаблону и подчиняются совершенно тѣмъ же законамъ, что и дикарскій вождь, или школьникъ, или истерическій больной, которые желаютъ создавать для своихъ цѣлей свой собственный языкъ? На этотъ вопросъ я и хочу отвѣтить въ настоящей главѣ ¹⁾. Я не буду здѣсь останавливаться на языкахъ, преслѣдующихъ вполне опредѣленные цѣли тайныхъ сношеній, каковы условные языки торговцевъ (на нашемъ сѣверѣ распространены такой языкъ офеней) или воровскіе и т. под. жаргоны. Такіе языки состоятъ изъ особенныхъ словарныхъ матеріаловъ, но въ грамматическомъ отношеніи не представляютъ замѣчательныхъ явленій. Словари ихъ часто заимствуются изъ тѣхъ существующихъ культурныхъ языковъ, которые послужили отправнымъ пунктомъ для развитія искусственнаго языка. Какъ среди дикарей наблюдаются случаи далекаго распространенія и тщательнѣйшаго исполненія пѣсенъ чужихъ, заносныхъ, въ которыхъ туземцы не понимаютъ ни слова, такъ же торговцы-офени могутъ употреблять, какъ слова тайнаго искусственнаго языка, элементы греческаго или финскаго происхожденія. Въ основаніи воровскаго жаргона точно также могутъ лежать слова, которыя оказываются искусственными въ такой же мѣрѣ, какъ всякое слово. Здѣсь только обычные слова получили особенное, метафорическое значеніе. Такъ напр., въ языкѣ каторги В. М. Дорошевичъ („Сахалинъ“, изд. 1903, стр. 350—9) отмѣтилъ такія слова, какъ *заслужить веревку* (попасть на вѣселицу), *получить награды* (плети), *пчельникъ* или *сушилка* (карцеръ), *сарга* (деньги), *ли-*

¹⁾ Я пользовался здѣсь по преимуществу слѣдующими матеріалами: К. М. Meyer. Künstliche Sprachen. Журналъ Indogermanische Forschungen, т. 12 за 1901. L. Couturat et L. Leau. Histoire de la langue universelle. 2-ème tirage. Paris. 1907. L. Couturat, O. Jespersen, R. Lorenz, W. Ostwald und L. Pfau-undler. Weltsprache und Wissenschaft. Gedanken über die Einführung der internationalen Hilfssprache in die Wissenschaft. 1909. K. Brugmann und A. Leskien. Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen. 1907. Zur Frage der Einführung einer künstlichen internationalen Hilfssprache. 1908. Ср. также мою статью „Всемирные языки“ въ 8-мъ изданіи энциклопедическаго словаря бр. Гранатъ.

новая сарга (фальшивые деньги, так как липовымъ каторга называетъ все фальшивое: деньги, паспортъ, имя), *пришить* или *припечатать бороду* (обмануть; слово основано на реальныхъ отношеніяхъ: именно, одинъ бродяга, грабившій сибирскихъ богачей— „столовѣровъ“, припечатывалъ имъ бороды къ столу, а потомъ грабилъ) и т. под. Конечно, въ основаніи и другихъ условныхъ метафорическихъ выраженій и крылатыхъ словъ лежатъ какія-то забытыя реальныя отношенія. Мастерской анализъ покойнаго С. В. Максимова этихъ крылатыхъ словъ обнаружилъ въ основаніи такихъ выраженій, какъ *точить лясы*, *бить баклуши*, *говорить всю подноготную*, и многихъ другихъ метафоръ старыя бытовыя подробности. Такъ или иначе къ бытовымъ отношеніямъ восходятъ языки офеней и т. п., и потому, подразумѣвая здѣсь подъ искусственными языками нѣчто иное, я не буду ихъ касаться.

✓ Въ научный оборотъ мысль о всемірномъ искусственномъ языкѣ пустилъ первый, насколько это теперь извѣстно, Декартъ, который въ 1629 г. начертилъ слѣдующую программу этого языка, которая распространялась какъ на грамматическую, такъ и на словарную сторону. „Для обозначенія словъ онъ (неизвѣстный авторъ какого-то предложенія всемірнаго языка, по поводу котораго и высказался Декартъ) не предлагаетъ ничего особеннаго, ибо онъ говоритъ въ своемъ четвертомъ положеніи: *linguam illam interpretari ex dictionario*, т. е. изъ словаря, который человѣкъ, немного свѣдущій въ языкахъ, можетъ образовать безъ его помощи во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ. То, что мѣшаетъ этому языку сдѣлаться общераспространеннымъ, заключается въ трудности его грамматики, и я угадываю, что въ этомъ и заключается весь секретъ вашего знакомаго. Но нѣтъ ничего болѣе легкаго. Если сочинить такой языкъ, въ которомъ будетъ имѣться лишь одинъ способъ склоненія или спряженія, и построить такія слова, среди которыхъ не будетъ встрѣчаться ни недостаточныхъ глаголовъ, ни исключеній (всѣ они явились послѣдствіемъ искаженія языка влѣдствіе ошибочнаго употребленія), причемъ флексія глаголовъ и именъ и словообразованіе будутъ происходить съ помощью аффиксовъ, стоящихъ раньше или послѣ первоначальныхъ основъ (словъ) и обозначенныхъ со всѣми своими особенностями въ словарѣ,—въ этомъ случаѣ не будетъ чудомъ, если и самыя обыкновенныя умы окажутся въ состояніи послѣ шестичасовой работы слагать предложенія на этомъ языкѣ съ помощью словаря, который представляетъ предметъ перваго предложенія“. Такимъ образомъ, Декартъ формулировалъ два главныя требованія, какія должны быть предъявлены къ международнымъ европейскимъ искусственнымъ языкамъ: это, во-первыхъ, словарный составъ, образующійся изъ элементовъ, родственныхъ возможно большому числу языковъ, и, во-вторыхъ, простѣйшій грамматическій строй, заключающійся въ присоединеніи постоянно однихъ и тѣхъ же формальныхъ элементовъ для обозначенія опредѣленныхъ формаль-

ныхъ отношеній. Какъ мы видѣли выше, эта послѣдняя задача въ значительной мѣрѣ разрѣшена тѣми агглютивными языками, которые (какъ напр., австралійскіе или нѣкоторые африканскіе) присоединяютъ всегда однѣ и тѣ же частицы для обозначенія тѣхъ же самыхъ отношеній. Только тамъ процессъ пошелъ, конечно, съ другого конца, чѣмъ въ искусственныхъ языкахъ, типъ которыхъ начерталъ французскій философъ. Такъ, изъ слова-предложенія выдѣлились формальные элементы, которые сами по себѣ, вѣроятно, и не существуютъ въ сознаниі говорящаго лица. Извѣстный отгѣнокъ мысли, выраженной словомъ, послѣдняя часть котораго звучитъ такъ или иначе, ассоціируется съ его выраженіемъ и требуетъ того же самаго заключенія (или начала) слова для выраженія и въ другомъ случаѣ сходнаго отгѣнка, такъ что съ формальнымъ отношеніемъ связывается въ сознаниі людей опредѣленный формальный элементъ. Разложеніе же формы на ея составныя части едва-ли когда-либо представлялось сознанию дикаго оратора и возникло уже въ систематизирующемъ умѣ европейца, который сталъ писать грамматику австралійскихъ языковъ.

√ Иначе обстояло дѣло съ сочиненіемъ искусственныхъ языковъ; здѣсь грамматика сначала придумывается, а потомъ уже примѣняется къ языку, но въ результатѣ все же получилось лишь то, что естественнымъ образомъ возникло въ языкахъ дикихъ народовъ. О чисто философскихъ языкахъ, которые должны были состоять изъ алгебраическихъ знаковъ, я не буду распространяться, такъ какъ это уже выходитъ за предѣлы языкознанія. Въ 17 и 18 вѣкахъ былъ сдѣланъ рядъ попытокъ создать такіе алгебраическіе „философскіе“ языки, и лишь въ половинѣ 19 вѣка вернулись къ мысли о дѣйствительномъ всеобщемъ языкѣ, на которомъ можно было бы говорить. Задачу выработать его взяло на себя парижское „Международное лингвистическое общество“, которое въ 1855 году объявило о своемъ намѣреніи „распространить въ умахъ идею всеобщаго языка, потребность въ которомъ начинаетъ все болѣе ощущаться, найти основанія этого языка, опредѣлить его условія, сгруппировать элементы и подготовить пути для его утвержденія“. Избранный для этой цѣли комитетъ поставилъ своей цѣлью разработать языкъ „ясный, простой, легкій, раціональный, логическій, философскій, богатый, гармоничный и настолько эластичный, чтобы онъ былъ пригоденъ для всяческаго будущаго прогресса“. Вздумали было взять за основаніе какой-либо изъ живыхъ языковъ и передѣлать его на новый образецъ, но отъ этой мысли скоро отказались, такъ какъ подобный продуктъ былъ бы „неузнаваемъ“ и оставался бы все таки нерациональнымъ и нелогичнымъ. Теперь предстояло два способа созданія языка: *a posteriori*, т. е. составленіе языка изъ элементовъ, уже существующихъ, изъ корней, суффиксовъ и окончаній разныхъ языковъ, и *a priori*, т. е. сочиненіе совѣмъ новаго языка. Первый способъ, какъ выяснилось скоро, былъ плохъ, такъ какъ ни одинъ изъ извѣстныхъ, дѣйстви-

тельно существующихъ языковъ, будучи продуктомъ историческаго развитія, не удовлетворялъ требованіямъ ясности и логичности. Комитетъ призналъ за лучшее сочинить языкъ *a priori*, но на дѣлѣ это опять-таки должно было выйти „всеобщей классификаціей вещей“, т. е. философскимъ языкомъ въ родѣ прежнихъ попытокъ 17—18 вѣковъ. При разсмотрѣніи различныхъ предложенныхъ проектовъ такого языка комитетъ отдалъ предпочтеніе планамъ Сотоса Опандо (Sotos Ochando): „всѣ тѣ, которые изучать этотъ языкъ, усвоятъ въ то же время аналитическія познанія“, полагалъ изобрѣтатель его. Въ этихъ попыткахъ, которымъ не было суждено осуществиться, бросается въ глаза совершенно правильное убѣжденіе, что слова суть лишь условные знаки для обозначенія понятій. Однако, сочиненіе совсѣмъ новыхъ словъ казалось чѣмъ-то фальшивымъ, и одновременно съ замыслами комитета философъ Ренувье предложилъ создать такой языкъ, въ которомъ словарь былъ бы взятъ изъ реальной сокровищницы языковъ, и только грамматика была бы „философскою“.

Такихъ философскихъ языковъ было предложено и послѣ академической неудачи не мало и кажется, послѣднею попыткой въ этой области была предложеніе Дитриха въ 1902 году создать языкъ, одинаково чуждый всѣмъ народамъ, совершенно лишенный какого бы то ни было національнаго элемента. Языкъ Дитриха состоялъ изъ 7 гласныхъ и 22 согласныхъ; комбинація этихъ звуковъ даетъ до 50000 корней, а такъ какъ языкъ предназначался, главнымъ образомъ, для цѣлей письма, а не говоренія, то и сочетанія, почти невозможныя для произношенія, нисколько не смущали Дитриха. Получивъ такимъ образомъ достаточное количество корневыхъ словъ, изобрѣтатель предложилъ для ихъ сочетанія грамматическія правила, сводящіеся по существу къ процессамъ агглютинаціи съ той систематичностью, какая была уже отмѣчена мною въ нѣкоторыхъ дикарскихъ языкахъ. Такъ, множественное число образуется съ помощью окончанія *s*, падежи съ помощью различныхъ другихъ окончаній, имена прилагательныя также. Что касается глаголовъ, то здѣсь дѣйствуютъ двѣ системы: отчасти префиксы для обозначенія времени, отчасти суффиксы для обозначенія наклоненій. Надо отмѣтить, что самая система была вовсе не проста: такъ, различные суффиксы выражали переходъ въ извѣстное состояніе, дѣйствіе, которое вызываетъ состояніе, фактъ переживанія извѣстнаго состоянія и т. под. Глаголь оказывался измѣняемымъ по степенямъ сравненія, въ родѣ того, что *быть хорошимъ*, *быть лучшимъ* и т. п. выражаются однимъ и тѣмъ же глаголомъ въ положительной и сравнительной степеняхъ. Идя дальше въ направленіи систематизаціи, Дитрихъ даетъ длинный перечень частицъ, которыя должны служить для обозначенія различныхъ понятій; запомнить эти частицы, весьма похожія одна на другую, требуетъ конечно не малаго труда. Такъ, напр., съ согласнымъ *m* сочетается *i* для обозначенія людей, имѣющихъ то качество, которое отмѣчено словомъ, *et* для обозначенія мужчинъ

и женщинъ, —*at*—выдѣлывателя чего-нибудь, —*от* животныхъ, *ит* растений. Подобно этому, —*iv* обозначаетъ науки, —*ev* искусства, —*av* ремесла, —*ov* торговлю, —*uv* транспортъ; —*en*—постоянныя вещества, —*an*—жидкости, —*on*—газы, —*un*—гипотетическія жидкости (электричество, магнетизмъ) и т. п. Не менѣе сложны суффиксы, означающіе время и мѣсто. Однимъ словомъ, передъ нами примѣръ языка, который, выражая систематизацію съ помощью агглютивныхъ прибавленій къ корню, создаетъ весьма сложную и произвольную грамматику. Вѣдь неясно, почему для животныхъ употребляется суффиксъ —*от*, а для растений —*ит*, а для металовъ, минераловъ и т. п. какой же требуется суффиксъ? Точно также и суффиксъ —*en*, означающій постоянныя вещества (*les solides*). Развѣ дерево не является такимъ же постояннымъ веществомъ или предметомъ? Почему же къ нему примѣнять суффиксъ —*ит*, а не —*en*? Такихъ вопросовъ не обойти при изученіи каждаго искусственнаго языка, и всѣ эти языки могутъ рассчитывать для своего распространенія только на особенно счастливыя условія: кружокъ энтузіастовъ, готовыхъ клясться *ad verba magistri*, общую подготовленность необходимаго настроенія въ извѣстной массѣ населенія и т. под. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь, какъ въ языкахъ дикарей, исходнымъ пунктомъ является авторитетъ языкодавца.

Таковы по своей схемѣ эти апіорные, логическіе или философскіе языки. Такъ какъ звуки не играютъ въ нихъ никакой роли, а представляютъ алгебраическіе символы, то слова, очень сходныя по звукамъ, могутъ имѣть совершенно противоположное значеніе (*Conturat. 117*). А это, какъ справедливо замѣчаютъ авторы вышеназваннаго изслѣдованія объ искусственныхъ языкахъ, противорѣчитъ духу нашего да, вѣроятно, и всякаго языка, такъ какъ противоположно самому существу слова, ассоціаціи извѣстнаго комплекса звуковъ съ представленіемъ; при этомъ родственныя представленія должны выражаться родственными словами, чего вовсе не наблюдается въ искусственныхъ логическихъ языкахъ, гдѣ, напротивъ, схематизмъ можетъ заставить перенести два близкія представленія въ совершенно разныя категоріи словообразованія. Надо прибавить къ этому, что такіе логическіе языки постоянно заключаютъ въ себѣ внутреннюю опасность полнаго распада слова. Дѣйствительно, кто можетъ поручиться, что я буду обладать тѣмъ же уровнемъ образованія *во всѣхъ* специальностяхъ, какъ и мой корреспондентъ, и потому совершенно одинаково съ нимъ построю формулу слова, или что я увижу растеніе или животное тамъ, гдѣ для него будетъ только нѣчто постоянное, *солидное*, требующее иной формы словообразованія, или что я не запутаюсь въ глагольныхъ отгѣнкахъ, выражаемыхъ различными системами суффиксовъ, и т. д. Логическіе языки противорѣчатъ существу языка, требующему эластическихъ формъ для выраженія *индивидуальнаго* содержанія сознанія. Языкъ, не способный выразить индивидуальность, не есть человѣческій языкъ. Нарѣчіе дикаря,

допускающее хотя бы при посредствѣ грубыхъ средствъ морфологіи оттънки для выраженія личныхъ представленій говорящаго лица, безконечно выше каждаго отъ такихъ „философскихъ“ языковъ. Различные суффиксы, присоединяемые къ корню, покажутъ тамъ, какъ мыслить (быть можетъ, даже ошибочно) говорящій человѣкъ о предметахъ, и слово, употребленное имъ, будетъ понятно слушающему, потому что корень его будетъ ему извѣстенъ. Совсѣмъ иное дѣло эти „философскіе“, въ сущности далеко не философскіе, языки, которые представляютъ въ видѣ словъ алгебраическія формулы: здѣсь ошибка или даже простое индивидуальное отклоненіе въ представленіи вызоветъ уже совершенно иное построеніе формулы, непонятное другимъ людямъ. Такимъ образомъ, неизбѣжны неудачи всякихъ подобныхъ логическихъ языковъ обнаруживаютъ сущность живого языка, его психологическое основаніе, которое заключается въ постоянно измѣняющемся процессѣ соединенія представленій съ символами, при чемъ самые-то символы должны быть также подвержены измѣненіямъ. Для меня *это* слово является символомъ, для моего друга *иное* слово, и еще болѣе: особое уменьшительное, особо-оригинальное слово можетъ иногда только одно выразить мою мысль удовлетворительнымъ образомъ, ибо слово не цифра.

Естественно, что ни одинъ изъ этихъ языковъ не получилъ никакого распространенія. Нѣсколько болѣе судьба улыбнулась языкамъ, созданнымъ *a posteriori*, т. е. на основаніи дѣйствительно существующихъ языковъ. Впервые программа такихъ языковъ была сформулирована русскимъ дипломатомъ, фонъ-Гриммомъ, который выпустилъ ее въ Константинополѣ въ началѣ 1860 г. По его мнѣнію, всемірный языкъ долженъ обладать слѣдующими свойствами. „I. Онъ долженъ быть строго логиченъ, т. е. А. каждое слово должно означать точно и безъ всякихъ отступленій соотвѣтствующее понятіе (если бы даже всемірный языкъ не принесть иной пользы, кромѣ того, что излѣчилъ бы насъ отъ смѣшенія идей, которое происходитъ во всѣхъ языкахъ вслѣдствіе неопредѣленнаго значенія столькихъ словъ, и тогда затраченный на это трудъ былъ бы въ высшей степени плодотворенъ). В. Образованіе словъ, грамматическихъ формъ и сложныхъ словъ должно происходить по опредѣленнымъ правиламъ, насколько возможно, простымъ, такъ, чтобы не могло существовать никакого сомнѣнія относительно значенія производныхъ или сложныхъ словъ. II. Онъ долженъ обладать не слишкомъ большимъ богатствомъ. А. Богатство словаря вытекаетъ уже само собой изъ предыдущаго условія. Было бы *досаднымъ излишествомъ* имѣть по нѣсколько словъ для обозначенія одного и того же понятія, но, если каждое слово должно означать точно соотвѣтствующее понятіе, отсюда *само собой вытекаетъ*, что каждый оттънокъ одного и того же понятія долженъ быть обозначенъ инымъ словомъ, или морфологическимъ элементомъ, или какимъ-

нибудь эпитетомъ. В. Разнообразіе въ порядкѣ словъ крайне необходимо для правильнаго выраженія мысли. Порядокъ словъ во всемірномъ языкѣ долженъ быть равно удаленъ *отъ произвольнаго разсѣянiя* (de la dispersion arbitraire) словъ въ латинскомъ языкѣ и отъ строгихъ правилъ многихъ изъ живыхъ языковъ. Онъ долженъ допускать всевозможные обороты, но каждый изъ этихъ послѣднихъ долженъ имѣть свой смыслъ и преслѣдовать свою цѣль. С. Необходимымъ послѣдствіемъ богатства языка является большая гибкость и подвижность“. Въ третьемъ пунктѣ Гриммъ выступаетъ въ пользу гармоничности языка и одинаковой пригодности его для поэзіи и пѣнія, въ четвертомъ онъ требуетъ, чтобы изученіе этого языка такъ, чтобы на немъ можно было говорить и писать, было чрезвычайно легко; для этой же цѣли необходимо совершенное исключеніе всего произвольнаго въ образованіи корней, а „тамъ, гдѣ этотъ произволъ неизбеженъ, необходимо быть въ состояніи дать, по крайней мѣрѣ, основаніе, по которому избирается именно это выраженіе, а не иное“. Вооружаясь противъ всякаго „произвола“ въ языкѣ, противъ „чрезмѣрнаго“ богатства его словарнаго состава, что противорѣчитъ требованію имѣть для cadaго *оттѣнка* значенія отдѣльное слово, Гриммъ обнаруживаетъ совершенное непониманіе живого процесса языкового творчества. Какъ при такихъ условіяхъ на подобномъ языкѣ могла бы развиваться поэзія, требующая такъ часто оттѣнковъ значенія, произведенныхъ именно отъ *основного* слова, а не представляющихъ собой новыхъ самостоятельныхъ словъ? А вѣдь Гриммъ хочетъ еще и универсальной поэзіи на его языкѣ.

✓ Большую извѣстность и распространеніе получили два всемірные языка, воляпоукъ и эсперанто. Послѣдній насчитываетъ въ настоящее время тысячи приверженцевъ, и его успѣхъ внушилъ многимъ, въ томъ числѣ и нѣкоторымъ изъ специалистовъ по языковѣдѣнію, что возможно выработать всемірный условный языкъ науки. Къ этому вопросу, который такъ близко примыкаетъ къ темѣ настоящаго моего изслѣдованія, мнѣ придется обратиться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь же я пока ограничусь указаніемъ на строеніе этихъ языковъ. Авторомъ воляпоука былъ католическій священникъ Іоаннъ Шлейеръ, который принадлежалъ къ числу полиглоттовъ и зналъ будто бы до 50 языковъ. Въ одну безсонную ночь 1879 года, когда Шлейеру было уже около 50 лѣтъ, его вдругъ охватило вдохновеніе, внушившее ему сочиненіе языка для цѣлей взаимнаго пониманія человѣчества и распространенія въ немъ, безъ различія языковъ, идей любви и братства. Это былъ „языкъ міра“, изобрѣтенію котораго въ дѣятельности Шлейера предшествовало сочиненіе всемірной азбуки (въ 1878 г.), предназначенной для общечеловѣческой корреспонденціи и транскрипціи иностранныхъ именъ. „Развитіе путей сообщенія, учрежденіе всемірнаго почтового союза и т. д., казалось ему, влекутъ за собою съ полной необходимостью принятіе всемірныхъ письма, языка и грамматики. Всѣ національ-

ные языки отличаются большими недостатками и безчисленными трудностями. Всемирный языкъ, напротивъ, долженъ обладать абсолютно правильной и рациональной грамматикой“. (Couturat et Leau. 129). За основу своего языка Шлейеръ избралъ дѣйствительно существующій языкъ, простонародный англійскій языкъ, наиболѣе распространенный изъ всѣхъ культурныхъ языковъ человѣчества. Азбука воляшюка состоитъ изъ 28 буквъ, среди которыхъ мы находимъ, въ качествѣ отдѣльной буквы, х (кс). Отдѣльными буквами передаются звуки (русской азбуки) *х, ш, ц, ѣ, ч*, но почему то нѣтъ вовсе *юс*; звукъ *э* передается буквой *ä*, французское *и* буквой *ii*, но звука *ы* нѣтъ вовсе; придыханіемъ ' передается греческій *spiritus asper*. Удареніе всегда стоитъ на концѣ. Языкъ Шлейера различаетъ два члена, опредѣленный и неопредѣленный, но сочинитель рекомендуетъ употреблять ихъ только въ случаѣ крайней необходимости. Склоненіе совершается по способу агглютинаціи, съ помощью присоединенія къ именительному падежу окончаній: въ родительномъ *a*, дательномъ *e*, винительномъ *i* (*dom, doma, dome, domi* отъ слова *dom-домъ*), во множественномъ числѣ къ этимъ формамъ присоединяется *s* (*doms, domas* и т. д.). Само по себѣ имя существительное имѣетъ естественный родъ, не отмѣчаемый никакимъ формальнымъ элементомъ, но для образованія женскаго рода отъ мужского передъ словомъ ставится *ии* (*ji*—англ. *she*): такъ, отъ *son* (сынъ) *jison* (дочь). Имена прилагательныя образуются съ помощью присоединенія *ik* (греч. *-ikós*) къ существительному: *glet* (величіе), а *gletik* (великій, большой). Для числительныхъ Шлейеръ придумалъ слова, не основанныя, повидимому, ни на одномъ изъ существующихъ языковъ; 1 *bal*, 2 *tel*, 3 *kil*, 4 *fol* и т. д.; съ помощью различныхъ суффиксовъ отсюда образуются разныя числительныя формы, опять таки совершенно произвольныя. Таковы же и мѣстоименія: *ob, ol, om, of, os* (я, мы, онъ, она, оно) и *obs, ols, oms, ofs* (мы, вы, они, онѣ).

Мѣстоименія указательныя сочинены едва-ли не безъ участія русскихъ познаній Шлейера. Въ Баденѣ, гдѣ еще хранится кое какая связь съ русскими воспоминаніями, Шлейеръ могъ заинтересоваться русскимъ языкомъ и познакомиться съ нимъ: отсюда онъ взялъ, напр., свое окончаніе род. пад.—*a* (*doma-дома*); отсюда же, изъ мѣстоименія *этотъ*, по всей вѣроятности, получили свое происхожденіе въ воляшюкѣ *at* (этотъ), *et* (тотъ), *it* (самъ), *ot* (тотъ же), *ut* (тотъ, кто) и т. д. Зато, повсюду стремясь сохранить равноправіе языковъ при заимствованіи своего матеріала, изобрѣтатель языка взялъ вопросительныя мѣстоименія изъ французскаго языка: *kim* (кто) похоже на франц. *qui*, какъ и относительное мѣстоименіе *kel* (который) на франц. *quel*. Едва-ли не венгерскій языкъ внушилъ Шлейеру мѣстоименіе *nek* (нѣчто, нѣкто, или изъ рус. *нѣкто*?) Подобныя же заимствованія изъ всевозможныхъ языковъ представляютъ другія мѣстоименія и формальные элементы, введенные изобрѣтателемъ воля-

пюка. А знакомство съ современнымъ ему уровнемъ сравнительнаго индоевропейскаго языкознанія (школой Шлейхера) обнаруживается въ той системѣ спряженія, которая была введена здѣсь: къ глагольной основѣ присоединялись личные мѣстоименія. Такъ, отъ *lōf* (любить, т. е. англ. *love* въ обычномъ произношеніи) образуются *lōfob* (я люблю), *lōfobs* (мы любимъ) и т. под. Для образованія отсюда глагольныхъ временъ Шлейеръ заставляетъ присоединять къ основѣ (на основаніи древнегреческаго?) различные гласные звуки: *älōfob* (я любилъ), *elōfob* (я любилъ, perfectum), *ilōfob* (plusquamperfectum), *olōfob* (futurum), *ulōfob* (futur antérieur). Такимъ образомъ, въ спряженіи передъ нами оказывается неожиданное богатство временъ; точно нельзя было давнопрошедшее время или второе будущее, или perfectum выразить съ помощью нарѣчій? Что, кромѣ традиціи, заставило Шлейера прибѣгнуть къ сохраненію нѣсколькихъ глагольныхъ формъ, которыя вовсе не диктуются *всеобщимъ* языковымъ чутьемъ, даже культурныхъ народовъ: ни въ русскомъ, ни въ литовскомъ языкахъ, напр., нѣтъ различія на imperfectum, perfectum и plusquamperfectum. Для выраженія тонкихъ оттѣнковъ мысли нужны вовсе не готовые глагольныя формы, но различные прибавочныя средства въ видѣ нарѣчій, и воляпюкъ, вообще, скудный на тонкости, здѣсь безъ всякой надобности проявляетъ излишнюю щедрость, обнаруживая этимъ всю произвольность методовъ изобрѣтенія. Для изученія же психологическихъ основъ языкоизобрѣтенія слѣдуетъ отмѣтить, до какой степени крѣпко связанъ съ языковой средой человѣкъ, къ ней принадлежащій и изъ нея заимствовавшій свой родной языкъ. Несомнѣнно, Шлейеръ не могъ себѣ представить языкъ безъ грамматическаго члена, безъ второго будущаго и т. д. Съ помощью различныхъ суффиксовъ, придуманныхъ изобрѣтателемъ, образуются наклоненія, опять таки въ чрезвычайъ большомъ числѣ: здѣсь есть не только optativus и imperativus, но еще и *jussivus* для обозначенія особенно повелительнаго приказанія: *lōfolod* (люби, форма, которую трудно произнести вслѣдствіе негармонической смѣны *ö* и *o*, недопустимой почти въ живомъ языкѣ; въ такомъ языкѣ естественно возникаетъ гармонія гласныхъ, какъ въ финскомъ, гдѣ было бы *lōföläd* или *lofolod*), а *lōfolöz* (люби непременно).

Такая мозаика изъ кусковъ, заимствованныхъ отъ разныхъ народовъ, составляетъ существенную особенность воляпюка. Но, если, напр., для русскаго понятно, почему вопросительной частицей служить здѣсь слогъ *li*, хотя и поставленное на необычномъ для русскаго языка мѣстѣ (*li lōfom*—любить-ли онъ), или для итальянца близки *sì* и *no* (да, нѣтъ), а для нѣмца *ni* (теперь, нѣм. *nun*) и т. под., то чтó говорить эти слова для людей иной народности? Ровно ничего. Для нихъ это такія же произвольно вводимыя слова, какъ и окончанія склоненія и спряженія (dat.—*e*, какъ въ *dem Hunde*, gen.—*a*, какъ въ *сына* и т. д.). Словарь *воляпюка*, „языка міра“, отличается тѣми же самыми особенностями. Въ

основаніе его, по словамъ Шлейера, положенъ англійскій языкъ, такъ какъ на немъ говоритъ около ста милліоновъ человѣкъ; „послѣ англійскаго языка приняты во вниманіе по преимуществу нѣмецкій и французскій, а также испанскій и итальянскій“. Система изобрѣтателя основана на томъ соображеніи, что для массы людей, знающихъ англійскій языкъ, будутъ знакомы многія изъ словъ воляпока: для другихъ, знающихъ нѣмецкій языкъ, окажутся знакомыми нѣмецкія слова и т. п. Другими словами, къ уже знакомому матеріалу каждому изъ людей придется присоединить только часть незнакомаго. Правда, является вопросъ, не лучше ли въ такомъ случаѣ пропагандировать идею принятія какого-нибудь языка за международный, напр. доказывать необходимость введенія въ дѣловыхъ отношеніяхъ англійскаго языка или французскаго? Въдѣ реальная жизнь такъ и поступаетъ: на всемъ Левантѣ каждый болѣе культурный человѣкъ говоритъ по французски, на Дальнемъ Востокѣ по англійски, въ Персіи, въ Манджуріи и т. д. по русски. Надо еще прибавить, что даже со словами живыхъ языковъ Шлейеръ раздѣлялся такъ жестоко, что искажилъ ихъ до неузнаваемости: онъ исходилъ изъ соображенія краткости и изъ необходимости создать такой конецъ слова, къ которому можно было бы присоединить окончаніе *s* множественнаго числа. Въ живомъ языкѣ происходитъ нѣчто противоположное: онъ стремится, скорѣе, окончаніе измѣнить или уничтожить для сохраненія основы, какъ она понимается чутьемъ говорящаго человѣка. Шлейеръ превратилъ *imago* въ *tag*, *sapientia*—*sap*, *wunde* (рана)—*vun*, *knowledge* (знаніе, англ.)—*nol*, *speak* (рѣчь, англ.)—*pük*, *propagation* (распространеніе, франц.)—*pak*, *krona* (корона, нѣм.)—*klon* и т. д. Для образованія производныхъ словъ требуется знаніе весьма солиднаго количества суффиксовъ, придуманныхъ совершенно произвольно и психологически ненужныхъ. Такъ, зачѣмъ образовывать названіе *науки* съ помощью отдѣльнаго суффикса, точно такія слова, вообще, могутъ быть обычны. Отъ *stel* (звѣзда)—*stelav*—„астрономія“, но почему не „астрологія“? Потому, что это не наука, а лже-наука? Или отъ *lit* (свѣтъ)—*litav* „оптика“, но почему не ученіе о физическихъ свойствахъ свѣта? Или отъ *kaf* (кафе) кофейня *kaför* (le lieu de—). Почему, однако, это слово не можетъ означать магазина, гдѣ продаютъ кофе, или фабрики, гдѣ его приготавливаютъ? Съ—*em* образуются слова, означающія собраніе вещей: *flol* (*fleur*, цвѣтокъ)—отсюда *flolem* (букетъ). Почему, однако, это слово не означаетъ коллекціи цвѣтовъ или оранжерей?

Этихъ недоумѣній Шлейеръ не можетъ разрѣшить. Углубленный въ свое сочинительство словъ, которыя ему представляются очень систематическими, но которыя въ дѣйствительности противятся живому словоупотребленію, онъ просмотрѣлъ, что говорящій человѣкъ, едва онъ захочетъ выразить на искусственномъ языкѣ содержаніе своего индивидуальнаго сознанія, выступить изъ рамокъ тѣхъ грубо сколоченныхъ словъ, которыя

сочинилъ Шлейеръ. Возьмемъ, хотя бы, слово *musig* (мусигъ), означающее *музыку*. Отсюда образуются слова *musigel* (музыкантъ) и *musigef* (оркестръ). Но что такое оркестръ, какъ не собраніе музыкантовъ, а такъ какъ—*ef*—означаетъ собраніе людей, то оркестръ, въ моихъ устахъ получить названіе *musigelef*, а отнюдь не *musigef* (*собраніе музыки*). Или, зная, что *kän* есть пушка, сапог, я образую съ помощью суффикса—*em* (собраніе вещей) слово *känem* въ значеніи нѣсколькихъ пушекъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, напр. въ значеніи пушечнаго завода или арсенала. Между тѣмъ Шлейеръ имѣетъ въ виду только одно значеніе такого собранія пушекъ, артиллерію. Живое сознаніе говорящаго лица производить *паутину* отъ *паука*; у Шлейера обратно: *spul* (паутина), но *spulaf*—дѣлатель паутины, паукъ.

Можно сказать, что словарь воляпюка съ начала до конца вымышленный, чуждый живому развитію языка словарь. Естественно, что воляпюкъ недолго продержался на поверхности общественныхъ интересовъ. Вызвать къ себѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ 19 столѣтія живое сочувствіе и вниманіе, онъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ почти совсѣмъ сошелъ со сцены, и въ 1901 году насчитывалось уже всего около 150 человѣкъ, сохранившихъ ему вѣрность. Въ это время гремѣлъ его соперникъ, эсперанто Л. Заменгофа, которому предстоитъ, несомнѣнно, та же самая печальная участь въ ближайшемъ будущемъ, если только она и теперь уже не постигла его. Въ промежуткѣ между ними появился еще цѣлый рядъ попытокъ образовать всемірный легкій и гармоничный языкъ, которыя тщательно перечислены въ названномъ выше трудѣ Кутюра и Лео. Обращаться къ нимъ здѣсь я не имѣю возможности. Этихъ попытокъ было сдѣлано нѣсколько десятковъ, и изъ нихъ одна произвольна и нелогична другой.

Но въ основаніи ихъ все же лежало здоровое и благородное чувство симпатіи къ общечеловѣческому. Исходя не изъ языковой потребности, не изъ необходимости стать понятными другимъ, но изъ апріорнаго убѣжденія, что единство языка создастъ единство гуманныхъ цѣлей человѣчества, эти изобрѣтатели „голубыхъ языковъ“, пасилингвъ, пантось диму-глось и т. под. настойчиво повторяли, что, если даже ихъ „всемірный языкъ не хорошъ, можно собраться и выдумать лучший, для всѣхъ пріемлемый“. Изъ идеальныхъ соображеній исходилъ и создатель эсперанто, Левъ Заменгофъ, по профессіи врачъ, по національности еврей изъ Бѣлостока, родившійся въ 1859 году. Съ дѣтства насмотрѣвшись въ этомъ городѣ на взаимную ненависть четырехъ національностей, составляющихъ его населеніе, видя, сколько огорченій вызываетъ политика, направленная противъ того или другого языка, Заменгофъ полагалъ возможнымъ улучшить человѣческія отношенія съ помощью устраненія этихъ больныхъ вопросовъ о языкѣ, съ помощью общаго для всѣхъ людей языка. Въ этомъ благо-

родномъ стремленіи изобрѣтатель отказался отъ всякихъ имущественныхъ правъ на свое изобрѣтеніе и предоставилъ распространять его всѣмъ желающимъ. Съ тѣмъ же энтузіазмомъ его послѣдователи стали выпускать очень дешевые учебники эсперанто.

Отдавая должное гуманности стремленій доктора Заменгофа, приходится все-таки констатировать, что его попытка такъ же неудовлетворительна, какъ и всѣ предшествующія, потому что она не считается и не можетъ считаться (какъ всѣ искусственные языки) съ многообразіемъ и индивидуальными тенденціями каждаго живого языка.

Эсперанто получило свое названіе отъ псевдонима *Doktoro Esperanto*, подъ которымъ Л. Заменгофъ выпустилъ въ 1887 году первую свою грамматику. Въ предисловіи къ ней авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Кто разъ попробовалъ жить въ городѣ, населенномъ людьми различныхъ, борющихся между собою націй, тотъ почувствовалъ, безъ сомнѣнія, какую громадную услугу оказалъ бы человѣчеству интернаціональный языкъ, который, не вторгаясь въ домашнюю жизнь народовъ, могъ бы, по крайней мѣрѣ въ странахъ съ разноязычнымъ населеніемъ, быть языкомъ государственнымъ и общественнымъ“. При сочиненіи своего языка авторъ преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: 1) „чтобы языкъ былъ чрезвычайно легкимъ, такъ чтобы его можно было изучить шута“, и 2) чтобы на немъ каждый изучившій его могъ немедленно вступить въ общеніе со всѣми, знающими этотъ языкъ. „Для достиженія первой цѣли“, говоритъ Л. Заменгофъ, „я упростилъ до *невѣроятности* грамматику, и притомъ, съ одной стороны, въ духѣ существующихъ живыхъ языковъ, чтобы она могла быть легко усвоена, а съ другой нисколько не лишая этимъ языка ясности, точности и гибкости. Всю грамматику моего языка можно отлично изучить въ полъ-часа... Я создалъ правила для словообразованія и этимъ ввелъ огромную экономію въ количествѣ словъ для изученія, не только не лишая этимъ языка богатства, но, напротивъ, дѣлая его, благодаря возможности создавать изъ одного слова много другихъ и выражать всевозможные оттѣнки понятій—богаче самыхъ богатыхъ живыхъ языковъ. Этого я достигъ введеніемъ различныхъ приставокъ и вставокъ, съ помощью которыхъ изъ одного слова каждый можетъ образовывать различныя другія слова, не имѣя надобности изучать ихъ. (Для удобства этимъ приставкамъ и вставкамъ дано *значеніе самостоятельныхъ словъ*, и, какъ таковыя, онѣ помѣщены въ словарь)“. Итакъ, принципъ, примѣненный Заменгофомъ, не новъ: это все та же агглютинація, только еще съ тѣмъ недостаткомъ, что формальные элементы не лишены самостоятельнаго значенія, вслѣдствіе чего неизбѣжно излишне конкретное значеніе словъ. Неизбѣженъ вмѣстѣ съ тѣмъ и произволъ въ опредѣленіи получающихся такимъ путемъ значеній. Такъ, (эти примѣры *самъ* изобрѣтатель приводитъ, какъ наиболѣе яркіе образчики достоинствъ

эсперанто) *mal* (прямо противоположно) производить отъ *bona* (добрый) — *malbona* (злой) и т. п. Эта *противоположность* весьма часто неопредѣлима и часто субъективна: напр., при *just* (справедливый) что должно означать *maljust*: несправедливый (но образование отъ *alta* — высокий *malalta* должно означать просто *невысокій*, а не *низкій* и т. д.) или злой, придирчивый, или еще что-нибудь? *Estimi* (уважать) — *malestimi* (презирать), а при *invit* (приглашать) что должно означать *malinviti*: не приглашать или (какъ противоположность) выгонять? *In* означает женскій полъ: *patro* (отецъ) — *patrino* (мать); слѣдовательно, *мать* понятна только, какъ женскій родъ отъ *отецъ*, тогда какъ, несомнѣнно, понятіе о матери этимъ противопоставленіемъ не покрывается. Въ этомъ же родѣ и другія словообразовательныя приставки и вставки эсперанто. Общее число ихъ достигаетъ солидной цифры около 50. И это, по увѣренію д-ра Заменгофа, можно будто бы выучить въ полъ-часа! Обратимся къ грамматикѣ эсперанто.

Несмотря на свою видимую простоту, языкъ эсперанто требуетъ значительнаго напряженія памяти для изученія множества производныхъ элементовъ, представляющихъ, какъ во многихъ искусственныхъ языкахъ, схематизмъ, не укладывающійся въ рамки живого языка. Склоненіе заключается здѣсь въ присоединеніи предлоговъ: *de* (родит. пад.), *al* (дательн.), *per* (творительн.) и др. Признакомъ множественнаго числа служить приставка *j*, которая, быть можетъ, заимствована Заменгофомъ изъ финскаго языка, но совершенно чужда человѣку, говорящему на одномъ изъ современныхъ индо-европейскихъ языковъ. Винительный падежъ образуется съ нарушеніемъ общаго правила, допускающаго въ склоненіи только предлоги: именно, къ основѣ присоединяется окончаніе — *n* (изъ древне греческаго). Такъ, винит. пад. множеств. числа отъ *patro* (отецъ) будетъ гласить: *patrojn*, отъ *patrino* (мать) — *patrinojn*. Принципъ агглютинаціи, какъ видимъ, проведенъ здѣсь послѣдовательно, хотя, разумѣется, *fratrino* (жен. родъ отъ *братъ*) не есть *sestra*, *bovino* (отъ *bovo* — быкъ) не есть *корова* для нашего обычнаго пониманія языка. Настоящую головоломку представляютъ многочисленныя словарныя образования эсперанто: отъ *doktoro* (докторъ) образуются напр., *doktoredzino* (жена доктора) и *doktorinedzo* (мужъ докторши), *gefratoj* (братъ и сестра вмѣстѣ) и мн. др. Такой же произволъ, какой отмѣченъ мною выше въ воляшукѣ, и который, вѣроятно, не избѣженъ вообще въ искусственныхъ языкахъ, господствуетъ и въ эсперанто. Образованія съ помощью различныхъ суффиксовъ *могутъ* имѣть то или другое значеніе, составитель эсперанто опредѣляетъ именно такое-то значеніе. Напримѣръ, возьмемъ суффиксъ *ar* — имѣющій коллективное значеніе: отъ *arbo* (дерево) образуется *arbaro* — лѣсъ, собств. собраніе деревьевъ, хотя, само собою разумѣется, собраніе деревьевъ еще не есть лѣсъ, какъ нѣсколько *вагоновъ* — *vagonaro* не

составляют поѣзда и нѣсколько словъ—*vortaro* не образуютъ словаря. Слово *лѣсъ* могло бы быть образовано и съ суффиксомъ —*uj*, означающимъ *мѣсто*, гдѣ собраны предметы (*poto*, яблоко, а *potujo*—яблоня). Такихъ недоумѣній у всякаго, кто захочетъ въ *полѣ часа* выучить грамматику, и потомъ, по рекомендаціи самого составителя его, найдя непонятное слово, отыскивать его части въ словарѣ, должно быть много. Беру, напр., слово *maristo* и ищу его части; *o*—окончаніе, —*ist*—суффиксъ (въ русскомъ изданіи словаря: *ist*—„занимающійся“), *mar*—море. Кто занимается моремъ? Ученый, изучающій морскую фауну и флору, гидрографъ, маринистъ? Оказывается, что въ пониманіи эсперантиста, „моремъ занимается“, т. е. есть *maristo*, *морякъ*. Слѣдовательно, для того, чтобы усвоить себѣ точку зрѣнія д-ра Заменгофа, что только *морякъ* есть „мористъ“, нужно просто посмотрѣть въ словарѣ, что означаетъ цѣлое слово, а знакомство съ отдѣльными его частями нисколько не поможетъ пониманію дѣла. И такъ же обстоитъ дѣло почти со всѣми словами эсперанто. Въ спряженіи господствуетъ тотъ же произволъ: *as*—настоящ. время, *is*—прошедшее, *os*—будущее, условное наклоненіе—*us*—и т. п. Запомнить все это, конечно, не такъ легко и просто, какъ это кажется д-ру Заменгофу. Просматривая его „полный учебникъ“, состоящій изъ 16 параграфовъ и занимающій четыре странички самаго маленькаго формата, замѣчаешь отсутствіе хотя бы такого важнаго указанія, какъ правило объ удареніи. На какомъ мѣстѣ оно ставится? Читая стихи на языкѣ эсперанто, мы находимъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ слова, что объясняется, вѣроятно, вліяніемъ польскаго языка. Въ другихъ случаяхъ, однако, удареніе стоитъ на концѣ словъ. Что же касается *звучности* эсперанто, то ея источникъ (тамъ, гдѣ, дѣйствительно, она можетъ быть констатирована) заключается въ *подражаніи* языка итальянскому. „Но, *mia kor, ne battu maltrankvile!*“ (о, мое сердце, не бейся безпокойно!) восклицаетъ въ одномъ стихотвореніи составитель. Но вѣдь вся эта фраза является только искаженіемъ романскихъ словъ, какъ и подобная ей: „Но *mia kor, post longa laborada*“... Итакъ, *нужно знать* романскіе и германскіе языки, отчасти также славянскіе, чтобы легко и быстро разбираться въ эсперанто. Для человѣка, не обладающаго *никакими* лингвистическими знаніями, онъ представляетъ едва-ли меньшую трудность, чѣмъ всякій другой иностранный языкъ. Вѣдь трудность этого послѣдняго заключается по большей части, а иногда почти исключительно въ словарѣ, а не въ грамматикѣ. Воспитанникъ русской классической гимназіи временъ процвѣтанія грамматической зубрежки, Л. Заменгофъ естественно могъ преувеличить значеніе трудностей такого изученія. Но представляеть-ли такія непреодолимые затрудненія грамматика французскаго или англійскаго языковъ, чтобы потребовалась замѣна ея грамматикой эсперанто? Конечно, только незнакомство со словаремъ этихъ языковъ можетъ

послужить главной помѣхой для того, чтобы понимать ихъ, а грамматику французскаго языка въ ея основныхъ чертахъ (безъ рѣдко употребляемыхъ глагольныхъ формъ) можно запомнить едва-ли съ большимъ трудомъ, чѣмъ грамматику эсперанто. Специальная критика этого языка (Couturat et Leau. 330—363) указываетъ на произволъ въ созданіи азбуки эсперанто, на допускаемые имъ неблагозвучныя сочетанія звуковъ (*eksciti, sciencia*), на чересчуръ частое употребленіе звука *j* (*kaj la plejbonaj patroj*) и т. под. Будучи приверженцами идеи всемірнаго языка, названные авторы отдають должное и достоинствамъ эсперанто, который они считаютъ способнымъ жить и развиваться. Дѣйствительность, однако, уже въ значительной мѣрѣ обнаружила ошибочность этой надежды.

Несмотря на пламенные стремленія идеалистовъ, примкнувшихъ къ идеѣ Л. Заменгофа, число его приверженцевъ было все-таки довольно незначительно: въ началѣ 1903 года ихъ было всего около 8 тысячъ человекъ, теперь, вѣроятно, нѣсколько десятковъ тысячъ, а можетъ быть и нѣсколько сотъ тысячъ человекъ. По даннымъ, относящимся къ июню 1910 года, число эсперантистскихъ обществъ превысило уже 1500. Но въ эсперанто уже наступилъ расколъ: всемірный языкъ, выйдя изъ предѣловъ маленькой группы людей, встрѣтилъ индивидуальныя требованія, съ которыми пришлось считаться. Въ концѣ 1907 года онъ подвергся основательной реформѣ. Создали *новую* грамматику и *новый* словарь, и получился *новый* языкъ Идо. Теперь, когда я пишу эти строки, передо мной лежитъ воззваніе пастора Шнеебергера, который горячо рекомендуетъ это „Идо“, утверждая, что его можно изучить *шутя*, такъ какъ его грамматика состоитъ изъ немногихъ простыхъ правилъ, не знающихъ исключеній. Запоминаніе словъ не требуетъ большого труда, *такъ какъ* многія изъ нихъ извѣстны изъ родного или иностранныхъ языковъ и т. под. Получается такимъ образомъ сказка „про бѣлаго бычка“. Идо, какъ оказалось, опять-таки не всѣхъ удовлетворило, и попытки новыхъ и новыхъ искусственныхъ языковъ продолжаются донинѣ. Еще въ 1907 году былъ предложенъ міру новый искусственный языкъ, *Novilatin*, проф. Беермана. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что это далеко не послѣдняя попытка въ этой области, но признаніе пастора Шнеебергера, что словарь „Идо“ тѣмъ хорошъ, что въ немъ много уже *знакомыхъ* изучающему словъ, является убійственнымъ для дѣла. Точно также фантастическимъ надеждамъ одного изъ энтузіастовъ „всемірнаго языка“, проф. Бодуэна-де-Куртена, можно противопоставить его собственное заявленіе, что *онъ* достигъ возможности понимать безъ затрудненія всякій эсперантскій текстъ (за исключеніемъ тамъ и сямъ отдѣльныхъ словъ) послѣ двухнедѣльной работы, посвящая этому изученію ежедневно 12 часовъ. А такъ какъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенъ по специальности своей лингвистъ, который хорошо знаетъ много древнихъ и новыхъ языковъ и, конечно, можетъ найти почти всѣ источники

эсперантского словообразования, то онъ свидѣтельствуешь, въ сущности, о чрезвычайной трудности изученія не только этого, но и всякихъ искусственныхъ языковъ. Говорю: *всякихъ* потому, что, по существу, между однимъ или другимъ изъ этихъ языковъ разницы нѣтъ: надо заучивать не продуктъ коллективнаго творчества многихъ вѣковъ и поколѣний, но созданіе одного человѣка или группы людей, которымъ пришло въ голову создать такую-то грамматику и образовать такой-то словарь, по принципамъ, логичность и ясность которыхъ не отшлифовалась вѣками употребленія этого языка въ народѣ. Произволъ одного человѣка господствуетъ здѣсь такъ же, какъ и во всѣхъ искусственныхъ языкахъ, сочиненныхъ для извѣстнаго момента и извѣстной надобности. И именно вотъ это стремленіе *подчинить* себѣ въ языковомъ отношеніи группу людей является пережиткомъ весьма давнихъ отношеній между людьми: *cujus regio, ejus lingua*. Въ дѣтскомъ возрастѣ это стремленіе проявляется наивно и непосредственно, у взрослыхъ сочинителей языковъ оно принимаетъ характеръ идеалистическаго чувства: „для единого человѣчества нуженъ единый языкъ“, а въ политикѣ то же стремленіе къ *подчиненію* и въ области языка формулируется государственными соображеніями иногда весьма сомнительной доказательности. Одинъ нѣмецкій писатель рассказываетъ (Юстусъ Мёзеръ, см. интереснѣйшую названную выше статью Р. Мейера, стр. 268), что въ дѣствѣ онъ съ нѣсколькими товарищами основалъ ученое общество, въ которомъ они пользовались особеннымъ, ими самими сочиненнымъ языкомъ. Одинъ составилъ грамматику этого языка, другой сочинилъ словарь; были придуманы и печать общества, и календарь, и стали издавать журналъ, при чемъ увлеченіе мальчиковъ было настолько велико, что учителя съ трудомъ побѣдили его.

Подобныхъ фактовъ наука знаетъ немало: они показываютъ, что элементъ *воли* до сихъ поръ играетъ еще очень важную роль въ образованіи языка, иногда принимая даже атавистическую форму сочиненія однимъ человѣкомъ языка, обязательнаго для другихъ. Не лишено справедливости замѣчаніе проф. Лескина („Zur Einführung“... 392), что, по словамъ д-ра Заменгофа, нѣмцы и русскіе и др. *должны* принять въ его языкѣ то и то, „только самъ д-ръ Заменгофъ, повидимому, *никогда ничего не былъ долженъ*“ (въ области языка). Таковы, вообще, законодатели языка на всей землѣ. Выходило, такимъ образомъ, что культурное человѣчество должно принять для международнаго общенія не тотъ или другой изъ существующихъ и широко распространенныхъ языковъ, но тотъ, который самъ единолично выдумалъ Л. Заменгофъ. Фактически же эта выдумка искусственнаго языка вовсе не диктуется культурными потребностями. Тамъ, гдѣ сталкиваются на незначительной территоріи многія разноязычныя племена, имъ, дѣйствительно, приходится прибѣгать къ какимъ-нибудь средствамъ взаимнаго пониманія, и, какъ мы видѣли, при скудости культур-

наго запаса, характерной для такихъ племенъ, имъ и удастся изобрѣсти эти средства или въ видѣ языка жестовъ, или въ видѣ какого-нибудь общаго говора, или, наконецъ, въ формѣ пониманія обѣими говорящими сторонами языковъ другъ друга. Но у культурныхъ народовъ этой потребности просто не существуетъ: европейскихъ языковъ, на которыхъ говорить въ Азіи и Европѣ, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи, вовсе немного. Это языки французскій, распространенный во всей Европѣ, англійскій, на которомъ говорятъ въ Японіи и Китаѣ, Австраліи и Америкѣ, отчасти русскій и нѣмецкій языки. Этого совершенно достаточно, чтобы объѣздить весь культурный міръ и вести любыя сношенія съ иностранцами. А для того, кто читаетъ по англійски, нѣмецки, французски, русски, открываются еще такія богатства человѣческаго духа, такія великія произведенія человѣческаго разума, передъ которыми, конечно, блѣднѣетъ жалкая „литература“ любого искусственного языка, которая создана однимъ или нѣсколькими людьми и должна замѣнить богатства, накопленные цѣлыми вѣками жизни цѣлыхъ народовъ. Да и для дѣловыхъ сношеній веденіе корреспонденціи на языкѣ того иностраннаго народа, съ которымъ поддерживаются оживленные торговые связи, не представляетъ никакого практическаго неудобства, потому что эти связи требуютъ постоянного взаимнаго обмѣна вовсе не только путемъ писемъ или поѣздокъ коммивояжеровъ. Въ области научной сама собой создается международная терминологія по всякой специальности. Естественное сближеніе народовъ вызываетъ образованіе множества тождественныхъ словъ для обозначенія различныхъ сторонъ культурной жизни. Вмѣстѣ съ предметами заимствуются и названія ихъ, и такъ было, несомнѣнно, уже въ древнѣйшія времена человѣчества. Такимъ образомъ, представляя съ точки зрѣнія психологическаго изученія языка явленіе весьма любопытное, искусственные языки, навѣрное, никогда не будутъ призваны къ сколько-нибудь значительной культурной роли и останутся лишь развлеченіемъ и прихотью людей, увлекающихся всѣмъ необычнымъ и склонныхъ къ фантазерству.

Какая мнѣ польза отъ того, что на языкѣ эсперанто я окажусь въ состояніи переписываться съ какимъ-нибудь бразильцемъ или жителемъ Сиднея, если меня съ нимъ не связываетъ ничего, кромѣ празднаго любопытства. Если же мнѣ, дѣйствительно, *нужно* вступить съ нимъ въ сношенія, то я найду для этого способъ помимо эсперанто. Но, вообще говоря, самая вѣроятность того, что мнѣ могутъ понадобиться эти отношенія, въ высшей степени ничтожна. Что же касается государства, то какой же „государственный“ народъ откажется отъ своего права вводить объединяющее начало въ видѣ *своего* языка въ присоединенныхъ областяхъ и замѣнить этотъ *свой* языкъ всѣмъ чужимъ, искусственнымъ языкомъ, придуманнымъ самолично Львомъ Заменгофомъ или даже цѣлой „Академіей“?

Конечно, вопросъ объ общемъ языкѣ науки представляетъ извѣстное значеніе, но возраженія противъ употребленія въ научныхъ сочиненіяхъ національныхъ языковъ, сдѣланныя кружкомъ ученыхъ защитниковъ искусственнаго языка (см. выше, кн. „Welsprache und Wissenschaft“ 1909), эти возраженія не представляются убѣдительными. „Если бы даже ученые были совершенно свободны отъ національнаго эгоизма, то ихъ соотечественники все же принуждали бы ихъ пользоваться національнымъ языкомъ не для того, чтобы содѣйствовать развитію науки, но для того, чтобы своимъ ученымъ творчествомъ они оказывали помощь своему національному языку и *вмѣстѣ съ тѣмъ* (damit) своему народу“. Такъ полагаютъ совершенно правильно приверженцы „мірового языка“ науки, забывая, что претензіи, предъявляемыя „соотечественниками“ къ ученымъ, вполнѣ справедливы и логичны, и что онѣ останутся въ силѣ и тогда, когда будетъ сочиненъ такой всеобщій языкъ. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1900 году, благодаря всемірной выставкѣ въ Парижѣ, возникла „Délégation pour l'adoption d'une langue auxiliaire internationale“ (Делегация для принятія международнаго вспомогательнаго языка), которая въ 1907 году, закончивъ предварительную работу, рѣшила предложить свой проектъ международному союзу Академій. 15 октября 1907 года начались засѣданія комиссіи изъ 16 человѣкъ въ Collège de France; въ нее входили Оствальдъ, Кутюра, изъ лингвистовъ Бодуэнъ-де-Куртене и Есперсенъ и др. За основу международнаго языка былъ принятъ эсперанто, который и подвергся различнымъ реформамъ, вызвавшимъ большое возмущеніе среди правовѣрныхъ эсперантистовъ. Эти послѣдніе даже запретили именовать реформированный языкъ эсперанто, и тогда Делегация приняла названіе „internaciona linguo di la delegitaro“, откуда и пошло названіе *идо*. По словамъ изобрѣтателей языка *идо*, превосходство его надъ эсперанто просто бросается въ глаза. Однимъ изъ достоинствъ оказался, напр., словарь „основныхъ словъ“, заключающій въ себѣ 5400 названій, изъ которыхъ (что отмѣчается съ особеннымъ удовольствіемъ) *сорокъ процентовъ* содержится во *всѣхъ шести* нижепоименованныхъ языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ, русскомъ и испанскомъ. Отсюда противникъ международнаго языка могъ бы сдѣлать выводъ, что количество общихъ словъ, созданныхъ культурообмѣномъ человѣчества, уже настолько велико, что нѣтъ надобности въ особыхъ искусственныхъ словаряхъ. И, повидимому, сами составители *идо* остановились передъ этимъ соображеніемъ. Такія общія слова, говорятъ они, „доказываютъ существованіе международнаго языка, независимо отъ всякой теоріи“. Это было бы правильно, если бы слово *языка* замѣнить выраженіемъ *словаря*.

Въ началѣ 1909 года была учреждена новая организація для распространенія всемірнаго языка, охватившая, какъ увѣряютъ составители

названной книги, всѣ части свѣта. Это былъ „Союзъ друзей международнаго языка“ (Unione di l'amiki di la linguo internaciona), состоящій изъ Comitato, комитета, завѣдующаго практическими сторонами дѣятельности Союза, и Академіи, взявшей на себя „научное изслѣдованіе международного вспомогательнаго языка“. Самымъ интереснымъ вопросомъ, какимъ задалась делегация, и который разработанъ и въ ея публикаціи о всемірномъ языкѣ, является „примѣненіе логики къ проблемѣ международного языка“. Здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о возрожденіи старинныхъ мечтаній о философскомъ языкѣ. Ни въ чемъ не обнаруживается такъ ярко нежизнеспособность искусственныхъ языковъ, какъ въ стремленіи ихъ составителей придать разъ навсегда законченный „философскій“ характеръ ихъ построеніямъ. Между тѣмъ, по мнѣнію автора этой главы въ коллективномъ изданіи, французскаго философа Кутюра, права на логическое совершенство языку идо даютъ слѣдующія его достоинства. Глаголь и имя различаются въ немъ только по окончаніямъ. „Это всегда одно и то же понятіе, выраженное основнымъ словомъ, которое переходитъ изъ одной грамматической категоріи въ другую. Это положеніе вещей вытекаетъ изъ одного принципа, на которомъ зиждется все строеніе международного языка. Каждый элементъ слова (морфема) представляетъ собою одно элементарное понятіе, которое *остается постоянно неизмѣннымъ* (immer derselbe bleibt), такъ однако, что комбинація этихъ элементовъ обладаетъ опредѣленнымъ смысломъ, даннымъ сочетаніемъ соответствующихъ мыслей (durch die Verbindung der korrespondierenden Gedanken)“. Стоитъ прочесть хоть это разсужденіе Кутюра, чтобы видѣть въ международномъ языкѣ вовсе не прогрессъ человѣческой мысли, но, напротивъ, возвращеніе къ той ея безпомощности, когда она не могла освободиться отъ путъ конкретности. Вѣдь въ австралійскихъ или негрскихъ языкахъ каждый формальный элементъ, т. е. суффиксъ или приставка, дѣйствительно, обладаютъ конкретнымъ, имъ присущимъ самостоятельнымъ значеніемъ, такъ что соединеніе этихъ элементовъ съ основой является „сочетаніемъ“ соответствующихъ мыслей, употребляя выраженіе Кутюра. Лишь постепенно мысль человѣка освободилась отъ этого точнаго соответствія формальныхъ элементовъ слова опредѣленному значенію, и тогда явилась возможность выражать съ помощью грамматическихъ образованій всяческіе оттѣнки мысли, не связанной *разъ навсегда* (какъ въ Идо) опредѣленнымъ значеніемъ суффикса. Такимъ образомъ, искусственный всемірный языкъ, разработанный цѣлой коллегіей ученыхъ, или оказывается возвращеніемъ къ тому прошлому, когда мысль коснѣла въ узахъ конкретнаго словообразованія, или простымъ сочетаніемъ алгебраическихъ знаковъ, какъ въ т. наз. „философскихъ“ языкахъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ и идо, какъ эсперанто или воляпюкъ, обречено на распространеніе въ кругу немногочисленныхъ энтузіастовъ и въ свое время

забудется, уступивъ, какъ и его предшественники, живой потребности человечества въ языкахъ, въ которыхъ творчество совершается свободно всякимъ говорящимъ. Печальная судьба всѣхъ искусственныхъ языковъ даетъ яркое доказательство именно того положенія, что языкъ есть не что-нибудь заранѣе и разъ навсегда данное, но постоянное творчество говорящей среды и отдѣльныхъ членовъ ея.

ГЛАВА XII.

Образъ и слово.—Развитіе значенія слова.—Слова безъ образа.—Понятія.—Сужденія.

Обратимся теперь къ основнымъ элементамъ рѣчи. Мы говоримъ словами и, какого бы ни были происхожденія слова современныхъ языковъ, въ каждомъ изъ нихъ все-таки сознаніе говорящаго лица опредѣляетъ извѣстные звуковые комплексы, какъ цѣльныя слова. Какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ изъ языковыхъ типовъ, напр. въ языкахъ банту и въ американскомъ типѣ инкорпорации, сочетаніе словъ производится такимъ образомъ, что цѣлое предложеніе, въ сущности, становится однимъ словомъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь современный человѣкъ, говорящій на такомъ языкѣ, отдастъ себѣ отчетъ, что это предложеніе раздѣляется на отдѣльныя слова, изъ которыхъ каждое является носителемъ особаго значенія. И вотъ вопросу о значеніи слова и будетъ посвящена настоящая глава. Прежде всего передъ нами психологическая проблема образа, такъ какъ и въ предшествующемъ изложеніи постоянно приходилось указывать на связь между образомъ и словомъ. Семасіологія, ученіе о развитіи значеній слова, должна исходить именно изъ психологическаго изученія образнаго мышленія человѣка ¹⁾.

Образъ не есть что-нибудь цѣльное и опредѣленное. Напротивъ, „внимательное наблюденіе показываетъ, говорить Ж. Филиппъ, что наши обычные образы вовсе не являются картинами, которыя раскрываются сразу передъ глазами зрителя, но что они должны подвергаться процессу терпѣливой и медленной реконструкціи, подобно разсыпавшейся мозаикѣ. Каждый обломокъ этой послѣдней, будучи поставленъ на свое мѣсто, выясняетъ мѣсто другого обломка, который нужно отыскать, и въ этой работѣ терпѣливой реконструкціи нужно умѣть извлекать каждую подробность, одну за другой, изъ области безсознательнаго, гдѣ онѣ таятся и откуда ихъ вызываютъ эти непрерывные призывы.“ Но далеко не всѣ люди оказы-

¹⁾ 1. *Philippe*. L'image mentale. Evolution et Dissolution. 1903. *E. Peil-laube*. Les images. Essai sur la mémoire et l'imagi nation. 1910. *G. H. Betts*. The distribution and functions of mental imagery 1909. *O. Ganzmann*. Ueber Sprach—und Sachvorstellungen. 1902.

ваются въ состояніи продѣлать этотъ трудъ и собрать разьединенные куски образа; только рѣдкимъ, особенно одареннымъ умамъ удастся осуществить эту задачу въ полной мѣрѣ. Разумѣется, при такомъ состояніи нашего сознанія образъ не есть нѣчто простое, поддающееся формулировкѣ безъ дальнихъ словъ. Наряду съ образами простыми и ограниченными, образами еще недавняго происхожденія и свѣжими въ памяти, имѣются и такіе, которые по своему характеру представляютъ уже какъ бы синтезъ, какъ будто бы они были составлены изъ побочныхъ образовъ, достаточныхъ каждый для того, чтобы остановить на себѣ цѣликомъ нашъ взглядъ. Какъ напр., создать въ своемъ воображеніи образъ какой-нибудь улицы? Этотъ образъ будетъ составной, состоящей изъ нѣсколькихъ частей, вызванныхъ сознаніемъ и сопоставленными имъ. Но есть образы средняго типа, наиболѣе обычные въ нашей жизни. „На первый взглядъ они даютъ только общее впечатлѣніе, которое необходимо углубить, если желаешь большей точности, но которое и безъ того достаточно для обыкновеннаго теченія нашей умственной жизни“. На ихъ анализѣ Ж. Филиппъ и останавливается подробнѣе, такъ какъ имъ и принадлежитъ самое видное участіе въ нашей духовной жизни. По его убѣжденію, всякій образъ состоитъ изъ двухъ рядовъ различныхъ элементовъ: одинъ образуетъ самое существо образа, его ядро; другой—его оболочку, прибавочные признаки, которые стали необходимы и, какъ таковыя, дополняютъ образъ и готовятъ его къ той роли, которую онъ долженъ играть въ мірѣ образовъ. Лишь благодаря этимъ послѣднимъ, онъ легко можетъ принять участіе въ нашей умственной дѣятельности. А между тѣмъ, эти элементы составляютъ въ дѣйствительности только часть образа, который можно понять и безъ нихъ, но тогда отъ образа осталось бы такъ немного, что едва ли его можно было бы и представить себѣ. „Поэтому, такая виѣшняя оболочка является, въ дѣйствительности, неотдѣлимой отъ образа, и для того, чтобы ихъ диссоціировать, необходимо дѣятельное участіе анализа“. Изъ этихъ какъ бы второстепенныхъ, но, въ сущности, совершенно необходимыхъ элементовъ нѣкоторые являются скорѣе логическими, чѣмъ изобразительными (*représentatifs*). Это наблюдается особенно въ образахъ, возникшихъ давно и нуждающихся для возстановленія своей полноты въ дѣятельности разума: та или другая подробность выпала изъ памяти, но сознаніе подсказываетъ, что она *должна* была существовать. Разумѣется, такіе образы, дополняемые путемъ словесныхъ умозаключеній, не могутъ быть приписаны доязыковому умственному существованію животнаго или человѣческаго предка. Здѣсь слѣдуетъ предположить очень смутные и общіе образы, легко смѣшивающіеся по извѣстнымъ признакамъ сходства съ другими болѣе или менѣе подходящими. „Рядомъ съ этими (логическими) элементами, говоритъ названный изслѣдователь, мы находимъ элементы вполнѣ картинныя (*figuratifs*), и теперь составляющіе интегральную часть образа,

но его первоначальному воспріятію ни въ коемъ случаѣ не принадлежавшіе. Это элементы, прибавленные впослѣдствіи для заполнения пустоты и пропусковъ, которые вредили бы связности образа. Откуда они явились? Теперь это трудно было бы опредѣлить, потому что мы собирали ихъ справа и слѣва, почти повсюду. Несомнѣнно, въ тотъ моментъ, когда мы ихъ вызвали, они находились въ обладаніи какого-то образа этого рода, не будучи тѣсно связаны ни съ однимъ“. Такъ, человекъ, забывъ всѣ детали видѣннаго имъ зданія, восполняетъ ихъ воображеніемъ вслѣдствіе того, что въ его памяти встаютъ сходныя особенности другихъ зданій; ему кажется, вслѣдствіе смѣшенія этихъ образовъ, что та или другая деталь наиболѣе гармонировала бы съ этимъ зданіемъ. Такой процессъ происходитъ внѣ сознательнаго стремленія дополнить и объяснить, какъ въ первомъ случаѣ, и его, повидимому, слѣдуетъ приписать умственной жизни, предшествующей возникновенію языка. При томъ при развитіи сознанія и образованіи словъ именно это нарожденіе постороннихъ признаковъ въ образѣ должно было явиться причиной метафорическихъ выраженій того типа, о которомъ мы будемъ говорить дальше. Возникновеніе такихъ прибавочныхъ подробностей происходитъ слѣдующимъ образомъ: „Когда я представляю себѣ то, что есть въ дѣйствительности, и если мнѣ оказывается трудно представить это, я испытываю моментъ утомленія; я ищу, я не понимаю предмета безъ какой-то подробности, и вотъ непосредственно затѣмъ появляется образъ; я не выдумывалъ его, я могъ его видѣть гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, но это всегда будетъ нѣчто, что окажется въ согласіи съ остальнымъ“. Весьма часто, однако, въ нашихъ образахъ остаются настоящіе пропуски, не восполняемые ни воображеніемъ, ни логическимъ размысленіемъ, и мы чувствуемъ, что образъ не полонъ.

Выдѣляя перечисленные выше прибавочные элементы, мы получаемъ самый образъ. „То, что является прежде всего, когда ищешь образъ самъ по себѣ, оказывается чѣмъ-то въ родѣ эндуэта, совокупности или массы, въ которой быстро намѣчаются главныя линіи, и гдѣ фиксируются понемногу контуры и важнѣйшіе пункты. Все это еще очень неточно; это какое то смутное цѣлое; между тѣмъ, уже и этимъ образъ отличается отъ всякаго другого аналогичнаго или смежнаго. Онъ уже пріобрѣтаетъ свою индивидуальность“. Иногда такой образъ сопряженъ еще и съ чувствомъ, болѣе или менѣе отчетливымъ. Это чувство помогаетъ намъ находить подробности, необходимыя для полноты образа. Такія подробности, иногда слабо связанныя съ цѣлымъ, выплывающія въ нашей памяти, какъ отдѣльные образы, оказываются часто гораздо болѣе яркими, чѣмъ самый образъ, но гораздо болѣе мимолетными; фиксировать ихъ иногда не удается. И наконецъ, въ каждомъ образѣ есть нѣчто, что придаетъ ему жизненность, тотъ центральный элементъ, около котораго складываются вторичныя образованія. Эти „живыя подробности,

свидѣтели нашихъ чувствъ“, придаютъ всему образу его индивидуальность. Вотъ заключеніе, къ которому приходитъ французскій психологъ въ результатъ своего изслѣдованія природы образа. Для языкознанія оно полно значенія: вѣдь, если слово является названіемъ представленія, образа, то естественно предположить, что словомъ означаетъ именно эта *живая часть* образа, и остается только выяснить, какой изъ признаковъ предмета легче всего можетъ составить такую „живую часть“. Такимъ образомъ, уже исходя изъ фактовъ психологіи, мы можемъ предположить, что слово могло быть названіемъ собственно не всего предмета, а только извѣстнаго признака его, „свидѣтеля нашихъ ощущеній“ (*le témoin et résidu de nos sensations*), что, въ свою очередь, находится въ связи съ *эмоціональнымъ* характеромъ первоначальной человѣческой природы.

Обратимся, однако, къ дальнѣйшему анализу образа въ изложеніи д-ра Филиппа. Онъ отмѣчаетъ, что смутность и неясность образа, дѣлающія изъ него простой субститутъ воспріятія, представляютъ большую экономію для умственной жизни. „Упрощенія этого рода *необходимы* для быстраго функціонированія умственного организма, и представляется вѣроятнымъ, что мы сами совершаемъ ихъ инстинктивно съ самаго начала умственной жизни, чтобы избѣжать переобремененія. При этомъ намъ прекрасную услугу оказываетъ наше умѣніе (*aptitude*) *отвлекать*, т. е. отнимать отъ образа и забывать бесполезные элементы; это отвлеченіе не ограничивается тѣмъ, что уменьшаетъ бремя образа; оно точно также уменьшаетъ самое число образовъ“. Въ основаніи *значенія словъ* и лежатъ, такимъ образомъ, или упрощенныя, или отвлеченныя представленія, такъ что иногда со словомъ можетъ связываться, какъ это вытекаетъ изъ природы образа, весьма упрощенное представленіе, а иногда слово не будетъ покрывать уже никакого образа вовсе. Это происходитъ вслѣдствіе свойства образа терять, мало-по-малу, свою изобразительную силу (*la force représentative*); вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ происходитъ и другая перемѣна: онъ утрачиваетъ постепенно свою способность являться въ нашемъ сознаніи съ какой-то роковой силой, какъ бы навязанной намъ извнѣ, точно воспріятіе, въ которомъ мы не способны что-нибудь измѣнить. Въ концѣ концовъ, такое представленіе, конечно, совершенно исчезло бы изъ нашего сознанія, не оставивъ послѣ себя никакого познавательнаго элемента, если бы оно не было зафиксировано словомъ, которое когда-то означало именно самую живую часть образа. Но забываются изобразительные элементы представленія и замѣняются логическими, которые являются послѣдствіемъ нашихъ собственныхъ умственныхъ операцій (Filippe. 51). Переносъ это положеніе въ область ученія о значеніи словъ (семазіологіи), мы можемъ сказать, что слово означаетъ первоначально извѣстный признакъ предмета, наиболѣе поразившій вниманіе того, кто сочинилъ и распространилъ его; потомъ, когда блѣднѣетъ

образъ, значеніе слова связывается уже не съ первоначальнымъ представленіемъ, но съ тѣмъ образомъ предмета, который конструированъ съ помощью элементовъ, привнесенныхъ сознаниемъ. Разумѣется, такой образъ настолько индивидуаленъ, что слово, собственно, не связывается уже ни съ какимъ опредѣленнымъ образомъ.

Психологическій анализъ природы образа обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что духовная жизнь, въ которой преобладаетъ смѣна образовъ, осуждена на чрезвычайную скудость. Несомнѣнно, въ смыслѣ накопленія запаса познаній, эти образы представляютъ большое значеніе. „Большая часть нашихъ теперешнихъ воспріятій представляетъ собою не что иное, какъ старыя, но возстановленные впечатлѣнія, болѣе или менѣе ожившія; отсюда вытекаетъ, что ихъ образы совершенно естественно входятъ въ группы, уже заранѣе созданныя другими аналогичными образами, гдѣ они и сливаются въ одно цѣлое. Иногда даже они совершенно исчезаютъ въ ней; тогда они живутъ въ далекомъ безсознательномъ мірѣ, гдѣ становятся такими смутными и блѣдными, что мы не можемъ даже возстановить ихъ въ своемъ сознаниі, когда мы этого хотимъ“ (J. Philippe. 61). Но когда-то эти смутные образы могли быть живыми и дѣятельными; съ ними могло связываться названіе, метафорическое выраженіе, и вотъ теперь, когда образъ сталъ блѣденъ и уже не можетъ быть вызванъ произвольно изъ глубины полусознательнаго, названіе осталось. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это названіе можетъ прикрывать собою опредѣленный образъ, напр., новый образъ вмѣсто стараго; оно можетъ также не вызывать ровно никакого образа или вызывать такой образъ, который обладаетъ признаками вышеуказаннаго *логическаго* происхожденія, что, въ сущности, близко къ отсутствію образа совсѣмъ. Наконецъ, слово можетъ служить обозначеніемъ для *цѣлага ряда образовъ*, и этотъ случай заслуживаетъ особеннаго вниманія. Анализъ д-ра Филиппа показываетъ, что уже въ нашемъ сознаниі, помимо нашей воли, подготавливается тотъ результатъ, который закрѣпляется словомъ. Заключается онъ въ смѣшеніи образовъ. „Мы легко можемъ вообразить себѣ, что число образовъ для каждого предмета пропорціонально числу представленій, которыя мы получали отъ нихъ, и мы думаемъ, напр., что, желая мыслить о лошади, мы представляемъ себѣ сначала образъ одной лошади, которую мы видѣли, потомъ образъ другой, непосредственно за этимъ иные, и такъ до безконечности, пока мы не перестанемъ думать объ этомъ, придавъ нашемууму другое направленіе. А такъ какъ съ дѣтства мы видѣли почти безконечное число лошадей, то намъ остается только сказать, что количество образовъ ихъ у насъ почти безконечно, и что ихъ полное перечисленіе представило бы нескончаемый списокъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе... Не слѣдуетъ думать, что число нашихъ образовъ возрастаетъ съ числомъ соотвѣтствующихъ представленій: напротивъ, первое тѣмъ меньше, чѣмъ чаще возобновля-

ются представлѣнія, и чѣмъ болѣе обычные предметы даютъ эти представлѣнія. *Повтореніе не умножаетъ образовъ: оно ихъ обобщаетъ.* Наблюденіе обнаруживаетъ (вопреки всякому ожиданію), что образы бываютъ тѣмъ болѣе рѣдки, чѣмъ многочисленнѣе и чаще ихъ представлѣнія. Вовсе не усиливая образа съ помощью накопленія общихъ элементовъ, появленіе образа, аналогичнаго предшествующему, ослабляетъ его и стираетъ присущіе ему характерные признаки... Образы, повторяющіеся послѣдовательно одинъ за другимъ, не накаплиются, но смѣшиваются и сливаются одни съ другими, и ихъ число уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество ихъ возвращеній. Но сохраняется то, что объединяетъ всѣ эти образы: слово.

Наиболѣе конкретными являются наиболѣе рѣдкіе образы, характерныя черты которыхъ бываютъ очень отчетливыми, опредѣленными и легко доступными описанію. Но всякое представлѣніе охватываетъ не только предметъ, но и окружающую его обстановку; при видѣ статуи въ музеѣ, мы вспоминаемъ и самый музей. Вспоминая, восстанавливая въ своей памяти весьма живой образъ Сикстинской Мадонны Рафаеля въ Дрезденѣ, я не могу, напримѣръ, отдѣлаться отъ воспоминаній о маленькой, полукруглой залѣ, въ которой она стоитъ, о красныхъ диванахъ, расположенныхъ противъ этой картины, о публикѣ, бывшей одновременно со мной въ этой залѣ. Но, разумѣется, если бы я много разъ въ своей жизни былъ въ этой самой залѣ, всѣ постороннія рафаелевской Мадоннѣ представлѣнія стерлись бы изъ моей памяти, а это значитъ, что въ центрѣ образа осталось бы лишь его ядро. „Чѣмъ чаще повторяется образъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ тенденцію отдалиться отъ конкретного типа“ (J. Philippe. 76). Возникаютъ различныя переходныя формы, пока образъ не превращается въ чистое отвлеченіе. „Абстрактный образъ“—это нѣчто столь общее, что уже не поддается индивидуальному описанію. Какія индивидуальныя черты принадлежать, напр., печатному большому А, и не правы ли тѣ, кто на вопросъ наблюдателя объ этихъ чертахъ отвѣчали: „Если бы я долженъ былъ нарисовать А, это было бы самое банальное А, потому что ни одно изъ нихъ не останавливаетъ моего вниманія, и я не могу сказать: я видѣлъ такое-то А въ такомъ-то мѣстѣ... Особенно относительно А вы не найдете среди людей, какъ мы (много читающихъ), ничего, кромѣ абстракцій: слѣдовало бы спросить о немъ людей неграмотныхъ, которые видѣли его очень мало. Подобный отвлеченный образъ не будетъ соответствовать, напр., *этой* булавкѣ, но какой-то булавкѣ вообще, и иногда такая абстракція заходитъ настолько далеко, что уже теряется возможность вызвать соответствующій образъ. И тогда *слово*, какъ названіе этой абстракціи, остается единственнымъ хранителемъ ея въ сознаніи. Конечно, умственной жизни неговорящихъ существъ наличность такихъ „отвлеченныхъ образовъ“ не можетъ быть приписана.

Образы подвержены известнаго рода измѣненіямъ, и этотъ процессъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ бросаетъ психологическій свѣтъ и на измѣненіе значеній словъ, образованіе метафорическихъ выраженій. Иногда мы обладаемъ очень живымъ образомъ, и онъ стоитъ въ нашей памяти такъ ясно, точно мы его дѣйствительно созерцаемъ глазами. Но, какъ оказывается, въ дѣйствительности, этотъ образъ уже не соотвѣтствуетъ предмету. Когда-то и почему-то онъ подвергся незамѣтно для насъ самихъ измѣненію, нисколько не утративъ при этомъ своей яркости. Причина этого заключается въ той умственной почвѣ, на которую ложатся представленія. Зрительный образъ нуждается для того, чтобы запечатлѣться въ сознаніи человѣка, въ известной умственной подготовкѣ. Д-ръ Филиппъ даетъ анализъ представленій, которыя связывались у одного и того же ребенка въ теченіе 29—39 мѣсяцевъ его жизни, послѣдовательно, съ одной и той же картинкой. Ребенокъ схватывалъ только отдѣльныя черты, по которымъ и давалъ свое толкованіе картинокъ.

Выше мы видѣли, что *узнаваніе* предметовъ представляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ умственныхъ процессовъ въ равномъ дѣтскомъ возрастѣ. Здѣсь же слѣдуетъ подчеркнуть, что передъ этимъ узнаваніемъ отодвигается на задній планъ различеніе подробностей. По словамъ названнаго изслѣдователя, „дѣти не рисуютъ такъ, какъ взрослый человѣкъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе своей неумѣлости, а во-вторыхъ и особенно, потому, что его зрительныя представленія болѣе скудны и несовершенны, чѣмъ наши, и потому, что оно не видитъ такъ же хорошо, какъ мы, предмета, на который оно смотритъ такъ же, какъ и мы. Наши представленія являются продуктомъ чувствъ, терпѣливо воспитанныхъ; они дополняются каждый разъ съ помощью нашихъ предшествовавшихъ представленій. Дѣти не настолько развиты, его воспріятія не такъ полны, какъ наши, и дѣлаются такими лишь постепенно“. Тѣ измѣненія, которымъ подвергаются образы, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ типамъ: образъ обнаруживаетъ тенденцію къ полному исчезновенію или, напротивъ, онъ становится болѣе точенъ, но при этомъ измѣняется и переходитъ въ другую группу образовъ или же приближается къ общему типу, представляющему группу, часть которой онъ составляетъ (J. Philippe. 116). Не трудно видѣть, что этимъ измѣненіямъ образа соотвѣтствуютъ т. наз. переносныя значенія словъ: метафоры и синекдохи. Не останавливаясь подробно на тѣхъ случаяхъ, когда образъ просто исчезаетъ, слѣдуетъ коснуться именно этихъ двухъ послѣднихъ случаевъ, имѣющихъ, какъ сейчасъ указано, значеніе для семазіологіи. Какъ совершается процессъ измѣненія такихъ образовъ? По изслѣдованію д-ра Филиппа, „известныя подробности выпадаютъ, какъ въ случаяхъ абстракціи, но въ то же время другія болѣе выявляютъ себя, становятся выдающимися чертами и занимаютъ весь рисунокъ; такимъ образомъ, онѣ постепенно превращаютъ его

въ очень отчетливое и очень индивидуальное представлѣніе, но относящееся къ другой группѣ, нежели первоначальное представлѣніе“. Что касается обобщенія образа, то здѣсь совершается эволюція этого послѣдняго въ направленіи къ прежде существующему типу, который представляет „пунктъ притяженія“. Подъ вліяніемъ уже имѣющагося образа, пріобрѣтаютъ извѣстныя подробности и вновь возникающіе, принадлежащіе къ той же группѣ. Но та или другая черта воспріятія настолько сильно врѣзалась въ память, что и при обобщеніи образа можетъ сохраниться, какъ его индивидуальный признакъ, и даже передаться обобщенному образу, какъ новая подробность его.

Подводя итоги изложенному выше анализу образа, можно сказать, что для пониманія семазіологій знакомство съ психологической природой образа совершенно необходимо. Какъ мы видѣли выше, въ основаніи образа лежить чувство, но вѣдь то же самое я долженъ былъ отмѣтить при изслѣдованіи первыхъ начатковъ дѣтской рѣчи: слова ея возникаютъ лишь тогда, когда эмоція вызываетъ потребность въ крикѣ. Этотъ эмоціональный элементъ, мало-по-малу, утрачиваетъ свою живость въ образѣ, который получаетъ все больше познавательный характеръ. Соотвѣтственно съ этимъ и слова дѣтской рѣчи изъ восклицаній, мало-по-малу, превращаются въ указанія, а потомъ становятся лишь обозначеніями, названіями. Образъ, данный *именно этимъ*, опредѣленнымъ воспріятіемъ, обобщается въ образъ опредѣленной группы, дѣлается, наконецъ, типомъ, если встрѣчается, повторяется часто. И здѣсь передъ нами опять-таки имѣется соотвѣтствіе въ семазіологій: какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, Г. Пауль первый отмѣтилъ несомнѣнно существующее различіе между значеніями общими (usuell) и тѣми, которыя относятся именно къ этому, опредѣленному случаю (casuell).

Къ приведенному выше психологическому анализу природы образа я присоединю здѣсь наблюденія Бетса, не лишеныя значенія и для семазіологій, тѣмъ болѣе, что онъ изучалъ именно не-словесные образы (non-verbal imagery). Изслѣдуя способность людей вызывать по своему желанію образы предметовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что этой способностью обладаютъ всѣ люди, при чемъ индивидуальные различія заключаются только въ степени живости образовъ. Люди, привыкшіе по своимъ спеціальнымъ занятіямъ къ отвлеченному мышленію, въ значительной мѣрѣ утрачиваютъ яркость образовъ, такъ что даже студенты, надъ которыми производились опыты, превосходятъ въ этомъ отношеніи своихъ преподавателей. Съ обычной точкой зрѣнія, согласно которой зрительные образы при намѣренномъ вызваніи образности имѣютъ перевѣсъ надъ иными, Бетсъ не согласенъ; по его мнѣнію, по своему качеству образы довольно равномерно распредѣляются въ нашемъ сознаніи, и это замѣчаніе относится не только къ зрительнымъ и слуховымъ, но и къ

осязательнымъ образамъ. Американскій психологъ отрицаетъ существованіе умовъ, способныхъ только къ тому или другому типу образнаго мышленія. „Не можетъ быть никакого сомнѣнія, полагаетъ онъ, что большинство умовъ избираетъ извѣстныя формы образности и пользуется ими больше, нежели иными типами; но съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что на практикѣ различныя типы образности могутъ занимать одинаково важное мѣсто въ нашемъ мышленіи, поскольку рѣчь идетъ о произвольномъ вызываніи образовъ“ (Betts. 47).

Что касается не зависящаго отъ нашей воли образнаго мышленія, то американскій изслѣдователь отмѣчаетъ фактъ, несомнѣнно, не лишенный значенія и для семазіологіи: человѣкъ, способный вызвать по своему желанію тотъ или другой образъ, можетъ быть въ своемъ непронизвольномъ умственномъ обиходѣ очень бѣденъ образами и мыслить только съ помощью внутренней рѣчи. „Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, умъ слѣдуетъ только основному закону экономіи силъ и пользуется такими элементами, которые исполняютъ больше всего работы при наименьшей затратѣ энергіи“. Другими словами, мышленіе съ помощью внутренней рѣчи является болѣе производительнымъ, чѣмъ мышленіе съ помощью образа, и потому съ развитіемъ перваго все больше вытѣсняется второе. Какъ совершается этотъ процессъ, мы уже видѣли: чрезмѣрное накопленіе признаковъ обезцвѣчиваетъ образъ и превращаетъ его въ нѣчто столь блѣдное, что уже не можетъ быть вызвано въ воображеніи даже при усилии. Но, покуда образность сохраняется, въ непронизвольномъ образномъ мышленіи преобладаютъ типы зрительныя. Опытъ Бетса далъ въ такомъ мышленіи 73 процента зрительныхъ образовъ при анализѣ образовъ, связанныхъ со словомъ, тогда какъ съ 27 процентами словъ не связывалось никакого образа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слово связывалось съ образомъ, оно въ 27% всѣхъ наблюденій сопровождалось *позже* возникшимъ образомъ, тогда какъ въ 47% образъ и слово возникали одновременно. Но 11 человѣкъ, 14% всей группы, подвергавшейся изслѣдованію, обнаружили у себя полное отсутствіе образности: они думали только словами, а такъ какъ въ опытахъ Бетса фигурировалъ даже письменный образъ произносимаго или мыслившагося слова, то здѣсь приходится констатировать неспособность нѣкоторыхъ изъ современныхъ людей имѣть, вообще, образы предметовъ, о которыхъ они мыслятъ. Можно думать, что эта неспособность, вообще, возрастаетъ въ культурномъ человѣчествѣ: уже болѣе, чѣмъ въ четверти всѣхъ случаевъ, говоритъ Бетсъ, образное мышленіе совершенно отсутствовало, а болѣе, чѣмъ въ четверти ихъ, образъ возникалъ только послѣ слова, что, по существу, уже близко приближается къ первой группѣ. Особенно же это относится, конечно, къ отвлеченнымъ словамъ, въ родѣ *религія*, *молодость*, *животное*, *человѣчество* и т. п. Какъ обнаружили подобныя опыты, производившіяся надъ дѣтьми школьнаго возраста въ

Америкѣ (въ Чикаго), у дѣтей и съ такими словами связывались тѣ или другіе зрительные образы, тогда какъ въ наблюденіяхъ надъ взрослыми показанія ихъ относительно наличности того или другого образа производятъ впечатлѣніе чего-то придуманнаго. Напр., вотъ *образы*, связывавшіеся въ отвѣтахъ студентовъ Columbia University со словомъ *религія*: „Зрительный образъ человѣка, колѣнопреклоненнаго передъ идолами. Слуховой образъ слова религія. Зрительный образъ жреца и идоловъ. Смутный образъ склонившихся людей. Зрительный образъ слова религія. Образъ слова *вѣра*, а также и церкви. Зрительный образъ христіанина и язычника во время богослуженія. Зрительный образъ африканца. Зрительные и слуховые образы нѣкоторыхъ ораторовъ (*speakers*). Зрительный образъ людей, идущихъ въ церковь“. Въ концѣ-концовъ, ни одинъ изъ этихъ образовъ, кромѣ чисто словесныхъ, не даетъ чего-либо характернаго для понятія *религія*, и для человѣчества большая выгода отъ того, что, какъ указаніе на опредѣленный комплексъ настроеній и мыслей, это слово *не можетъ* покрывать собою опредѣленный образъ и огромнымъ большинствомъ людей мыслится уже внѣ всякой связи съ тѣмъ или другимъ образомъ.

Бине и Симонъ идутъ еще дальше въ этомъ отрицаніи значенія образа для развитія мысли. Въ отвѣтахъ лицъ, съ которыми Беттсъ производилъ свои опыты, постоянно подчеркивается наличность смутнаго чувства, сопровождавшаго отвѣты. Независимо отъ этихъ наблюденій, но на основаніи изученія психологіи афатиковъ и слабоумныхъ, лишенныхъ внутренней рѣчи, французскіе психологи ¹⁾ утверждаютъ, что „мысль есть нѣчто отличное и отъ образа, и отъ слова, что она есть нѣчто другое, что она составляетъ иной элементъ. „Но въ чемъ состоитъ этотъ элементъ? Мы предполагаемъ, что онъ имѣетъ характеръ чувства. Это было бы чувство интеллектуальное, слѣдовательно, по своей природѣ довольно неопредѣленное; тѣмъ не менѣе, мы ощущаемъ его присутствіе, и особенно его послѣдствія. И именно своими послѣдствіями оно открывается передъ нами, ибо мысль вовсе не есть состояніе; это—дѣйствіе, жестъ; послѣдствія жеста можно замѣтить гораздо лучше, чѣмъ самый жестъ. Американскіе психологи прекрасно это поняли, когда установили противоположность между психологіей *структуры* и психологіей *функции*; первая является, по преимуществу, описательной, она рассказываетъ о состояніи того, что есть, вторая занимаетъ свое особое мѣсто съ точки зрѣнія дѣйствія, она подчеркиваетъ то, что служить, что оказываетъ пользу, то, что образуется. То, что составляетъ мысль, является ощущеніемъ смутнымъ и часто эмоціональнымъ того, что готовится и образуется въ насъ.

¹⁾ Binet et Simon. Langage et pensée. L'Année psychologique. 1908, стр. 338—339.

Это неопредѣленное чувство становится точнымъ, когда оно является продуктомъ образовъ, словъ и дѣйствій; представленія, внутренній языкъ и дѣйствія служатъ сознательными формами мысли; они освѣщаютъ ее, дѣлаютъ ее видимой для насъ, раскрываютъ передъ нами ея подробности... Но они являются только послѣ мысли, они составляютъ ея результатъ; прежде, чѣмъ вообразить свою мысль и высказать ее, нужно ее понять, нужно ее сдѣлать. Это именно то *чувство*, которое диктуетъ слова и внушаетъ образы, и въ свою очередь образы и слова реагируютъ на это чувство, дѣлаютъ его болѣе широкимъ и точнымъ или модифицируютъ его при помощи отраженія (*par un travail de répercussion*), при чемъ причина становится дѣйствиемъ, а дѣйствие причиной. Весьма вѣроятно, что это первоначальное (*initial*) интеллектуальное чувство, которое предшествуетъ образамъ и словамъ, и изъ котораго, повидимому, исходятъ эти образа и слова, подобно естественной эманации, весьма вѣроятно, это интеллектуальное чувство играетъ важную роль въ точномъ опредѣленіи (*l'appréciation*) того, что есть наша мысль. Оно даетъ намъ предвкушеніе нашей мысли, позволяетъ намъ замѣчать ее прежде, чѣмъ она сдѣлалась опредѣленной... Во всякомъ случаѣ, существуетъ *мысль безъ образовъ, мысль безъ словъ, и мысль образуется интеллектуальнымъ чувствомъ*. Принявъ это положеніе, слѣдуетъ допустить, что слово можетъ принципиально и такъ могло всегда не сопровождаться образомъ, но что первоначально оно всегда связывалось съ чувствомъ, и въ анализѣ образа Ж. Филиппъ точно также отмѣчаетъ, какъ мы видѣли, присущій образамъ элементъ чувства. Въ вопросѣ о происхожденіи языка такое пониманіе, проводимое видными представителями современной психологіи, конечно, не лишено значенія. Повидимому, въ настоящее время уже никакъ нельзя видѣть въ словѣ прежде всего описательный моментъ: напротивъ, посредникомъ между словомъ и образомъ является чувство. Несомнѣнно, не только измѣненіе образа по законамъ, указаннымъ выше, но и измѣненіе чувства, вызывающаго связь извѣстной пары: образа и слова, создаетъ развитіе значеній слова, метафорическія выраженія и т. п. „Было время, говоритъ Д. И. Овсяннико-Куликовскій („Синтаксисъ русскаго языка“. СПб. 1912. Предисловіе, стр. XXIII—XXIV), когда люди дѣйствительно не имѣли въ своемъ распоряженіи отдѣльных словъ, когда всякій актъ рѣчи-мысли являлся у нихъ либо въ видѣ предложенія, либо (и, повидимому, гораздо чаще) въ эмоціональной или аффективной формѣ“. Быть можетъ, только этимъ эмоціональнымъ содержаніемъ словеснаго значенія можно объяснить столь своеобразное явленіе, какъ развитіе словъ съ противоположными значеніями (напр., при *безцѣнный безцѣнокъ, худоба худоба* и т. д.). Подъ вліяніемъ различныхъ, сначала индивидуальныхъ условій со словомъ связывается иное чувство, чѣмъ раньше

(вмѣсто гордости—горкая иронія и т. п.), и самое значеніе слова измѣнилось ¹⁾).

При изученіи психологическихъ основаній семазіологіи необходимо еще коснуться вопроса объ ассоціаціяхъ представленій, какъ чисто словесныхъ, которыя совершаются особенно быстро и легко, такъ и иныхъ ²⁾). Въ основаніи ихъ также лежитъ чувство, „направляющее чувство“ (Richtungsgefühl), по выраженію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса ³⁾. Слова могутъ вызывать по ассоціаціи другія слова какъ по своему значенію, такъ и по внѣшней формѣ, сходству звуковъ, одинаковому количеству словъ, грамматической формѣ. Въ такихъ случаяхъ элементъ образности, конечно, отсутствуетъ. Чисто словесныя ассоціаціи приводятъ къ „игрѣ словъ“ и нерѣдко къ такимъ искаженіямъ заимствованныхъ словъ, которыя иногда объясняются лингвистами, какъ „народно этимологическія“ осмысленія, не будучи въ сущности таковыми. Вѣроятно, и самая народная этимологія нерѣдко является только позднѣйшимъ осмысленіемъ процесса, происшедшаго по инымъ, чисто ассоціативнымъ основаніямъ. Если, напр. *Макавеи* превратились въ *Маковцевъ*, *Госпожинка* (праздникъ 15 августа) въ *Спожинки*, *Барклай-де-Толли* въ „*болтай да и только*“, то всѣ эти искаженія вытекали первоначально изъ словесныхъ ассоціацій, которыя были осмыслены ⁴⁾. Направленіе этимъ ассоціаціямъ было дано, конечно, извѣстными чувствами. Но при извѣстныхъ условіяхъ источникомъ словесныхъ ассоціацій является самая внѣшняя сторона слова. „Риема и аллитерація (т. е. повтореніе извѣстныхъ звуковъ въ рядѣ словъ) обладаютъ способностью вызывать ассоціаціи“, замѣчаетъ совершенно справедливо П. Мензератъ ⁵⁾ Съ очень обычными въ языкѣ словами чисто звуковая ассоціація (eine Klangassoziation) связывается въ гораздо меньшей степени, чѣмъ съ малообычными,

¹⁾ Примѣры этого явленія, однако, объясненные иначе, см. *В. И. Шерцль* О словахъ съ противоположными значеніями. Филологическія записки. 1884 и *C. Abel. Ueber den Gegensinn der Urworte.* 1884 (работа весьма не критическая).

²⁾ Чисто словесныя ассоціаціи требуютъ мало времени (0,450 секунды). Слова, выражающія какія-нибудь отношенія, требуютъ больше времени“. *Г. И. Челпановъ.* Общіе результаты психометрическихъ изслѣдованій и ихъ значеніе для психологіи. Сборникъ статей (психологія и школа). М. 1912 стр. 25.

³⁾ *C. G. Jung. Diagnostische Assoziationsstudien. Beiträge zur experimentellen Psychopathologie.* I. 103 (1911). Относящееся къ интересующему насъ здѣсь вопросу о словесныхъ ассоціаціяхъ, тамъ же, на стр. 32—33.

⁴⁾ Ср. довольно, впрочемъ, вздорную статью *А. Тиммерманса „Le rôle de l'association dans le langage“.* *Revue Scientifique.* XX (1903), 656—660.

⁵⁾ *Paul Menzerath. Die Bedeutung der sprachlichen Geläufigkeit oder der formalen sprachlichen Beziehung für die Reproduktion. Zeitschrift für Psychologie,* 48 Band. 1908.

которые въ силу этого болѣе склонны къ измѣненіямъ. Но слоги *безсмысленные* вызываютъ особенно легко рѣму: *möt-röt*, *bim-lim*, чѣмъ и объясняется въ каждомъ языкѣ не мало созвучій, въ родѣ *чижикъ-мыжикъ*, нѣм. *Ach und krach* и т. под. Наконецъ, въ значительной мѣрѣ словесными ассоціаціями только и могутъ быть объяснены аналогичныя грамматическія образованія въ языкахъ въ родѣ: *рабъ-раба*, *сынъ-сына* (вмѣсто стараго *сыну*) и т. п. Всѣ эти данныя указываютъ на то, что соединеніе слова съ образомъ не есть постоянная и неизбѣжная связь, заключающаяся въ самой природѣ человѣческаго языка: можетъ измѣниться образъ, а прежнее слово будетъ связываться съ этимъ измѣненнымъ образомъ, можетъ въ индивидуальномъ сознаніи оставаться тотъ же образъ, но носить уже иное названіе.

Вопросы, которые еще подлежатъ нашему разсмотрѣнію, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію значенія словъ, слѣдующіе: 1) Можно ли мыслить одними словами, т. е. словами, не связывающимися ни съ какими образами, 2) можно-ли мыслить одними образами или исключительно такими словами, которые связаны съ образами, 3) каково отношеніе отвлеченныхъ словъ, абстракцій, къ словамъ съ образами, и 4) какова психологическая природа сужденія. Дѣло въ томъ, что значеніе слова опредѣляется не только наличностью или отсутствіемъ связи слова съ образомъ, не только развитіемъ этого послѣдняго, но и сужденіемъ, въ которое входитъ, какъ одна изъ составныхъ частей, слово. Данный въ одной изъ предшествующихъ главъ анализъ слова—фразы въ различныхъ дикарскихъ языкахъ показываетъ, что въ нихъ слово иногда не мыслится внѣ предложенія. То же самое, конечно, нерѣдко происходитъ и въ нашихъ языкахъ, хотя здѣсь мы можемъ отвлекать и „отдѣльные слова“, почему и является необходимымъ выдвинуть здѣсь этотъ вопросъ объ отношеніи слова къ сужденію. Что касается мысленія съ помощью только словъ, то я ограничусь здѣсь указаніями А. Бине въ его „*Etude expérimentale de l'intelligence*“ (1903, глава VI: „Мысль безъ образовъ“). Бине ссылается на то, что при быстромъ чтеніи словъ *лошадь*, *домъ* и т. п. мы понимаемъ, о чемъ идетъ рѣчь, но не представляемъ себѣ никакихъ образовъ. Нужно нѣкоторое время, чтобы слово было понято, но образа при этомъ не появляется. Я думаю, что особенно легко замѣтить это на себѣ, когда читаешь текстъ на языкѣ, не настолько усвоенномъ, чтобы онъ сдѣлался почти собственнымъ языкомъ. Что значить напримѣръ выраженіе: „я говорю, по-нѣмецки, но думаю по-русски“? Не что иное, какъ то, что я перевожу свою мысль на нѣмецкій языкъ. Можетъ быть, съ *русской* фразой: „Его просили успокоиться“ у меня связывается (при желаніи) картина успокоенія кого то другими людьми, но, если я переведу эту фразу на нѣмецкій языкъ, то съ предложеніемъ:

„Man bat ihn sich zu beruhigen“ (Göthe. „Wilhelm Meisters Wanderjahre“) у меня связывается только представление о значеніи этого предложенія.

Когда я просматриваю словарь иностраннаго языка, то вовсе не образы предметовъ возникаютъ въ моемъ сознаніи при чтеніи словъ (английскихъ) *crow, crowd, crown* и т. п., а только образы ихъ значеній или, проще, пониманіе ихъ значенія: *ворона, толпа, вѣчность* и т. п., при чемъ и съ этими послѣдними словами не связывается никакого образа: *направленіе моей воли устремлено на пониманіе, а не на образное представленіе*. Въ такихъ случаяхъ, какъ справедливо отмѣчаетъ французскій психологъ, „рѣчь идетъ уже не о какой-нибудь смутной или неопредѣленной мысли; слово не только понимается, оно примѣняется къ опредѣленному предмету, который какъ будто отмѣченъ умственнымъ жестомъ; это господинъ такой-то или это колокольня такой-то деревни; объ этихъ предметахъ думаешь и иногда даже стараешься усиленіемъ воли представить себѣ ихъ, но образъ все-таки не приходитъ“. Въ наблюденіяхъ, которыя Бине производилъ надъ дѣвочками, своими дочерьми, полное отсутствіе образовъ онъ констатировалъ все же не особенно часто; гораздо чаще было другое явленіе, объясняющееся именно ихъ стремленіемъ подыскать образъ, соотвѣтствующій слову: оно заключалось въ отсутствіи совпаденія между мыслью и образомъ. „Обыкновенно, мысль болѣе широка, болѣе объемиста; думаешь о цѣломъ, а образъ является только для части; эта часть можетъ быть важной, но иногда она оказывается только подробностью“. Слово *слонъ* вызываетъ въ воображеніи дѣвочки образъ помоста въ Jardin d'Acclimatation, съ котораго влѣзаютъ на слона, но образъ самого животнаго отсутствовалъ; при словѣ *церберъ* она сказала слѣдующее: „сначала я увидѣла это слово на золотомъ фонѣ. Я повторила это слово про себя, и тогда я увидѣла форму толстой женщины, о которой говорилъ Давидъ Копперфильдъ въ сценѣ съ Стеффордъ, и маленькую карлицу (воспоминанія изъ романа Дикенса)“. На вопросъ Бине, представила-ли себѣ дѣвочка этотъ романъ, маленькую карлицу и т. д., дѣвочка отвѣтила: „О, нѣтъ. Это должна быть мысль. Я увидѣла какую-то толстую женщину, и я знала, что это романъ, я вовсе не сказала себѣ словами, что это—романъ „Давидъ Копперфильдъ“. Я знала это, и мнѣ не для чего было говорить“. Такимъ образомъ, можно заключить изъ приведенныхъ наблюденій: даже въ тѣхъ случаяхъ, когда при извѣстномъ напряженіи воли слову сопутствуетъ образъ, этотъ послѣдній вовсе не охватываетъ всего объема значенія слова. Мы знаемъ однако, что этотъ частичный образъ соотвѣтствуетъ такому-то слову: слѣдовательно, въ этомъ случаѣ слово не есть названіе образа, но есть названіе предмета, съ мыслью о которомъ индивидуально и въ данный моментъ былъ связанъ извѣстный образъ, но можетъ и не связываться никакого образа. То же самое относится и къ цѣ-

лымъ фразамъ. Вотъ указаніе Бине: „Иногда случается, что Маргарита, слушая фразу, съ которой я къ ней обращаюсь, не создаетъ себѣ никакого образа или, вѣрнѣе, оказывается не въ состояніи опредѣлить имѣвшійся у нея образъ, потому что не обратила на него вниманія и хорошенько даже не знаетъ, былъ-ли у нея какой-нибудь образъ или нѣтъ. Даже въ моей отрицательной формѣ этотъ вопросъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ рѣчь идетъ о фразахъ, надъ которыми Маргарита думала всего двѣ или три секунды передъ тѣмъ, какъ я предложилъ ей вопросъ объ образѣ. Такимъ образомъ, если она, дѣйствительно, забыла свои образы, то это могло произойти лишь потому, что самые-то образы были очень блѣдны. Что касается (ея сестры) Армандъ, то это послѣдняя уже предупредила, что она очень скоро забываетъ образы, гораздо скорѣе, чѣмъ размышленія. Образы же Маргариты соответствуютъ, обыкновенно, только части фразы“. Значитъ, и здѣсь происходитъ тотъ же процессъ: значенію слова, какъ и общему значенію фразы, соответствуетъ образъ случайный, не связанный какимъ-либо объективно существеннымъ признакомъ съ содержаніемъ значенія. И если бы какимъ-нибудь способомъ мы могли обмѣниваться своими образами безъ словъ, то взаимнаго пониманія не получилось бы, такъ какъ для обмѣна необходимо нѣчто объективно существующее. Слово, какъ указаніе на предметъ, даетъ намъ пониманіе того, о чемъ слѣдуетъ думать, но при этомъ въ *прозаическомъ разговорѣ* безразлично и для говорящаго, и для понимающаго человѣка, какіе именно образы связываются съ даннымъ словомъ. Такимъ образомъ, не образъ, но слово, не образное мышленіе, но внутренняя рѣчь ¹⁾ является у *современнаго* говорящаго человѣка орудіемъ мысли. Но слово, только указывающее на предметъ и не вызывающее въ нашемъ сознаніи никакого образа, не развивается въ своемъ значеніи, становится только условнымъ знакомъ, вслѣдствіе чего для выраженія *оттѣнковъ* нашей мысли, стало быть уже *образнаго* и эмоциональнаго содержанія ея, намъ приходится прибѣгать къ новымъ словамъ, не тѣмъ, которыя лишены всякой образности. Хотя я вынужденъ, развивая эту мысль, зайти уже теперь въ область семазіологіи, оставивъ на время почву психологическаго изслѣдованія, однако, въ данномъ случаѣ это необходимо сдѣлать теперь же. Конечно, и здѣсь индивидуальное употребленіе языка прежде всего бросается въ глаза: если *для меня* слово не заключаетъ въ себѣ уже никакого образнаго содержанія, а я въ немъ нуждаюсь, то и избираю слово, съ которымъ я еще могу связать

¹⁾ Binet. 105: „Прежде всего, внутренняя рѣчь выражаетъ отлично весь ходъ нашей мысли: если слова уступаютъ въ извѣстномъ смыслѣ образамъ, какъ воспріятіямъ, такъ какъ они не могутъ передать всѣхъ *оттѣнковъ* (самое тщательное описаніе булыжника не исчерпаетъ всего того, что въ немъ можно отмѣтить), зато слова выражаютъ гораздо лучше связь нашихъ идей“.

образъ. Это обнаруживается очень ярко въ рядѣ латинскихъ словъ, которыя въ романскихъ языкахъ были замѣнены другими. Такъ, лат. *caput*, получившее слишкомъ широкое значеніе, уступило свое мѣсто простонародному *testa* (кусокъ разбитаго горшка) въ смыслѣ „черепной коробки“ (*la boîte crânienne*), откуда франц. *tête* (голова); лат. *crus* (часть ноги; нижняя часть ствола, *plur crura*, сван) замѣнилось уже въ простонародномъ латинскомъ черезъ *perna* (окорокъ, испан. *pierna*) или *gamba* (*genouillère*, наколѣнникъ), откуда французское *jambe* (нога); латин. *os* (ротъ, устье рѣки и т. п.) уступило свое мѣсто въ живой рѣчи слову *bucca* (щека), откуда современное французское *bouche*. Этотъ процессъ продолжается съ неумолимой, убійственной для всякихъ искусственныхъ языковъ послѣдовательностью и дальше: такъ, въ просторѣчии французскаго народа *tête* замѣняется уже *boule* (шаръ), *jambe-quille* (кегля); въ провансальскомъ языкѣ *puella* (дѣвушка) изгоняется словомъ *tsato* (*chatte*, кошка)¹⁾. Каждый языкъ представляетъ не мало примѣровъ такихъ возникающихъ словъ взамѣнъ утратившихъ свой образный характеръ; конечно, и эти послѣднія слова не сочиняются заново, но только принимаютъ метафорически новое значеніе, которое раньше имъ не было присуще. Такъ, и у насъ слово *шары* означаетъ въ грубомъ вульгарномъ языкѣ *глаза*, а это послѣднее слово когда-то, въ свою очередь, вытѣснило устарѣлое *очи*. Такой процессъ могъ совершиться лишь на почвѣ расширения значенія слова *око*, которое пріобрѣло и отвлеченный характеръ, но потомъ тоже произошло и со словомъ *глазъ*, которое когда-то означало, вѣроятно, большую каменную бусину. Въ значеніи слова *буркалы* (выпучить буркалы) заключается совершенно опредѣленный оттѣнокъ, именно представленіе о *выпученныхъ глазахъ*. Во всякомъ случаѣ указанный процессъ обнаруживаетъ неискоренимую потребность человѣка въ образномъ мышленіи. Удовлетворяться словами, лишенными образности, можетъ человѣкъ, не нуждающійся въ выраженіи своего настроенія, своего особаго пониманія вещей, но удовлетворяющійся указаніемъ на отношенія, существующія между предметами и идеями. Поэтому, въ области отвлеченныхъ наукъ, въ математикѣ и т. п. мышленіе совершается лишь съ помощью внутренней рѣчи, но безъ содѣйствія образнаго мышленія²⁾. А это значитъ, что принципиально на первый вопросъ надо отвѣтить утвердительно: мышленіе словами безъ образовъ возможно.

Перейдемъ къ слѣдующему вопросу, т. е. къ вопросу о томъ, можно ли мыслить одними образами или исключительно такими словами, которыя связаны въ нашемъ сознаніи съ образами? О томъ, что смѣна обра-

¹⁾ А. Darmesteter. *La vie des mots étudiée dans leurs significations* 1887, стр. 164.

²⁾ Какіе образы, напр., можно связать съ заключеніемъ: „Все люди смертны“, „Сократъ человѣкъ“ *ergo*...

зовъ представляетъ рудиментарное состояніе жизни полусознанія, было говорено уже въ первыхъ главахъ настоящаго изслѣдованія и тамъ же было отмѣчено, что это теченіе образовъ, направляемое извѣстнымъ чувствомъ, не можетъ дать жизни сознанія ни цѣлостности, ни характера личности. Въ этой главѣ разсмотрѣніе природы образа должно было еще крѣпче утвердить этотъ выводъ, такъ какъ здѣсь обнаружилось, какъ неустойчива, неполна и неясна эта природа образа. Зрительные и слуховые, и всѣ иные образы могутъ служить, скорѣе, спутниками чувства, побуждающаго къ дѣйствію. Возьмемъ примѣръ: слуховое воспріятіе опаснаго звѣря, укрытаго въ травѣ, можетъ вызвать одновременно и зрительный образъ его, и чувство испуга. Или страхъ, вызванный неизвѣстнымъ предметомъ (напр., при неожиданномъ шорохѣ въ травѣ), можетъ вызвать образъ предполагаемаго врага, звѣря или человѣка. Въ обоихъ этихъ случаяхъ образъ тѣсно связанъ съ чувствомъ, хотя зависимости именно какого-то чувства именно отъ какого-то образа нѣтъ: одинаковое чувство страха можетъ быть вызвано образомъ льва, тигра или другой опасности.

Но это мгновенное явленіе образа въ сознаніи животнаго и человѣка, конечно, не есть мышленіе, и ассоціація образовъ не есть послѣдовательная вереница картинъ, въ родѣ кинематографической ленты, которая даетъ намъ пониманіе событій, проходящихъ въ нашей памяти: едва ли безъ усилія воли, направленной специально на это, можетъ возникнуть такой послѣдовательный рядъ картинъ въ нашемъ сознаніи. Цитированный уже мною обладатель развитого зрительнаго воображенія (стр. 39) справедливо отмѣтилъ эмоціональный характеръ своихъ образовъ, которые будто бы соотвѣтствовали почти каждому слову. На самомъ же дѣлѣ, образъ и въ этомъ случаѣ соотвѣтствовалъ вовсе не слову, но цѣлому предложенію, которое, благодаря этому, пріобрѣтало внутреннее единство. „То, что является даннымъ непосредственному опыту, говоритъ Пельобъ ¹⁾, вовсе не представляетъ собою изолированныхъ состояній, смежныхъ, но внѣшнихъ (*extérieurs*) по отношенію другъ къ другу, какъ будто бы порхающихъ гдѣ—то въ воздухѣ, въ пустотѣ. Напротивъ, это есть масса, непрерывность, нѣчто цѣльное. Лишь впослѣдствіи, когда усиліе анализа разрушаетъ эту непрерывность, создаются частичныя, особыя чувства и отдѣльные образы. То, что оказывается даннымъ сначала, сразу, заключается въ „непроницаемости“ внутреннихъ состояній или въ „теченіи сознанія“. Размышленіе подтверждаетъ это наблюденіе. Изолированныя состоянія никогда не смогутъ образовать рядъ, въ которомъ всякій членъ отражаетъ всѣ остальные, ассоціація идей не въ состояніи объяснить непрерывности жизни духа. Необходимо предположить существованіе подъ ассоціаціей идей (*au-dessous de l'association des idées*),

¹⁾ E. Peillaube. *Les images*. 1910, стр. 459.

примитивнаго процесса, гдѣ психологическія состоянія продолжаются одни въ другихъ и одни съ помощью другихъ. Ассоціація есть процессъ высшаго порядка, предполагающій диссоціацію: прежде, чѣмъ ассоциировать психологическіе факты, нужно предварительно выдѣлить, диссоциировать ихъ изъ массы. Ассоціація не есть примитивный процессъ; она имѣютъ цѣлью расположить въ новомъ и рациональномъ порядкѣ то, что было дано въ формѣ неупорядоченной и нераздѣленной непрерывности. Во внутреннемъ мірѣ сложное бываетъ дано раньше простого, все раньше частей. Это антиподъ ассоціонизма, отрицаніе воображаемой аналогіи между матеріей и духомъ. Тѣмъ факторомъ, который разрушаетъ это единство, является, если не исключительно, то, во всякомъ случаѣ, по преимуществу, внутренняя рѣчь: слово фиксируетъ отдѣльные моменты, представленные слитнымъ образомъ въ первоначальномъ синтезѣ, выдѣляетъ части изъ цѣлаго. Съ чѣмъ же связанъ образъ: съ частью или съ цѣлымъ? Чтобы отвѣтить на этомъ вопросѣ, обратимся къ природѣ, вообще, тѣхъ знаковъ, съ помощью которыхъ люди передаютъ свои знанія и чувства другимъ людямъ. Такихъ знаковъ въ нашей обыденной жизни не мало: флаги, развѣшенные на улицахъ въ царскіе дни, иностранные флаги надъ консульствами и посольствами, красные флаги на желѣзнодорожномъ пути для указанія на опасность, андреевскій флагъ на военныхъ судахъ и т. д. вызываютъ въ нашемъ сознаніи не образы, но ассоціаціи отвлеченнаго характера, пониманіе значенія этихъ символовъ. При видѣ изображенія почтового рожка на географической картѣ мы понимаемъ, что та или другая линія должна означать почтовую дорогу, штрихи—горы, зеленая окраска—низменности и т. п., но едва ли найдется человѣкъ, у котораго при видѣ этихъ штриховъ на картѣ развернется передъ внутренними очами картина лѣса или въ связи съ зеленой полосой на той же картѣ картина болота. Символь заключаетъ въ себѣ толчекъ для опредѣленныхъ ассоціацій, но онъ такъ крѣпко соединенъ съ понятіемъ, что лишь при намѣренномъ усилии съ нимъ можно связать образъ. Слово въ этомъ отношеніи гораздо болѣе подвижно. Но и здѣсь необходимо имѣть въ виду указанное г. Паудемъ различіе въ примѣненіи слова въ случайномъ (*occasionell, individuell*) или общемъ (*usuell, generell*) значеніи¹⁾. „Подъ общимъ значеніемъ мы подразумеваемъ все содержаніе представленія, которое связывается у людей, принадлежащихъ къ одной языковой средѣ, съ извѣстнымъ словомъ, а подъ случайнымъ значеніемъ то содержаніе представленія, которое связывается съ произносимымъ словомъ говорящій человѣкъ, и котораго онъ ожидаетъ и отъ слышащаго человѣка, поскольку тотъ понялъ его мысль“.

1) *H. Paul Principien der Sprachgeschichte*. 3 изд., гл. IV (знаменитое сочиненіе по общимъ вопросамъ развитія рѣчи, составившее въ началѣ 80-ыхъ годовъ 19-го столѣтія эпоху въ языкознаніи).

По отношенію къ психологическому вопросу, разбираемому мною здѣсь, это различіе имѣетъ тотъ интересъ, что „въ случайномъ примѣненіи слово можетъ означать нѣчто конкретное, а въ общемъ оно означаетъ только нѣчто отвлеченное, общее понятіе, подъ которое можно подвести различныя конкретныя значенія“. Другими словами, съ конкретнымъ употребленіемъ слова связанъ образъ, при отвлеченномъ употребленіи слова образа никакого нѣтъ. „Случайное“ значеніе слова предполагаетъ у людей говорящихъ и понимающихъ одно и то же представленіе: не, вообще, о *башнѣ* или *деревѣ* идетъ рѣчь, когда эти слова употреблены въ своемъ случайномъ значеніи, но объ этомъ деревѣ, этой башнѣ. Для того, чтобы усилить этотъ характеръ значенія, употребляются различныя средства, заключающіяся какъ въ жестахъ и другихъ изобразительныхъ знакахъ, такъ и въ *связи* слова съ другими. Не говоря уже о словахъ со множествомъ значеній, въ которыхъ нужное значеніе выбирается и отмѣчается въ связи съ контекстомъ ¹⁾, и слова съ однимъ значеніемъ могутъ соединяться или не соединяться съ образомъ въ зависимости отъ того, имѣется-ли въ виду общее значеніе или именно это, специальное. „Нѣтъ, живописецъ имъ сказалъ: не съ тѣмъ картину я писалъ“ (Хемницеръ). Живописецъ, очевидно, указывалъ связью словъ на опредѣленную картину, которую онъ написалъ, и такъ же поняли его слова окружающіе, въ сознаніи которыхъ со словомъ „картина“ связанъ опредѣленный образъ. Точно также случайное значеніе принадлежало слову *картина* и въ извѣстныхъ стихахъ Некрасова: „Лѣсъ-ли начнется, сосна да осина: не весела ты родная картина!“ (именно эта картина, пейзажъ жалкаго лѣса). Но никакого образа не связывалъ со словомъ *картина* Тургеневъ въ своей характеристикѣ Шекспира: „Его проникательный взоръ не открывалъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту; все та же пестрая и, въ сущности, несложная *картина* развѣтывалась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи“. Въ связи съ другими словами можетъ пріобрѣсти совершенно конкретное значеніе и такое слово, которое само по себѣ лишено образнаго содержанія. Такъ, разборчивая невѣста Крылова, перебирая и критикуя жениховъ, очевидно, связывала очень ясные образы съ ними, говоря: „*Тотъ* не въ чинахъ, *другой* безъ орденовъ, а *тотъ* бы и въ чинахъ, да, жаль, карманы пусты, *то* носъ широкъ, *то* брови густы, *тутъ*—*такъ*, *тамъ*—*не такъ*“... Слѣдовательно, не слово само по себѣ, но слово въ связи съ другими, слово въ предложеніи оказывается связано съ образомъ. Особенное чувство, которое въ сознаніи обѣ-

¹⁾ Напр., слово *капуцинъ*: 1) монахъ, у Майкова „Не пройдетъ вблизи руинъ безъ воззванія къ Мадоннѣ босоногій капуцинъ“, 2) растеніе, у Печерскаго „въ окнахъ миткалевыя занавѣски и горшки съ бальзаминоиъ, капуциномъ и стручковымъ перцемъ“, 3) обезьяна *sebus capucinus*, 4) извѣстная порода голубей.

ихъ сторонѣ, говорящей и понимающей, соединяется со словомъ, можетъ вызвать у нихъ одинъ и тотъ же образъ внѣ всякаго предыдущаго текста. „Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?“ спрашиваетъ Воротынский въ „Борисѣ Годуновѣ“. Шуйскій отвѣчаетъ: „Чѣмъ кончится? Узнать не мудрено“ и т. д. Оба собесѣдника соединили со словомъ *тревога* одинаковое образное представленіе о толпѣ народа, плачущей и воющей („народъ еще повоетъ и поплачетъ“), хотя въ обычномъ, общемъ значеніи слова *тревога* этотъ образъ самъ собою не подразумевается.

Резюмируя изложенное выше, я еще разъ напомнимъ, что слово связывается съ образомъ въ обычныхъ условіяхъ нашей умственной жизни (т. е. безъ усилія вызвать образъ) не самой собою, а только въ своемъ „случайномъ“ (казуальномъ) значеніи, а это значеніе устанавливается связью слова съ другими или особыми изобразительными средствами, которыя также играютъ роль контекста. Отсюда естественно вытекаетъ тотъ выводъ, что мыслить только такими словами, которыя соединены съ образами, невозможно: вѣдь только съ помощью другихъ словъ устанавливается случайное образное значеніе слова. А вслѣдствіе этого сочетаніе словъ, изъ которыхъ каждое можетъ имѣть образное значеніе, приводитъ къ тому, что *получается одинъ образъ, соответствующій цѣлому предложенію, а уже не отдѣльному слову*. Образъ слова, частичный, какъ бы уступаетъ нѣкоторыя свои черты цѣльному образу, связанному съ предложениемъ, а самъ блѣднѣетъ и наконецъ исчезаетъ. Это представляетъ тотъ путь, по которому развивается метафорическое значеніе слова. Самая метафора заключается, по моему мнѣнію, не столько въ томъ, что образъ, связанный съ однимъ словомъ, переносится (ассоциируется) съ другимъ, сколько въ томъ, что образъ, теряя нѣкоторые изъ своихъ признаковъ, можетъ соединяться не съ тѣмъ словомъ, съ какимъ онъ соединялся первоначально. Обычное пониманіе метафоры исходитъ изъ предположенія, что языкъ состоитъ изъ словъ, которымъ всегда соответствуютъ образы. Такъ, авторъ извѣстной книги о „философіи метафоры“, Бизе ¹⁾, даетъ слѣдующій отвѣтъ относительно возникновенія этой связи: „Звуки становятся знаками повторяющихся дѣйствій, повторяющихся и во единое собранныхъ чувственныхъ воспріятій, возникающихъ понятій, т. е. удержанныхъ въ памяти и сведенныхъ отъ множественности къ единству образовъ воспріятія (Wahrnehmungsbilder); ибо въ первоначальномъ мышленіи все основывается на созерпаніи (Anschauung—умозрѣніе), на дѣятельности воображенія; коротко говоря, на творческой фантазій. И самое жизненное выраженіе этой дѣятельности заключается въ метафорѣ... Совершенно ошибочно противопоставлять собственному значенію слова несобственное, какъ образное, ибо то, что несвѣдующему человѣку представляется, какъ соб-

¹⁾ A. Biese. Die Philosophie des Metaphorischen in Grundlinien dargestellt. 1893.

ственное, оказывается для изслѣдователя всецѣло образнымъ. Строго говоря, и невозможно говорить о чувственномъ (sinnlich) и нечувственнымъ значеніи, но можно говорить только объ образномъ, которое служить для обозначенія столько же чувственныхъ (конкретныхъ), сколько и нечувственныхъ понятій“. Я думаю, что послѣ всего изложеннаго выше относительно природы образа и относительно случайнаго, индивидуальнаго и общаго узואльнаго значеній словъ мнѣ нѣтъ надобности доказывать, что точка зрѣнія Бизе, раздѣляемая по традиціи весьма многими изъ пишущихъ по теоріи словесности, не соответствуетъ фактамъ. Слишкомъ много приписывалось роли антропоморфизму въ воззрѣніяхъ чловѣка на природу, отъ котораго будто бы и пошелъ метафорическій элементъ въ языкѣ. Я думаю, однако, что анализъ метафорическихъ выраженій долженъ привести къ инымъ выводамъ, если не считать апіорной истиной, что первоначально (въ какомъ-то первобытномъ мышленіи, *Urdenken* Бизе) слово, непременно, связывалось съ образомъ. Возьмемъ удачный примѣръ, приведенный датскимъ ученымъ Нюропомъ ¹⁾. Онъ указываетъ на обычно связывающійся съ зеленымъ цвѣтомъ символъ надежды и радости. Отсюда выраженія „быть кому-нибудь зеленымъ“ (нѣмец. *einem grün sein*) и т. под., которыя заключаютъ въ себѣ метафору, такъ какъ со словомъ *зеленый* здѣсь уже не связывается зрительнаго образа, который могъ первоначально связываться съ нимъ. Со словомъ *зеленый* въ этомъ выраженіи соединяется представленіе о благосклонности, которое ассоціируется и съ символическимъ значеніемъ зеленого цвѣта. „Сидѣть на зеленой сторонѣ“—значить пользоваться удачей; тогда какъ датское выраженіе „спать на своемъ зеленомъ ухѣ“ представляетъ, по словамъ Нюропа, бессмысленное перенесеніе имени прилагательнаго изъ одного сочетанія въ другое. „Метафорически слово *зеленый* употребляется въ другихъ значеніяхъ: напр. „молодо-зелено“, „vert et vigoureux“ (зелено и бодро, сильно), *une verte veillesse* (зеленая старость), *grüne Fische* (свѣжая рыба), *vin vert* (зеленое, еще не готовое вино), *verte réponse* (зеленый, неосновательный, поспѣшный отвѣтъ). „Къ собственному значенію слова, обозначенію цвѣта, присоединилось мало по малу множество переносныхъ значеній, которыя основаны на аналогіяхъ и сходствахъ. Перенесеніе названія одного предмета на другой на основаніи общаго обоимъ признакамъ представляетъ собою весьма обычное явленіе въ жизни языка“. (Nyrup. 114). Какъ справедливо указываетъ Фр. Бринкманъ въ своей интересной книгѣ о метафорѣ („Die Metaphern. Studien über den Geist der modernen Sprachen“. 1878), между метафорой и аллегоріей часто бываетъ трудно провести пограничную черту. Психологическое различіе между ними заключается, по его мнѣнію, въ слѣдующемъ: „Аллегорія представляетъ состоящее изъ одного или нѣсколькихъ предложений,

¹⁾ Kr. Nyrup. Das Leben der Wörter. 1903.

но во *всѣхъ своихъ частяхъ* совершенно образное выраженіе какой-нибудь мысли, при чемъ одна мысль выражается сходной мыслью, какъ образомъ, но этотъ послѣдній не обнаруживаетъ въ своемъ выраженіи, какъ образъ, того, что слова съ начала до конца имѣютъ нѣкоторое иное значеніе (*ἄλλο ἀποφαινεῖ, ἢ νοεῖ*); тогда какъ метафорическое выраженіе мысли является образомъ лишь отчасти, отчасти же употребляется въ дѣйствительномъ смыслѣ; оно обладаетъ двойственной натурой, понимается частью въ собственномъ смыслѣ, частью обратно, представляетъ въ большинствѣ случаевъ сочетаніе отвлеченнаго и конкретнаго элементовъ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, понимается, какъ *образъ по себѣ*“.

Позволительно, однако, сомнѣваться въ томъ, что образное мышленіе выигрываетъ оттого, что мы говоримъ о *ножкахъ* стола, *крыльяхъ* вѣтряной мельницы, *отрасляхъ* науки, о *смываніи* оскорбленій кровью, о *бремени* лѣтъ, о *зубѣ* противъ кого-нибудь и т. д. Со словами *отрасль науки* вовсе не связывается образнаго представленія объ *отрасли*, вѣтъ: вѣрнѣе всего, никакого образа въ нашемъ сознаніи не возникаетъ, когда мы говоримъ, напр., объ исторіи, какъ отрасли науки, а если мы и вызовемъ образъ исторіи, то онъ будетъ, скорѣе всего, соотвѣтствовать нашему представленію о содержаніи этой науки, а не представленію о вѣтви. Въ Лермонтовскихъ словахъ: „*румянымъ* вечеромъ или утра въ часъ *златой*“ должна быть дана зрительная картина: красный цвѣтъ неба во время заката и ярко-желтый цвѣтъ на востокъ передъ восходомъ передаются указанными словами. Остановимся на образѣ, связанномъ со словомъ „*златой*“, золотой: когда я думаю о золотыхъ часахъ и вызываю въ своемъ воображеніи соотвѣтствующій образъ, то я рисую себѣ круглый, небольшой плоскій предметъ, производящій на оцупъ ощущеніе холоднаго прикосновенія и имѣющій золотой цвѣтъ. Всѣ эти разнообразныя признаки встаютъ въ моемъ воображеніи одновременно и съ одинаковой силой. И то же самое я могу сказать о самомъ словѣ *золото*. Золота, какъ такового, я никогда не видалъ, но я видѣлъ различныя золотыя вещи и могъ бы увидѣть слитокъ золота: все это были бы различные предметы, дающіе мнѣ конкретныя образы золотыхъ вещей, и то общее, что связалось въ моемъ воображеніи со словомъ *золото*, заключается не въ одномъ золотомъ цвѣтѣ, но и въ тяжести золотыхъ вещей, и въ ихъ холодности и твердости. Между тѣмъ Лермонтовъ, называя утро золотымъ, конечно, отвлекалъ отъ образа, связываемаго различными людьми съ этимъ словомъ, лишь одинъ признакъ, его цвѣтъ. Правда, въ случайномъ, казуальномъ употребленіи такого эпитета мы видимъ средство вызвать и въ воображеніи слушателей болѣе яркій образъ, чѣмъ, должно быть, связывается со словомъ *желтый* или *ярко-желтый*, но это средство будетъ дѣйствительно лишь до тѣхъ поръ, пока употребленіе эпитета не станетъ обычнымъ. Однако, со словами „*золотое сердце*“ не соединяется пред-

ставленія о качествахъ золота: это уже совершенно отвлеченное слово, результатъ умозаключенія: „золотое, т. е. особенно хорошее сердце“. Метафора, такимъ образомъ, заключаетъ по самому своему существу ограниченіе образа, связаннаго со словомъ, и поэтому совершенно правъ О. Ганцманъ,¹⁾ указывая, что въ предложеніи „поднялась буря“ заключается „переходъ отъ образнаго выраженія къ обыкновенному“. Первоначально,—справедливо полагаетъ онъ—съ этимъ предложеніемъ связывался образъ; представленіе о начинающейся бурѣ соединялось съ представленіемъ о поднимающейся птицѣ. Но отъ частаго употребленія этого выраженія образный характеръ его стерся. Слово: „подымается“ уже перестало вызывать какой-нибудь иной образъ, но непосредственно связалось съ представленіемъ о начинающейся бурѣ. Отъ выраженія: „поднимается буря“ идетъ дальнѣйшее развитіе безобразнаго употребленія этого глагола: какъ буря, такъ и волненіе на морѣ, и волненіе въ толпѣ могутъ *подниматься*, „какъ птица“.

Приведенныя соображенія имѣли цѣлью показать, что не слово, а комплексъ словъ, составляющій по смыслу одно цѣлое, могутъ быть связаны въ нашемъ сознаніи съ образомъ. Такъ, предложеніе: „гляжу, подымается медленно въ гору лошадка, везущая хворосту возъ“, сопровождается въ моемъ сознаніи лишь *одной* картиной, въ которой вовсе нѣтъ *всѣхъ* тѣхъ признаковъ, которые названы словами предложенія. Желая вызвать въ своемъ воображеніи соотвѣтствующую картину, я представляю себѣ снѣжную равнину, или гору, покрытую снѣгомъ, или другой зимній пейзажъ, быстро проносящійся въ моемъ воображеніи, а на этомъ пейзажѣ я вижу такой же мимолетный образъ саней, нагруженныхъ хворостомъ и везомыхъ маленькой крестьянской лошадкой. Мнѣ нужно большое усиліе, чтобы представить себѣ эту картину въ цѣломъ, такъ какъ та или другая подробность ея, вставая въ моемъ сознаніи, какъ бы вытѣсняетъ другіе признаки, и я *сознаю, что она служитъ эквивалентомъ цѣлой картины* или, переводя на соотвѣтствующее картинѣ предложеніе, цѣлаго предложенія. Такимъ образомъ, повидимому, анализъ умственной жизни cadaго человѣка, какъ одареннаго большимъ воображеніемъ, такъ и лишеннаго его, долженъ привести къ тому выводу, что мыслить только словами, связанными съ образами, невозможно: это противорѣчило бы и ученію о „случайномъ“ значеніи словъ, которое опредѣляется контекстомъ, связью съ другими словами, которая устанавливаетъ ихъ *единство* (и, стало быть, соотвѣтствуетъ и *единому* образу), и основному пониманію внутренней рѣчи, которая представляетъ мышленіе словами. Только благодаря указанному отсутствію связи cadaго слова съ образомъ и было возможно развитіе формальныхъ элементовъ въ языкѣ: если бы суффиксы, приставки и окончанія, являющіеся словами, отдѣль-

¹⁾ О. Ganzmann. Ueber Sprach—und Sachvorstellungen. 1902, стр. 31.

ными отъ основы (которая въ огромномъ большинствѣ языковъ равняется самому слову),—если бы эти формальные элементы такъ же связывались съ образами, грамматическое развитіе языка сдѣлалось бы невозможнымъ. Но стоитъ сравнить слова *маленькій* и *малюсенькій*, чтобы *почувствовать* различіе въ ихъ „значеніи“. Съ обоими словами связываются различные образы, и это различіе основывается на соединеніи основы имени прилагательнаго съ суффиксомъ уменьшительнымъ, такъ что соединеніе *двухъ* частей слова даетъ *одинъ* образъ. То же самое происходитъ и при соединеніи имени прилагательнаго съ существительнымъ (большой домъ—одинъ образъ), и при соединеніи глагола съ существительнымъ (птица летитъ—одинъ образъ). Но какой образъ можетъ связываться съ глаголомъ *былъ* и, вообще, съ грамматическими элементами, указывающими на отношенія предметовъ? Итакъ, мыслить образами, какъ и мыслить только образными словами, нельзя.

341
Теперь передъ нами вопросъ о *семазіологическомъ* значеніи отвлеченныхъ словъ. Послѣ того, какъ было установлено въ предшествующемъ изложеніи, что слова не всегда должны соединяться съ образами, и что весьма часто слова и вовсе не соединяются съ ними, и что психологическая природа каждаго образа представляетъ нѣчто весьма неопредѣленное, мимолетное, склонное къ сліянію съ другими образами и т. под.; послѣ этого происхожденіе нашихъ абстрактныхъ словъ представляется довольно яснымъ. По методологическимъ соображеніямъ, въ силу которыхъ я уже ранѣе обращался къ патологіи рѣчи, я начну и здѣсь свое изложеніе съ патологическихъ крайностей ¹⁾. При прогрессивномъ слабоуміи отвлеченныя представленія исчезаютъ, причемъ сначала, на болѣе раннихъ стадіяхъ развитія этой болѣзни, выраженія ихъ еще не исчезаютъ. При нѣкоторыхъ явленіяхъ истеріи точно также, хотя и временно, исчезаетъ способность отвлеченныхъ представленій. Въ состояніяхъ афатическихъ подвергается нарушенію способность отвлеченнаго мышленія, что должно быть поставлено въ связь съ дефектами внутренней рѣчи, такъ какъ отвлеченнымъ представленіямъ соотвѣтствуютъ не образы, а слова. Тщательному обследованію этого пораженія профессоръ нѣмецкаго Пражскаго университета, И. Пикъ, подвергъ 46-лѣтнюю женщину, служившую на электрическомъ трамваѣ и доставленную въ клинику въ состояніи истерическаго сумеречнаго сознанія.

На рядъ поставленныхъ ей вопросовъ: что такое управляющій (трамваемъ), учитель, школа и т. п. (при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что вопросы вытекали изъ разговора, а не стояли внѣ связи съ кругомъ ея представленій) больная отвѣчала незнаніемъ и нетерпѣливымъ недоумѣніемъ, и тогда же давала описательные отвѣты. Когда ее попросили разсказать басню, то съ помощью и подсказкой она разсказала басню про

¹⁾ А. Pick. Ueber das Sprachverständniss. Leipzig. 1909.

Андрокла и льва, но морали рассказа не понимала и не могла натолкнуться на слова: „благодѣяніе, благодарность“ (въ баснѣ рассказывалось о томъ, какъ Андроклъ вылѣчилъ льва). Больная заявила, пересказывая басню, что, „если при словѣ ей ничего не приходитъ въ голову, то она не знаетъ, что оно означаетъ; она имѣетъ (hat) только слово, и ей ничего не приходитъ въ голову“. То же самое она подтвердила, когда ей предложили вопросъ о телефонѣ: „то, что она можетъ себѣ представить, она сейчасъ же узнаетъ, но, если она не можетъ это сдѣлать, то она и не знаетъ“. Наконецъ, при послѣднемъ изслѣдованіи, черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ перваго, больная заявила, что „она можетъ теперь немного думать, а прежде для нея все было пусто. Напримѣръ: ей говорили слово, а она не знала, что это такое; ей не приходило въ голову никакой мысли при словѣ. Она не знала слова, не узнавала его, не было никакой связи съ другими словами“. Такимъ образомъ, не было въ распоряженіи больной отвлеченныхъ словъ, и она не могла вслѣдствіе этого мыслить, хотя прежде, принимая извѣстное участіе въ социалистическомъ движеніи среди рабочихъ Праги, она должна была оперировать съ довольно разнообразнымъ кругомъ отвлеченныхъ представлений. Проф. Пикъ полагаетъ, что указанный дефектъ происходилъ отъ того, что у больной „отсутствовали соотвѣтствующія конкретныя представленія“: ей приходилось вызывать конкретныя представленія по буквальному смыслу слова, который не всегда соотвѣтствовалъ его значенію („Augenblick? Wenn man mit den Augen blinzelt“: „Мгновеніе? когда мигаютъ глазами“). Съ другими же отвлеченными словами соединялись представленія о хорошо извѣстныхъ пражской жителямъ вещахъ. Такъ, на вопросъ, что такое *театръ*, она отвѣчала: „Národní Divadlo“ (національный театр); на вопросъ о гражданахъ она отвѣтила: „Пражскіе граждане, это тѣ, что носятъ форму (національная милиція); есть почетные граждане и затѣмъ простые городскіе жители“. На вопросъ о томъ, что такое благодѣяніе, она назвала фамилію чешскаго богача-благотворителя и т. д. Вообще, пониманіе общихъ и отвлеченныхъ представлений оказывалось возможнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сознаніи больной возникали образы (конкретныя и специально оптическія воспоминанія, по выраженію Пика). Подобные случаи были указаны уже не разъ въ психіатрической литературѣ: такъ, одинъ больной, подвергшійся послѣ сильнаго ушиба полной амнезіи, мало по малу приобрьлъ отвлеченныя представленія съ помощью конкретныхъ; про другого больного англійскіе врачи, изслѣдовавшіе его, полагали, что „его умъ состоялъ исключительно изъ понятій, тѣсно связанныхъ съ недавно приобрьтенными практическими свѣдѣніями“. Эти данныя указываютъ, такимъ образомъ, что конкретныя представленія гораздо раньше возникаютъ въ человѣческомъ сознаніи и гораздо крѣпче держатся здѣсь, позже исчезая при умственныхъ заболѣваніяхъ, чѣмъ общія представленія. Образы являются

первичнымъ приобрѣтеніемъ человѣческаго сознанія; за ними слѣдуютъ общія и абстрактныя представленія, далеко не всегда связывающіяся съ образами, но требующія, какъ непремѣнное условіе своего возникновенія, наличности таковыхъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи умственной жизни употребленіе этихъ общихъ и отвлеченныхъ представленій стираетъ ихъ образный субстратъ, но въ извѣстныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ, изученныхъ, какъ мы видѣли выше, психіатрами, отсутствіе такого субстрата дѣлаетъ невозможнымъ и самое отвлеченное мышленіе. Слѣдовательно, на глубинѣ отвлеченнаго мышленія покоются конкретные образы. Какъ увидимъ дальше, развитіе словъ, означающихъ понятія, вполне подтверждаетъ этотъ психологическій выводъ.

Здѣсь опять я обращаюсь къ изслѣдованію А. Бине ¹⁾, которое полагаетъ прочныя основы для семазіологіи. Бине ставитъ вопросъ о пониманіи словъ, для котораго, по его мнѣнію, вовсе не требуется наличности образа, при томъ преимущественно оптическаго, въ сознаніи воспринимающаго лица. Дѣйствительно, при *быстромъ* повтореніи словъ, при *быстромъ* пониманіи ряда произвольныхъ словъ испытуемый субъектъ оказывается не въ состояніи назвать сопутствующій слову образъ. Иногда же со стороны дочерей Бине, бывшихъ объектомъ изслѣдованія, слѣдоваль характерный отвѣтъ: „Иногда, чтобы не терять времени, я сама избѣгала образа и старалась думать о чемъ-нибудь другомъ.—Ну, а если бы не избѣгала? Тогда я имѣла бы болѣе живой образъ“. Даже болѣе: подчеркивая свое желаніе получить указанія на образъ, связанный со словомъ, изслѣдователь и въ этомъ случаѣ не всегда получалъ удовлетворительный отвѣтъ. „О какой шляпѣ вы думаете?“ спрашивалъ Бине, и получалъ такіе отвѣты: „я думалъ о шляпѣ вообще“ или „я думалъ безразлично о какой-то шляпѣ“. „Неправильно сказать *вообще*; я старалась представить себѣ одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые связаны со словомъ, но я не представляю себѣ ничего“. Отсюда Бине дѣлаетъ выводъ, что это „мысли неопредѣленныя, остановившіяся въ своемъ развитіи, оставшіяся эмбрионами“. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу объ образахъ, вызываемыхъ словомъ отвлеченнымъ или общимъ. Еще Рибо въ своемъ трудѣ объ эволюціи общихъ идей указалъ на то, что у всѣхъ людей то или другое слово не соединяется ни съ какими образами, а вызываетъ только мысли, часто неясныя и неопредѣленныя; иногда связываются съ ними образы написанныхъ словъ, иногда, довольно часто, какіе-нибудь частные образы (при

¹⁾ А. Binet. L'étude expérimentale de l'intelligence. 1903, гл. VIII. „La pensée abstraite et ses images“. (Отвлеченная мысль и ея образы). Новая литература по этому вопросу (O. Taylor. Ueber das verstehen von Worten und Sätzen. Zeitschrift für Psychologie и др.) приведена и разсмотрѣна въ изслѣдованіи американскаго ученаго Мупа: Th. Verner Moore. The process of abstraction. An experimental study. University of California Publications in Psychology. November. 1910.

словѣ *собака* является образъ извѣстной собаки). Наконецъ, можетъ явиться и общее представленіе; однако, данныя, приведенныя Бине, показываютъ, что лицо, ссылающееся на *общій* характеръ своего образа (зима вообще), сознавало, что это общее представленіе потому, что здѣсь не было ничего частнаго. При словѣ *лошадь* въ сознании одной изъ дочерей Бине явился образъ какой-то лошади, бѣгущей по Avenue Jacqueminot. „Это не была какая-нибудь лошадь, которую я знаю. Такъ какъ я знаю видъ лошадей, то я могла очень хорошо представить себѣ одну изъ нихъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣющийся образъ не обладаетъ такими признаками, которые позволяли бы приурочить его къ опредѣленной датѣ или мѣсту. „Умъ, поставленный лицомъ къ лицу съ этимъ образомъ, можетъ сказать ему: ты не напоминаешь мнѣ ничего въ частности, я не могу связать тебя съ воспріятіемъ, которое я имѣлъ тогда то, тебѣ не хватаетъ конкретной реальности, ты—неполный образъ. Такимъ образомъ, это абстрактный образъ, понимая подъ этимъ словомъ образъ, лишенный элементовъ, которые позволили бы сдѣлать его частнымъ“. Въ другихъ же случаяхъ образъ слишкомъ не точенъ, чтобы его можно было связать съ извѣстнымъ воспріятіемъ: такъ, является образъ человѣка, но его особенности совершенно ускользаютъ отъ воображенія, и онъ остается человѣкомъ вообще. И вотъ такой образъ, или неточный, или не связанный опредѣленно съ мѣстомъ и временемъ, становится общимъ, соответствуетъ отвлеченному или общему названію, какъ *человѣкъ* (вообще), *истина* и т. п. Если стать на точку зрѣнія паулевскаго подраздѣленія значеній на общія и частныя, то именно общему значенію и можетъ сопутствовать общій образъ. „Нашъ умъ, завладѣвая подобнымъ образомъ, говорить ему: такъ какъ ты не представляешь ничего въ частности, я заставлю тебя представлять все. Это назначеніе исходитъ отъ нашего ума. Другими словами, мысль объ общемъ исходитъ изъ направленія мысли къ совокупности вещей“. (Binet. 154). При анализѣ словарнаго состава языка дикарей мы видѣли, что на этомъ пути къ обобщенію словъ и останавливается мысль дикаря. Связанная цѣпями образности, она не можетъ освободиться отъ того первичнаго обобщенія, которое представляется въ названіяхъ какихъ-нибудь видовъ и предметовъ (породы птицъ, звѣрей, вида дѣйствій), но даже такіа обобщенія, какъ *птица*, *человѣкъ*, *битъ* (вообще) не всегда оказываются ей доступны, потому что она нуждается не въ общихъ образахъ и не въ словахъ безъ образовъ, но въ конкретныхъ образахъ.

Въ связи съ затронутымъ здѣсь предметомъ я посвящу еще нѣсколько замѣчаній „процессу абстракціи“, о которомъ я отчасти уже говорилъ раньше по поводу изслѣдованія д-ра Ж. Филиппа о природѣ психологическаго образа. Весьма обстоятельная работа Мура о процессѣ абстракціи привела его къ слѣдующимъ выводамъ: 1. Процессъ абстрак-

ція починається разрушенієм единства групи, представленної воспріятіємъ. Въ этомъ разложеніи групи общій элементъ подчеркивается въ ущербъ окружающимъ элементамъ. Эти послѣдніе оказываются не только внѣ вниманія (neglected), они положительнымъ образомъ выкидываются и исчезаютъ болѣе или менѣе совершенно изъ поля сознанія. 2. Разложение группы открываетъ собою процессъ воспріятія (of perceiving) общаго элемента. Этотъ процессъ совершается путемъ ассимиляціи воспринятыхъ ощущеній извѣстнымъ умственнымъ категоріямъ. Воспріятіе направляется отъ того, что является болѣе общимъ, къ тому, что представляетъ собою частное. Созданіе воспроизводимаго образа представляетъ позднѣйшую и несущественную стадію воспріятія. 3. Удержаніе въ памяти воспринятой фигуры зависитъ въ значительной степени отъ способа запоминанія. Запоминаніе съ помощью анализа и ассоціаціи имѣетъ очень опредѣленные преимущества передъ запоминаніемъ съ помощью воображенія (образности, imagery)... 4. Воспризнаніе фигуры, видѣнной одинъ разъ, заключаетъ элементъ увѣренности или неувѣренности, иначе говоря, въ воспризнаніи заключается утвержденіе или же сомнѣніе, а слѣдовательно это есть завершенное, остановившееся на пути (suspended) сужденіе... 5. Конечный результатъ абстракціи, то, что воспринимается, какъ общее многимъ группамъ, представляетъ собою главнымъ образомъ понятіе, отличное отъ образности и чувства. Это не есть какое-нибудь элементарное понятіе, но то, что представляетъ ассимиляцію воспринятаго чувствами болѣе или менѣе сложной умственной категоріи или, можетъ быть, многимъ такимъ категоріямъ. Эти умственные категоріи могутъ разсматриваться, какъ результатъ прошлаго опыта". (Moore. 190—191).

То, что имѣетъ здѣсь ближайшее отношеніе къ семазіології, заключается въ справедливомъ указаніи изслѣдователя на необходимость въ процессѣ абстракціи разложить первоначальный образъ, выдѣлить изъ него одинъ изъ элементовъ, общій нѣсколькимъ группамъ. Языкъ отмѣчаетъ этотъ общій признакъ, создавая слова, заключающія въ себѣ указаніе на какую-нибудь общую черту цѣлаго ряда предметовъ. Такъ, разнообразныя вещества обладаютъ тѣмъ общимъ свойствомъ, что могутъ быть превращены тѣмъ или инымъ способомъ въ краски, и вотъ эти вещества, лазурь, тушь и т. под., объединены словомъ по одному общему имъ признаку въ понятіе о *краскѣ*, окрашивающемъ веществѣ, хотя другія свойства туши, лазури и др. могутъ быть совершенно различны. При этомъ, какъ указываетъ американскій психологъ, и это выдѣленіе признака, и запоминаніе воспринятаго совершается наилучшимъ образомъ съ помощью сужденія, т. е. той формы мысли, которая, непременно, предполагаетъ сочетаніе словъ. Образы остаются и здѣсь въ тѣни передъ мышленіемъ словами. Каково же отношеніе понятія къ слову?

Понятіе тѣсно связано съ сужденіемъ. Генезисъ его представляется

однимъ изъ современныхъ психологовъ въ слѣдующихъ чертахъ ¹⁾. Понятія раздѣляются на аналитическія и синтетическія. „Первыя являются представленіями такихъ предметовъ, которые должны были выдѣлены съ помощью анализа изъ какого-нибудь большаго цѣлаго, и которыя только въ соединеніи съ этимъ цѣлымъ могутъ быть представлены образно (*anschaulich*), сами же по себѣ эти предметы не доступны подобному образному представленію. Таковы представленія о признакахъ, свойствахъ, отношеніяхъ, которыя возникаютъ тогда, когда вниманіе отвлечено отъ того, что обладаетъ этими признаками или свойствами, и отъ тѣхъ звеньевъ, между которыми существуютъ отношенія. Эти представленія признаковъ и отношеній нуждаются, конечно, для своего возникновенія въ процессѣ отвлечения; какъ бы этотъ послѣдній ни происходилъ, результатомъ его должна быть изоляція соотвѣтственнаго признака отъ окружающей его обстановки. Въ чемъ же заключается эта изоляція? Въ *представленныхъ сужденіяхъ*. Конкретно положеніе вещей представляется при этомъ слѣдующимъ образомъ. Пусть дѣло идетъ объ образованіи абстрактнаго представленія о формѣ доски, на которой я пишу слова. Исходный пунктъ для образованія этого абстрактнаго представленія даетъ представленіе поверхности доски (стола), какъ цѣлаго, это составляетъ *субстратное* представленіе. Изъ такого цѣлаго, представленнаго съ помощью этого субстратнаго представленія, выдѣляется процессомъ отвлечения форма; вниманіе играетъ здѣсь, какъ извѣстно, рѣшающую роль. Но одного его недостаточно. Для того, чтобы возникло отвлеченное представленіе, я долженъ отвлечь свое вниманіе отъ всего остальнаго, кромѣ формы стола; я долженъ все остальное выкинуть изъ своего ума, а это выкидываніе происходитъ именно въ формѣ представленныхъ сужденій: „другое, остальное не существуетъ“, или „существуетъ только форма“. Что это именно представленные сужденія, объ этомъ нечего и распространяться, такъ какъ въ дѣйствительности никому бы не пришло въ голову составить сужденіе, что существуетъ только форма стола“. Понятія о признакахъ и отношеніяхъ, добытыя аналитическимъ путемъ, служатъ затѣмъ матеріаломъ для построенія другого типа такихъ безобразныхъ представленій, именно синтетическихъ понятій. Для образованія и такихъ понятій необходимы вышеуказанныя „представленные сужденія“, которыя присоединяютъ къ предмету субстратнаго представленія тѣ или другіе признаки, сохраняя первоначальные признаки предмета этого основнаго (субстратнаго) представленія или устраняя ихъ. Полученное аналитическимъ или синтетическимъ методомъ понятіе можетъ и само сдѣлаться субстратнымъ представленіемъ, вслѣдствіе чего получаютъ понятія, по необходимости лишенные всякаго

¹⁾ К. Twardowski. Ueber begriffliche Vorstellungen. Wissenschaftliche Beilage zum XVI—ten Jahresbericht (1903) der philosophischen Gesellschaft an der Universität zu Wien. Leipzig. 1903.

образнаго содержанія: напр., понятіе о звукѣ въ 100,000 колебаній или о сверхъ-человѣческой мудрости. Какъ мы видимъ изъ приведенныхъ умозаключеній К. Твардовскаго, этотъ конечный выводъ находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ анализомъ отвлеченнаго представленія или понятія, который былъ полученъ Бине, Филиппомъ и др. путемъ изученія психологической природы образа.

Но какъ возможенъ тотъ сложный процессъ, который приводитъ къ привнесенію новыхъ признаковъ въ представленіе, лежащее въ основаніи понятія? Это возможно лишь благодаря содѣйствію языка, благодаря тому, что языкъ дѣлаетъ возможнымъ символическое мышленіе, потому что слово есть символъ, потому что обозначаемыя словами свойства, въ дѣйствительности, какъ отдѣльныя явленія не существуютъ. Если даже самые простые процессы отвлеченія могутъ обходиться безъ участія внутренней рѣчи, то все же лишь тогда эти процессы ведутъ къ образованію аналитическихъ понятій, когда выдѣленный вниманіемъ (изъ цѣлаго) признакъ ассоціируется со словеснымъ представленіемъ, вслѣдствіе чего облегчается его отдѣленіе отъ всего остального содержанія основнаго представленія. Другими словами, безъ трехъ видовъ представленій (1 слова, 2 основнаго представленія, 3 сужденія) не можетъ возникнуть понятіе, т. е. только существо, обладающее внутренней рѣчью, можетъ обладать мышленіемъ съ помощью понятій. Эта роль языка въ опредѣленіи того, что такое понятіе, подчеркивается психологіей уже съ древнѣйшихъ временъ, когда начался анализъ умственныхъ процессовъ. Историческій очеркъ Крейбига ¹⁾ обнаруживаетъ, какъ уже этимъ первымъ изслѣдователямъ душевной жизни человѣка было ясно, что пониманіе въ человѣческомъ смыслѣ этого слова тѣсно связано съ говореніемъ. „Понятіемъ я называю то, говоритъ Аристотель, что высказывается, и то, о чемъ высказываются, именно сказуемое и подлежащее, будетъ ли при этомъ прибавлено или отнято бытіе или небытіе“ (связка—*есть*). Новѣйшіе психологи отмѣчаютъ также эту связь мышленія съ рѣчью. По словамъ Зигварта, „мы называемъ понятіемъ въ логическомъ смыслѣ этого слова такое представленіе, которое удовлетворяетъ слѣдующимъ требованіямъ: полное постоянство, совершенная опредѣленность, всеобщее совпаденіе (*Uebereinstimmung*) и недвусмысленная языковая опредѣленность (*unzweideutige sprachliche Bestimmtheit*)“. Два толкованія слова понятіе предлагаетъ Юдль въ своей „Психологіи“. По его мнѣнію, „отъ понятія въ болѣе широкомъ смыслѣ или созначащаго (*connotativ*) представленія, служащаго коррелятомъ къ значенію слова въ обыкновенной рѣчи, слѣдуетъ только отличать понятіе въ логической наукѣ и научномъ словоупотребленіи, или понятіе, какъ орудіе мышленія“. Наконецъ, и то опредѣленіе понятія, которое даетъ самъ Крейбигъ, получено вслѣдствіе

¹⁾ *I. Kreibig. Ueber die Natur der Begriffe* (въ томъ же сборникѣ, гдѣ и статья проф. Твардовскаго).

предположенія процесса постепеннаго отвлеченія, которое совершается сознаніемъ лишь съ помощью рѣчи. „Подъ понятіемъ вообще слѣдуетъ понимать безобразное (unanschaulich) представление съ обособленіемъ признаковъ, произведеннымъ въ духѣ экономики мысли (denkökonomisch). Научныя понятія связаны съ относительно постоянными символами (знаками, словами, формулами)“. (Kreibig. 65). Въ вышеприведенныхъ опредѣленіяхъ понятія мы находили указанія на связь понятія съ сужденіемъ, изъ чего вытекало само собою важное значеніе слова въ духовной жизни человѣка. Нѣсколько иначе смотреть на психологическую природу понятія Гейзеръ ¹⁾, который, однако, въ конечномъ выводѣ приходитъ къ заключенію, не слишкомъ отличающемуся отъ приведенныхъ выше. „Первыми познавательными содержаніями (Erkenntnisinhalte) мышленія являются безъ сомнѣнія *намѣренныя* (intentionale) мысли, т. е. такія познавательныя содержанія, которыя мыслятся нами въ отношеніи (im Hinblick) къ опредѣленнымъ объектамъ узозрѣнія (Anschauung). Если же въ этихъ, какъ и въ другихъ, случаяхъ познавательное содержаніе мысли, какъ таковое, и воодушевляющее ее намѣреніе представляютъ не два отдѣлимые другъ отъ друга душевные процесса, но лишь одинъ процессъ, то все же въ этомъ единомъ процессѣ они должны быть отдѣлены одинъ отъ другого, какъ два момента одного и того же процесса, подобно тому, какъ высота и сила образуютъ два различные момента одного и того же тона. Въ случаяхъ синтетическаго намѣренія ²⁾ оба эти момента образуютъ даже два самостоятельные душевные процесса. Вслѣдствіе этого содержанія мысли могутъ разсматриваться независимо отъ элемента намѣренія, т. е. сами по себѣ. Если же такъ, то, естественно, въ этихъ мысляхъ мы имѣемъ дѣло уже не съ интенціональными мыслями, т. е. уже не съ *сужденіями*. Вѣдь, согласно указанному выше, мы именно устраняемъ изъ нихъ тотъ элементъ, который далъ имъ ихъ природу сужденій. Но, съ другой стороны, вслѣдствіе отвлеченія этого элемента, самая мысль еще никомъ образомъ не уничтожена: вѣдь отъ самаго познавательнаго содержанія, съ которымъ связано отвлеченіе, намъ нечего отказываться. Такимъ образомъ, оно и остается предметомъ нашего научнаго разсмотрѣнія. А потому намъ приходится принять во вниманіе такія содержанія сознанія, которыя обла-

¹⁾ I. Geysen. Grundlagen der Logik und Erkenntnislehre. Münster. 1909.

²⁾ Подъ *Intention* (намѣреніемъ) авторъ понимаетъ „die urteiltbildende Beziehung“ (отношеніе, образующее сужденіе), при чемъ съ мыслью можетъ синтетически связываться это намѣреніе или (аналитически) не соединяться. „Такимъ образомъ, говоритъ Гейзеръ, въ первомъ (аналитическомъ) случаѣ сужденіе возникаетъ путемъ чистаго мышленія, во второмъ (синтетическомъ) съ помощью сочетанія мышленія и воли. Оба сужденія оказываются мыслями, созданными волей (intentionale Gedanken). Но въ первомъ видѣ сужденій намѣренность внутренне присуща мыслямъ, во второмъ — вѣнше“.

даютъ природой не представленій или чувствъ, но *мыслей*, однако специфически отличны отъ сужденій (von den urtheilsmässigen Gedanken) вслѣдствіе отсутствія момента намѣренія. Эти мысленныя единства, не имѣющія природы сужденій, я называю *понятіями*“. Далѣе и этотъ авторъ устанавливаетъ ближайшее отношеніе между понятіями и сужденіями. „Понятія, хотя и не просто тождественны съ сужденіями, однако стоятъ во внутренней связи съ ними. Это утвержденіе надо понимать въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ въ томъ смыслѣ, что понятія происходятъ изъ интенціональных (волевыхъ, намѣренныхъ, образующихъ сужденія) актовъ мышленія, а во-вторыхъ, въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ своей цѣлью сдѣлаться носителями интенцій, и такимъ образомъ, съ помощью содержанія, которое мы знаемъ въ нихъ, дать намъ познаніе предмета, на который направляется ихъ (образующее сужденія) положеніе“. При такомъ пониманіи природы понятій, которыя являются „содержаніями, достающимися нашему сознанію въ качествѣ специфическаго продукта (извѣстныхъ) актовъ мысли“.—конечно, не представляется возможности исключить въ процессѣ образованія понятій необходимое участіе рѣчи. Слово не есть понятіе, но есть названіе понятія, говоритъ Гейзеръ. Иначе выражаясь, слово означаетъ то или другое содержаніе понятія (Вундтъ, Die Sprache II 455), а стало быть, и измѣненіе значенія слова должно сводиться, въ концѣ концовъ, къ процессу измѣненія самаго содержанія понятій. Именно въ виду этого мнѣ казалось необходимымъ удѣлить въ настоящемъ изслѣдованіи нѣсколько страницъ вопросу о психологической природѣ понятій. А такъ какъ понятія находятся въ ближайшей связи съ сужденіями, и самое содержаніе первыхъ—такъ или иначе—зависитъ отъ того опредѣленія, какое получаетъ въ сужденіи содержаніе понятія, то при изученіи развитія значенія словъ оказывается необходимымъ остановиться и на самомъ сужденіи.

Разумѣется, мнѣ придется оставить внѣ рамокъ изученія логическія отношенія между сужденіями и остановиться лишь на психологіи этихъ послѣднихъ ¹⁾. Прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть отношеніе между сужденіями и представленіями. Такая постановка вопроса, диктуемая современнымъ изученіемъ генезиса сужденій, имѣетъ то непосредственное значеніе для семазіологіи, что и при изслѣдованіи значеній словъ приходится точно также исходить изъ представленій, связываемыхъ со словомъ. Какъ

¹⁾ По этому вопросу я пользуюсь здѣсь слѣдующей литературой: *J. Volkelt*. Erfahrung und Denken. 1886. *W. Jerusalem*. Die Urtheilsfunction. Eine psychologische und erkenntniskritische Untersuchung. 1895. *K. Marbe* Experimentell-psychologische Untersuchungen über das Urtheil 1901. *E. Schrader*. Zur Grundlegung der Psychologie des Urtheils. 1903. *J. Uphues*. Erkenntniskritische Logik. 1909. *A. Meinong*. Ueber Annahmen. 2 изд. 1910. *J. Geyser*. Grundlagen (см. выше) 1909.

утверждаетъ Іерусалемъ (loc. cit. 78 и слѣд.), „всякое сужденіе предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ въ качествѣ одного изъ элементовъ представленіе... Подъ представленіемъ я понимаю здѣсь какой бы то ни было образъ предмета въ сознаніи, данъ ли онъ въ настоящій моментъ чувственнымъ впечатлѣніемъ или воспроизводится памятью... Психологически сужденіе нельзя отдѣлять отъ представленнаго содержанія. Представленіе есть психическое явленіе, въ существѣ котораго заключается обладаніе какимъ-нибудь содержаніемъ, кажушимся представляющему лицу предметомъ или явленіемъ такъ называемаго внѣшняго міра. Несомнѣнно, что въ такомъ пониманіи представленіе можетъ совершаться и, дѣйствительно, часто совершается внѣ всякой связи съ сужденіями. Когда я воспринимаю цвѣтущее дерево, то я могу усвоить себѣ его образъ, хотя бы я ничего не зналъ объ имени дерева, и еще никогда не составлялъ относительно него сужденія. Въ представленіи это цвѣтущее дерево дается, какъ одно цѣлое, и представленіе его можетъ, сообразно съ психическими предрасположеніями представляющаго лица, вызывать самыя разнообразныя ассоціаціи. Но къ сужденію „дерево цвѣтетъ“ ассоціація, какъ таковая, никогда не приведетъ... Сужденіе уже потому не является ассоціаціей, что внутри его не происходитъ никакой ассоціаціи. Такъ, въ сужденіи „дерево цвѣтетъ“ къ представленію цвѣтущаго дерева не присоединяется никакого новаго элемента представленія. Но что же такое измѣняется въ представленіи, благодаря сужденію: „дерево цвѣтетъ?“... Прежде всего, какъ это каждый можетъ отчетливо замѣтить, комплексъ представленія разлагается на части. То, что прежде было дано, какъ нерасчлененное цѣлое, теперь оказывается разложеннымъ на части“. Но такое расчлененіе можетъ происходить и внутри представленія, если вниманіе сосредоточено на какой-нибудь одной части сложнаго представленія, и такое разложеніе представленія, по мнѣнію Іерусалема, еще вовсе не ведетъ къ сужденію. Съ другой стороны, въ сужденіи „дерево цвѣтетъ“ дерево представлено именно, какъ цвѣтущее дерево. „Дерево сужденія вовсе не является остаткомъ комплекса представленія, который остается, если цвѣтеніе его отвлечь. Дерево сужденія есть именно особенное, цвѣтущее дерево, и оно цвѣтетъ только, какъ таковое“. Въ виду этого Іерусалемъ считаетъ наиболѣе существеннымъ психологическимъ признакомъ сужденія не разложеніе представленія, но особенное формированіе его. Такъ, въ сужденіи „дерево цвѣтетъ“ цѣлый комплексъ представленія, нерасчлененный процессъ, принимаетъ такую форму, что въ представленіи является дерево, какъ „единое, одаренное извѣстной способностью существо“, выраженіемъ котораго (*Kraftäusserung*) является именно его цвѣтеніе. „Такимъ образомъ, функція сужденія заключается не столько въ раздѣленіи и соединеніи, сколько въ расчлененіи (*Gliederung*) и формированіи представленныхъ содержаній“. Этотъ процессъ не совершается въ актѣ воспріятія, который даетъ намъ

единныя нерасчлененныя содержанія. „Какъ центры силы, которые совершаютъ дѣйствія по аналогіи нашихъ собственныхъ волевыхъ актовъ, предметы являются намъ только въ сужденіи и только черезъ него. Простое чувственное воспріятіе представляетъ со своимъ эмоціональнымъ элементомъ нѣчто хаотическое, спутанное, во что вносить порядокъ только сужденіе. Теперь дерево, птица, роза оказываются центрами силы, которые развиваютъ свою дѣятельность независимо отъ насъ. Познакомиться съ этой дѣятельностью представляетъ выдающійся практическій интересъ. Въ одной и той же вещи обнаруживается то одна, то другая дѣятельность, и я понемногу узнаю, какъ вообще я долженъ смотрѣть на извѣстное существо“. Къ этимъ замѣчаніямъ нѣмецкаго психолога я прибавлю, что, узнавая съ помощью сужденія о различныхъ свойствахъ предметовъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ расширяю или измѣняю значеніе того слова, которымъ обозначается предметъ.

Въ своихъ указаніяхъ на психологическій характеръ сужденія Іерузалемъ исходилъ изъ самонаблюденія. К. Марбе поставилъ вопросъ нѣсколько иначе, перенесъ его на экспериментальную почву, для того, чтобы узнать, какія переживанія должны присоединяться къ одному или нѣсколькимъ процессамъ сознанія, чтобы превратить ихъ въ сужденія, или, иначе говоря, какія именно представленія воспріятія (*Wahrnehmungsvorstellungen*) сопутствуютъ превращенію извѣстнаго воспріятія въ сужденіе (напр., двѣ тяжести одной формы при взвѣшиваніи на рукѣ оказываются различными, и это формулируется въ видѣ сужденія тяжести, при чемъ этому процессу сужденія сопутствуютъ разнообразныя и случайныя представленія, не имѣющія прямого отношенія къ сужденію). Отвѣтъ получился отрицательный: „Конкретныя представленія, принимающія характеръ сужденія, не сопровождаются никакими психологическими явленіями, которыя придаютъ имъ характеръ сужденія“. Когда изслѣдованію были подвергнуты сужденія, которыя должны были выражаться не словами, а знаками (этотъ предметъ тяже) или числами ($30-7=23$), то результатъ получался тотъ же: „Не имѣется никакихъ психологическихъ условій сужденія, каковы бы ни были тѣ переживанія, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ становятся сужденіями“ (Marbe. 43). Слѣдовательно, должны имѣться иные, „не психологическіе“ моменты, превращающія представленія (вообще, переживанія, *Erlebnisse*, „содержанія“ по номенклатурѣ Іерузалема) въ сужденія, или вызывающія правильное или неправильное присоединеніе предикатовъ къ этимъ „переживаніямъ“. Такъ какъ конкретныя представленія становятся сужденіями, когда между ними и другими такими же конкретными, реальными или идеальными представленіями возникаетъ какое-нибудь отношеніе сходства, то отсюда явствуетъ, что самое-то уподобленіе должно вытекать изъ намѣренія (*Absicht*) переживающаго духовный процессъ лица. Т. е. элементъ волевой оказывается въ наличности и здѣсь, какъ въ психологій

понятія ¹⁾. Сужденія дають намъ знанія о предметахъ, создавая систему отношеній, которую иначе невозможно установить, и которая, разумѣется, играетъ выдающуюся роль въ развитіи словесныхъ значеній. „Строго говоря, утверждаетъ Уфусъ (Erken. Logik. 24), мы познаемъ не предметы, но нѣчто о предметахъ. Мы подчиняемъ ихъ предикатамъ, и если мы хотимъ познать эти предикаты, то мы должны подчинить ихъ другимъ предикатамъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ не къ отдѣльнымъ предметамъ, но къ системѣ отношеній, которая образуетъ собственный предметъ всякаго познанія и всѣхъ наукъ. Къ системѣ этихъ отношеній, иными словами: къ системѣ истины стремятся всѣ науки. Все—дѣйствительно и лишь то дѣйствительно, что образуетъ одно звено въ этой системѣ отношеній или истины, такъ какъ мы познаемъ дѣйствительность лишь такимъ путемъ, въ сужденіяхъ, которыя истинны“. Оставляя въ сторонѣ значеніе этихъ взглядовъ для теоріи познанія, я обращаю вниманіе на важность содержащагося въ нихъ указанія на систему отношеній, устанавливаемую сужденіями, для ученія о значеніи словъ. Сужденія опредѣляютъ такіе соотношенія между понятіями, которыя вносятъ въ значеніе слова, выражающаго понятіе, новые оттѣнки. Такимъ образомъ, не только вслѣдствіе эволюціи образа, связаннаго со словомъ (въ предѣлахъ отъ полнаго измѣненія первоначальнаго образа до совершеннаго исчезновенія всякаго образа), но и вслѣдствіе того содержанія, которое вносится въ слово понятіемъ или сужденіемъ, измѣняется его значеніе. Я не буду останавливаться на томъ, что сужденіе требуетъ своего выраженія въ словахъ, и не просто въ сочетаніи словъ (ясное небо), но именно въ предложеніи. (небо ясно). „Само собой разумѣется, что всегда, когда нужно выразить сужденіе, приходится пользоваться предложеніемъ, и что, вообще, не имѣется никакого иного средства дать выраженіе къ своему сужденію относительно опредѣленнаго предмета“ (Meinong). Такія формы сужденія, какъ отдѣльное слово (*вотъ!*) или жестъ, являются, конечно, лишь случайными формами сужденія, предикатами къ содержанію сознанія, понятнаго безъ словъ

На этомъ покончимъ съ анализомъ психологическихъ условій развитія значеній и перейдемъ къ семасіологіи въ узкомъ смыслѣ этого термина. Слово есть условный знакъ, и уже, какъ таковой, должно обладать абстрактнымъ и всеобщимъ значеніемъ, чтобы быть понимаемымъ въ различныхъ случаяхъ. Нужно, чтобы этотъ знакъ употреблялся однако лишь въ строго опредѣленныхъ условіяхъ: иначе, намѣренія лица, подающаго знакъ, разойдутся съ пониманіемъ челоуѣка, этотъ знакъ воспри-

¹⁾ Marbe. 48. „So sind Sachvorstellungen Urtheile, wenn die nicht nur in irgend einer Richtung in einer Ähnlichkeitsbeziehung zu anderen realen oder idealen Vorstellungen stehen, sondern wenn ihre Uebereinstimmung mit diesen Vorstellungen vom erlebenden Individuum beabsichtigt ist“.

нимающаго ¹⁾). „Если, напр., говорить Мартинакъ, ребенокъ желѣзнодорожнаго сторожа, совершенно не сознавая значенія своего дѣйствія, размахиваетъ краснымъ флагомъ передъ проходящимъ поѣздомъ и этимъ вызываетъ его остановку, то можно сдѣлать отсюда правильное заключеніе, что машинистъ понялъ знакъ, но не понялъ того, кто подалъ этотъ знакъ“. Такимъ образомъ, лишь въ томъ случаѣ, если пониманіе лица, подающаго знакъ, совпадаетъ съ пониманіемъ того, кто его воспринимаетъ, можно сказать, что намѣреніе лица, подающаго знакъ, было угадано. Но самый знакъ *in abstracto* понимается въ томъ случаѣ, если лицо, его воспринимающее, связываетъ съ нимъ не тѣ случайныя представленія, какія возникаютъ въ сознаніи подающаго знакъ (въ данномъ случаѣ красный флагъ), но тѣ постоянныя, условныя представленія, какія превращаютъ знакъ въ орудіе обмѣна мыслями. И при этомъ необходимо, чтобы одно лицо не только восприняло этотъ знакъ такъ, какъ этого хочетъ другое, но чтобы оно его и истолковало соотвѣтствующимъ образомъ. Но вѣдь лицо, подающее извѣстный знакъ, можетъ имѣть въ виду правильное, т. е. установленное традиціей, значеніе его, но можетъ также не связывать съ нимъ никакого значенія или соединять неправильное. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ лицо, воспринимающее знакъ, можетъ представить своимъ поведеніемъ опять-таки три возможности: или правильно воспринимать значеніе знака, или совершенно неправильно, или только отчасти правильно. Далѣе, и въ истолкованіи воспринятыхъ знаковъ возможно теоретически предположить рядъ возможностей: правильное или неправильное толкованіе или даже отсутствіе толкованія (когда, напр., мы правильно воспринимаемъ слово на непонятномъ для насъ языкѣ). Въ результатѣ оказывается, за исключеніемъ полного невоспріятія поданнаго знака, 21 возможность различныхъ истолкованій воспринятаго знака. Если въ случаяхъ конкретныхъ знаковъ (условныхъ цвѣтовыхъ или звуковыхъ символовъ и т. п.) весь этотъ рядъ возможностей является только логическимъ допущеніемъ, и фактически дѣло сводится къ тому, что знакъ, правильно воспринятый, понимается именно такъ, какъ этого хочетъ подающее знакъ лицо, то всеѣмъ иной характеръ принимаетъ вопросъ, если рѣчь идетъ о такихъ знакахъ, какими являются слова. Здѣсь на дѣлѣ оправдываются тѣ разнообразныя возможности иного воспріятія и иного пониманія другимъ лицомъ слова, съ которымъ говорящій связываетъ свое собственное значеніе, и на этомъ базируется развитіе оттѣнковъ значенія словъ у говорящаго и слушающаго людей, между которыми устанавливается, такъ сказать, третье компромисное значеніе слова, лишенное тѣхъ индивидуальныхъ (напр. эмоціальныхъ) оттѣнковъ, какіе связывались со словомъ тѣмъ или другимъ изъ говорящихъ лицъ. Оно, какъ указаніе на

¹⁾ *Martinak*. Psychologische Untersuchungen zur Bedeutungslehre. 1901.

содержаніе понятія, устанавливается *только* благодаря предложенію, въ которомъ встрѣчается слово. Возьмемъ, напр., слово *небо*. Тотъ образъ, который связываетъ съ этимъ словомъ говорящее лицо, нисколько не отразится на пониманіи человѣка, который услышитъ фразу: „Буря мглою *небо* кроетъ, вихри сибѣжные крутя“, или съ другимъ значеніемъ того же слова: „Лишь у епископа милостью *неба* полны амбары огромные хлѣба“ Но при сравненіи родственныхъ языковъ оказывается, что гдѣ-то произошло измѣненіе значенія этого слова: или говорящее лицо, связавъ съ индо-европейскимъ словомъ *nēbhos* значеніе не небо, но облаковъ, покрывающихъ небо, создало новое значеніе этого слова (откуда греч. *νέφος*, облако), или понимающее лицо связало съ услышаннымъ словомъ—*nēbhos* свое собственное пониманіе, которое оно передало по тѣмъ или инымъ причинамъ окружающей средѣ. При изслѣдованіи родства словъ съ этимъ психологическимъ фактомъ постоянно приходится считаться. Одновременно двумъ лицамъ не можетъ придти въ голову своеобразное метафорическое значеніе слова, но или говорящій понялъ слово по новому и сумѣлъ передать свое пониманіе другому человѣку, или этотъ внимающій человѣкъ связалъ иное значеніе. *Внѣ соціальной среды* слово не можетъ измѣнить свое значеніе, потому что установленіе значенія слова есть актъ двусторонній, выдѣляющій,—и подчеркивающій взаимнымъ пониманіемъ это выдѣленіе,—одинъ изъ признаковъ того образа, который связывается со словомъ. Для меня, какъ говорящаго лица, какъ думающаго словами человѣка, слово *небо* можетъ связаться съ представленіемъ то о ясномъ, лучезарномъ небосводѣ, то о тучахъ, закрывающихъ солнце, и все это разнообразіе представленій будетъ покрываться словомъ *небо*. Но, если, имѣя въ виду именно туманное, обволоченное небо, я скажу, что небеса закрыли и землю, и море (Одиссея. IX. 68: *σὺν δὲ νέφεσσι κάλυψεν γαῖαν ὅρου καὶ πόντον*), то человѣкъ, желающій меня понять, долженъ связывать съ моими словами представленіе о тучахъ, нависшихъ на небѣ, и такимъ образомъ примѣнить общее значеніе слова къ спеціальному случаю.

И вотъ въ греческомъ языкѣ слово *небо* (*νέφος*) получило болѣе узкое значеніе облака, тучи. На этомъ, однако, развитіе значенія этого слова не остановилось. Понимающие и говорящіе люди одинаково соединили со словомъ *туча* представленіе, какъ о такой массѣ, которая движется однимъ огромнымъ цѣлымъ, такъ и о туманѣ, который дѣлаетъ предметы невидимыми. Одинаковое пониманіе говорящими и воспринимающими лицами слова (а не образа) въ его спеціальномъ значеніи, съ которымъ они могутъ связать свои образы (но могутъ и не связать), дало греческому *νέφος* такія примѣненія, какъ *νέφος πλοῦτος* (туча богатства, у Пиндара), *πολέμοιο νέφος* (туча битвы, т. е. свалка, у Гомера), затѣмъ *νέφος* въ смыслѣ забвенія, слѣпоты, печали и т. п. Итакъ, схема пониманія такова: *образъ* (у говорящаго)—*слово* и отсюда *слово* (у понимающаго)

—образъ. Для пониманія необходимо, чтобы въ главныхъ своихъ чертахъ представленія, связывающіяся у обѣихъ сторонъ со словомъ, были одинаковы, и это достигается какъ тѣми средствами, которыя были рассмотрѣны выше, въ анализѣ „случайнаго“ (казуальнаго) и „общаго“ значенія словъ, такъ и прежде всего контекстомъ. *Слово получаетъ свое значеніе въ предложеніи, предложеніе создаетъ пониманіе между говорящими и воспринимающими лицами; слово приобретаетъ свое значеніе лишь въ соціальной средѣ*: таковы выводы, которые вытекаютъ изъ психологическихъ фактовъ, изложенныхъ въ настоящей главѣ.

Русской наукѣ принадлежитъ заслуга очень тонкаго анализа семаніологии (ученія о значеніи слова). Онъ былъ данъ А. А. Потебней, Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ и рано умершимъ даровитымъ ученымъ, И. Крушевскимъ. Потебня весьма отчетливо отмѣтилъ соціальный характеръ рѣчи, указавъ, что значеніе слова и сохраняется и понимается только въ рѣчи. „Слово въ каждый моментъ своей жизни есть одинъ актъ мысли, а не два“, и вотъ этотъ актъ мысли выясняется только въ связи слова съ другими, т. е. въ рѣчи. „Что касается до самаго субъективнаго содержанія мысли говорящаго и мысли понимающаго, то эти содержанія до такой степени различны, что хотя это различіе обыкновенно замѣчается только при явныхъ недоразумѣніяхъ, но легко можетъ быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между собою только въ словѣ“ („Мысль и языкъ“, 2 изд. 1892, стр. 134). Вмѣстѣ съ тѣмъ Потебня отмѣчаетъ значеніе слова для самого говорящаго лица. „Слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. Оно потому служитъ посредникомъ между людьми и устанавливаетъ между ними разумную связь, что въ отдѣльномъ лицѣ назначено посредствовать между новымъ воспріятіемъ (и вообще тѣмъ, что въ данное мгновеніе есть въ сознаніи) и находящимся внѣ сознанія прежнимъ запасомъ мысли. Сила человѣческой мысли не въ томъ, что слово вызываетъ въ сознаніи прежнія воспріятія (это возможно и безъ словъ), а въ томъ, какъ именно оно заставляетъ человѣка пользоваться сокровищами своего прошеднаго“ (тамъ же. 138—139). Итакъ, слово есть эквивалентъ собственнаго душевнаго содержанія, а такъ какъ у cadaго человѣка есть свое содержаніе, то обмѣнъ словами есть обмѣнъ эквивалентами, получающими значеніе отвлеченнаго знака. И въ этомъ смыслѣ слово должно быть названо „средствомъ сознанія единства образа“ (тамъ же, 149), хотя, конечно, опредѣленіе Потебни должно быть расширено: словомъ выражается не только *единство образа*, но и всякое *единство сознанія*. Греки, которые кричали „θάλασσα, θάλασσα“, спустившись на побережье долгожданнаго моря, выражали этимъ словомъ не актъ познанія, но эмоціональное состояніе. Вмѣсто „море, море“ они могли бы кричать „радость, радость“ или просто какое-нибудь восклицаніе, такъ какъ дѣло

шло не объ опредѣленіи увидѣннаго, но о выраженіи чувства, вызваннаго увидѣннымъ. Такъ что, скорѣе, слово можетъ быть опредѣлено, какъ „средство *сознанія* единства душевнаго состоянія“, при чемъ терминъ „сознаніе“ долженъ быть сохраненъ въ этомъ опредѣленіи, такъ какъ выраженію душевнаго состоянія въ *словѣ* должно предшествовать сознаніе его единства ¹⁾).

По вопросу о томъ, какой характеръ, отвлеченный или конкретный, имѣло первоначальное значеніе слова, Потембня утверждаетъ, что, „когда имя было примѣнено къ одному предмету, оно имѣло только единоличное, конкретное значеніе“. („Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. II. 15). Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что эти первыя слова были, такъ сказать, собственными именами, т. е. обозначали не собаку, не дерево, не человѣка вообще, но именно эту собаку, это дерево и этого человѣка, такъ какъ обобщеніе еще не было произведено. Конечно, трудно предположить такое состояніе психики, при которомъ въ сознаніи отсутствуетъ общій образъ и имѣется наличность только индивидуальнаго образа, но это соображеніе не мѣшаетъ предположенію, что названія связывались первоначально все-таки съ индивидуальными конкретными образами. Уже для того, чтобы признать въ извѣстномъ человѣкѣ тожество его личности несмотря на все разнообразіе ея проявленій (и стало быть образовъ, которые связываются съ ними у людей), необходимо совершить первичный актъ обобщенія, вполне доступный и для высшихъ животныхъ, и даже для птицъ: иначе, птица въ клѣткѣ не могла бы привыкнуть къ своему хозяину, сохраняя страхъ передъ другими людьми. Между тѣмъ въ каждый изъ моментовъ, когда эта птица видитъ своего хозяина, онъ является *другимъ* человѣкомъ, и если всѣ эти различные образы его сливаются въ одинъ общій образъ, отличный отъ образовъ иныхъ людей, незнакомыхъ, то этотъ процессъ ознакомленія основанъ на выработкѣ (тѣмъ автоматическимъ способомъ, о которомъ было говорено выше) *общаго* образа знакомаго, хозяина. И только въ этомъ смыслѣ можно понять утвержденіе Потембни о первоначальномъ значеніи слова. Но такой выводъ его имѣетъ все-таки чисто теоретическій характеръ: словарь въ примѣненіи къ опредѣленному кругу предметовъ или не могъ бы выйти изъ предѣловъ этого круга, или долженъ былъ бы немедленно обобщиться. Другими словами, если небольшое, ограниченное число людей привыкло связывать слова съ конкретными образами немногихъ опредѣленныхъ предметовъ (*этой* собаки, *этого* лука; дерева, рѣки и т. п.), то образъ *новаго* предмета изъ той же самой группы (не *эта* собака, а *вотъ та*, родившаяся, забредшая, убитая) долженъ, кажется, связаться съ новымъ

¹⁾ Разумѣется, не сознаніе полное, ясное, которое можетъ быть выражено только сужденіемъ, а не однимъ словомъ, но это и не рефлексивное восклицаніе.

словомъ? Теоретически говоря, да, но, въ дѣйствительности, этого, конечно, никогда не бывало: *Адамъ* означаетъ *человѣка* вообще, потому что Адамъ (принимая во вниманіе библейскую легенду о сотвореніи *человѣка*) Адамъ сначала былъ единственнымъ *человѣкомъ*, и новый *человѣкъ* мужчина, хотя и имѣлъ собственное наименованіе, былъ все же настолько сходенъ множествомъ общихъ признаковъ съ Адамомъ первымъ, что и онъ былъ Адамомъ (*человѣкомъ*). Такимъ образомъ, самое первоначальное обобщеніе, наличность котораго нельзя отрицать и у животного, и способностью котораго долженъ былъ обладать родоначальникъ *человѣчества*, даетъ не образъ только *этого* предмета, но общій образъ группы предметовъ. Поэтому, дальнѣйшіе выводы Потебни не представляются убѣдительными: „Другихъ предметовъ того же рода (продолжаетъ онъ послѣ приведенной выше фразы) для говорящаго въ это время еще не было, такъ что эти предметы не могли имѣть того же атрибута, а слово въ то время не могло означать рода. То, что возникло впоследствии, именно родовое значеніе слова, не можетъ быть приписано начальному мгновенію его жизни“. Вопреки этому мнѣнію, я полагаю въ согласіи съ изложеннымъ выше о психологіи образа, что слово должно было уже при возникновеніи языка означать безразлично и общій образъ, и индивидуальный конкретный образъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, что возникновеніе-то языка произошло не въ видѣ слова, а въ видѣ *рѣчи*, опредѣлившей значеніе слова, и что слово, какъ обозначеніе образа, не есть первичное назначеніе *рѣчи*. И тутъ я вполне согласенъ съ Потебней: первоначальная фраза-слово имѣла только конкретное значеніе, вызывалась не чувствомъ (и не познаніемъ) вообще, но именно *этимъ*, теперь возбужденнымъ чувствомъ. Отсюда уже выдѣлились первичныя слова, которыя были связаны съ конкретными образами. Анализъ языка дикарей обнаружилъ, что и эти конкретныя слова все-таки имѣютъ извѣстный общій характеръ: если *убить сегодня* и обозначается инымъ словомъ, нежели *убить вчера*, то все же въ этомъ узкомъ значеніи словъ заключается обобщеніе, такъ какъ *убить сегодня* можно различными орудіями и различныя объекты; даже если „*палкой убить сегодня зайца*“ будетъ передано однимъ словомъ, и здѣсь мы не выходимъ изъ предѣловъ обобщенія: вѣдь *рѣчь* идетъ о зайцѣ вообще и о палкѣ вообще. Вотъ почему о конкретности первоначальнаго слова можно говорить лишь въ томъ случаѣ, если слово будетъ понято, какъ эквивалентъ эмоціи, но не образа, потому что эмоція всегда вызвана конкретнымъ поводомъ, а образъ по самой своей природѣ всегда стремится къ обобщенію. „Чувственный тонъ, сопровождающій какое-нибудь интеллектуальное содержаніе“ (говоря словами Эббингауза „Основы психологіи“ II 121), является первоначальнымъ значеніемъ слова, а этотъ чувственный тонъ всегда связывается съ конкретнымъ поводомъ. „То, *изъ-за-чего* или *чему* мы раду-

емя, или *что* на насъ дѣйствуетъ непріятнымъ образомъ, будь то видъ чего-либо или какое-нибудь извѣстіе, или что-нибудь иное, всегда на лицо“ (Эббингаузь).

Потебня отмѣтилъ это обобщающее значеніе слова (въ дальнѣйшемъ его развитіи, когда слово стало означать уже не одинъ конкретный предметъ). Къ своему опредѣленію слова, какъ средства сознанія единаго чувственного образа, онъ прибавилъ, что „слово есть въ то же время и средство сознанія *общности* образа“ (Мысль и языкъ. 151). Здѣсь опять-таки, однако, знаменитый русскій лингвистъ не достаточно ясенъ.

„Въ словѣ, какъ представленіи единства и общности образа—говорить онъ (тамъ же 153),—какъ замѣнѣ случайныхъ и измѣнчивыхъ сочетаній, составляющихъ образъ, постояннымъ представленіемъ (которое, припомнимъ, въ первобытномъ словѣ не есть ни дѣйствіе, ни качество), человѣкъ впервые приходитъ къ сознанію бытія темнаго зерна предмета, къ знанію дѣйствительнаго предмета“. Что это за темное зерно предмета, какъ не понятіе о немъ? Изъ ссылки на В. Гумбольдта („Какъ безъ языка невозможно понятіе, такъ безъ него не было бы для души предмета, потому что и всякій внѣшній предметъ только посредствомъ понятія получаетъ для нея полную существенность“),—изъ этой ссылки видно, что рѣчь идетъ, дѣйствительно, о понятіи. Между тѣмъ Потебня присоединяетъ къ приведеннымъ словамъ Гумбольдта свое замѣчаніе: „Мы прибавимъ, что понятіе *развиваетъ* только то, что дано уже до него“. Что же дано, какое „темное зерно предмета?“ Но вѣдь безъ представленія единства и общности образа въ словѣ что же можетъ быть дано внѣ слова для познанія этого „зерна“? На эти вопросы Потебня, какъ мнѣ кажется, отвѣта не даетъ. Современная психологія отвѣтила бы на это, что „зерномъ“ предмета является смутный и бѣглый образъ его, въ которомъ выступаетъ то одинъ, то другой признакъ его. Во всякомъ случаѣ, Потебня отмѣтилъ самыя существенныя условія образованія значенія слова ¹⁾ и указалъ, что только въ словѣ формируются общность и единство образа. Оба эти положенія составляютъ твердыя психологическія основанія для семазіологін. И самъ Потебня разработалъ ихъ въ своихъ лекціяхъ по теоріи словесности, изданныхъ въ Харьковѣ въ 1905 году подъ названіемъ: „Изъ записокъ по теоріи и словесности“, подъ редакціей его извѣстнаго ученика, В. Харціева.

Именно, исходнымъ пунктомъ семазіологическаго ученія Потебни является положеніе: „Въ значеніи всегда заключено больше, чѣмъ въ

¹⁾ Ср. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. I—II (1888) та же мысль о значеніи *речи* для опредѣленія отдѣльнаго слова. „Когда я говорю: *сиджу за столомъ*, я не имѣю въ мысли совокупности раздѣльныхъ признаковъ *сидѣнья*, *стола*, пространственного отношенія *за* и пр.“. Ср. также „Изъ записокъ по теоріи словесности“, стр. 104, 6).

представленіи“. Слѣдовательно, продолжаетъ свою мысль этотъ ученый: „Слово служить лишь точкой опоры для мысли. По мѣрѣ примѣненія слова къ новымъ и новымъ случаямъ, это несоотвѣтствіе все увеличивается. Относительно широкое и глубокое значеніе слова (напр., *защита*) стремится оторваться отъ сравнительно ничтожнаго представленія (взятаго изъ слова *щитъ*), но въ этомъ стремленіи производить лишь новое слово. Добытая мыслью новыя точки прикрѣпленія усиливаютъ ея ростъ“. Когда по тѣмъ или инымъ причинамъ образъ соединяется со словомъ особенно ярко, то его внимательство въ мысль становится неотложнымъ. Отсюда опредѣленіе поэзіи, какъ „преобразование мысли посредствомъ конкретного образа, выраженного въ словѣ“. Въ своемъ толкованіи поэтическихъ произведеній Потебня широко пользуется этимъ положеніемъ. Полное примѣненіе оно находитъ и въ ученіи о развитіи значенія слова, которое покоится на образности слова. „Всякое искусство есть образное мышленіе, т. е. мышленіе при помощи образа. Образъ замѣняетъ множественное, сложное, трудно уловимое по отдаленности, неясности, чѣмъ то относительно единичнымъ и простымъ, близкимъ, опредѣленнымъ, нагляднымъ“. При этомъ Потебня устанавливаетъ три категоріи такихъ переходовъ значенія. Обозначая черезъ *x* новое (вновь обозначаемое) значеніе слова, а черезъ *A* прежнее, онъ указываетъ на три возможности: 1) Значеніе *A* вполне заключено въ *x* или, наоборотъ, *x* обнимаетъ въ себѣ все *A* безъ остатка; напр., *человѣкъ* (*A*) и *люди* (*x*). Представленіе такого *x* въ видѣ *A*, или наоборотъ, называютъ синекдохой (*Адриатическія волны* вм. *Адриатическое море*). „Этотъ принципъ перенесенія значенія слова играетъ большую роль въ образованіи языка: *кожанъ*, *ушанъ*, *пологъ*, санскрит. *дантин* (слонъ, зубастый, т. е. клыкастый) восходятъ къ этому принципу: „въ моментъ наименованія признакъ мыслится лишь въ предѣлахъ искомаго *x* и будетъ по отношенію къ нему частнымъ“. Сюда же вполне справедливо Потебня относитъ и поэтический эпитетъ, который „производитъ не устраненіе изъ мысли видовъ, не заключающихъ въ себѣ признака, имъ обозначеннаго, а замѣщеніе опредѣленнымъ образомъ одного изъ многихъ неопредѣленныхъ“.

Такъ, эпитетъ берется изъ новаго наблюденія надъ явленіемъ, не представляя этимологическаго родства съ опредѣляемымъ словомъ (*уединенныя поля*, *сумрачная дуброва*), или же эпитетъ согласуется съ представленіемъ (этимологическимъ значеніемъ) опредѣляемаго, напр., „крутой берегъ“ серб. „журо (желтое) злато“. Таковъ первый видъ перехода значеній. Перейдемъ ко второму. 2) „Понятіе *A* заключается въ *x* лишь отчасти; напр., птицы *x* и лѣсъ *A* въ *лѣсныя птицы*. Представленіе такого *x* въ видѣ *A* или наоборотъ, называется метониміа, переименованіе, замѣна имени другимъ: напр. *лѣсъ поетъ*“. Сюда относятся и такіа выраженія, какъ „*скривить носъ*“ (возгордиться), *скалить*

зубы (издѣваться), *приложить руку* (подписаться) и мн. др. Наконецъ, третій случай переноса значеній Потебня изображаетъ въ видѣ слѣдующей схемы: 3) „Понятіе *А* и *х* на первый взглядъ не совпадаютъ другъ съ другомъ ни въ одномъ признакъ, напротивъ исключаютъ другъ друга: на-примѣръ, *подошва обуви* и *часть горы*. Но психологически сочетанія *А* и *х* приводятся въ связь съ тѣмъ, что оба непосредственно или посредственно приводятъ на мысль третье сочетаніе *В*, или же оба производятъ сходныя чувства“. Это и есть метафора.

Разбирая выраженіе „капля жалости“ (Пушкинъ), Потебня полагаетъ, что въ основаніи этой метафоры лежитъ „прежде познанное, напр. *вода* и ея *капля*. Это прочное основаніе дальнѣйшаго познанія. Затѣмъ входитъ въ мысль *жалость* (чувство), и спрашивается, какъ понять, представить, назвать слабую степень этого чувства. Отвѣтъ *капля жалости* при позднѣйшемъ, чисто поэтическомъ пониманіи есть установленіе отношеній: *вода : капля = жалость : капля жалости*“. При лаконичности выраженій покойнаго изслѣдователя здѣсь многое остается неяснымъ: что именно „входитъ въ мысль“, чувство жалости или представленіе о жалости? И затѣмъ, что именно имѣлъ въ виду Потебня, говоря „понять, представить, назвать“? Вѣдь понять, представить и назвать оказываются различными актами сознанія: можно понять и ничего не представить, назвать и не представить и т. д.

И это вовсе не придирка къ словамъ: въ сочетаніи съ *жалость* слово *капля* можетъ и представлять образъ (жалость такъ мала, какъ капля), и не представлять его, если слово *капля* сдѣлалось просто синонимомъ очень малаго количества, очень слабой степени. Въ такомъ случаѣ *капля жалости* не связывается теперь (если нѣтъ сознательнаго намѣренія вызвать образъ) и не связывалось уже первоначально съ какимъ бы то ни было образомъ, а было лишь отвлеченнымъ указаніемъ на слабость жалости. Вѣроятно, весьма многія метафоры объясняются именно тѣмъ, что съ „переносомъ значенія“ не связывается уже никакого образа, послѣ того, какъ значеніе слова пріобрѣло широкое содержаніе. „*Тьмы низкихъ истинъ*“... говоритъ Пушкинъ. Связывается-ли онъ со словомъ *тьма* какой-нибудь образъ даже въ этомъ поэтическомъ языкѣ: напр., образъ мрака или (какъ въ греческомъ *νέφος*) образъ массы. Затѣмъ, при словѣ *низкихъ истинъ* встаетъ-ли въ его воображеніи образъ какихъ-нибудь *низкихъ* предметовъ? Я убѣжденъ, что на всѣ эти вопросы надо отвѣтить отрицательно: вмѣсто *тьмы низкихъ истинъ* Пушкинъ могъ бы сказать о *многихъ истинахъ, лишенныхъ эмоціональнаго характера*, и въ обоихъ этихъ случаяхъ образности не было бы одинаково никакой. Если же въ поэтическомъ языкѣ Пушкинъ употребилъ слово *низкій*, въ которомъ заключается кульминаціональный пунктъ поэтическаго вліянія этой фразы, то онъ сдѣлалъ это вовсе не потому, что со

словомъ *низкій* онъ связывалъ образъ, а потому что съ этимъ выраже-
ніемъ у насъ всѣхъ соединяется эмоціональный оттѣнокъ значенія. „Ка-
кія низости“, восклицаетъ Софья (въ „Горѣ отъ ума“), слушая признанія
Молчалина Лизѣ, и хотя она называетъ этого героя Фамусовскаго салона
ужаснымъ человѣкомъ, но и здѣсь передъ нами метафора: Молчалинъ
своей *низостью* внушаетъ Софьѣ не *ужасъ*, но презрѣніе. Такимъ обра-
зомъ, переносъ значенія совершается не всегда тѣмъ путемъ, какой былъ
указанъ Потебней. Конечно, метафора покоится на сравненіи, но въ
сравненіи оба сравниваемые образа могутъ сохранить свою живость (*по-
жосившаяся изба, согбенная старушка*, отсюда: *изба, какъ ста-
рушка*, стоитъ), тогда какъ въ метафорѣ одинъ изъ нихъ долженъ по-
блѣкнуть, чтобы вообще сталъ возможенъ переходъ значеній. „Татьяна
увядаетъ“. Здѣсь картина *увяданья* не можетъ представляться отчет-
ливо, потому что *увяданіе* распространяется прежде всего на раститель-
ность. Потомъ уже извѣстные признаки увяданія могутъ быть перенесены
и на иные предметы, обнаруживающіе процессъ постепеннаго ослабленія
жизнедѣятельности. Слово *увядать* такимъ образомъ получило болѣе
широкое значеніе, чѣмъ прежде. Но съ нѣкоторыми словами связываются
настолько конкретныя представленія, что метафорическое употребленіе ихъ
еще не могло повліять на расширеніе ихъ значеній. Таково, напр., слово
змѣя. Можно назвать человѣка *змѣей*, связывая съ этимъ словомъ эмо-
ціональный оттѣнокъ значенія, но не соединяя съ нимъ образа извиваю-
щагося и пресмыкающаго существа, но возможно соединять и таковой.
Однако „*змѣя* воспоминаній“ (у Пушкина), „его гложетъ *червякъ*“ и т.
п. остаются только метафорическими выраженіями, не внеся въ значенія
словъ *змѣя*, *червякъ* новаго содержанія. Вопреки мнѣнію Потебни, я
долженъ повторить сказанное уже выше, что метафора является „указа-
ніемъ на уже начавшійся процессъ отмиранія образности, соединявшейся
со словомъ.“¹⁾ И, благодаря этому, слова пріобрѣтаютъ новыя значенія.
Первоначальное же значеніе слова представляется Потебнѣ соединен-
нымъ съ образомъ. Принадлежащій къ школѣ покойнаго Харьковскаго
профессора, изслѣдователь теоріи и исторіи литературнаго творче-
ства, Д. Н. Овсянико-Куликовскій (имѣю въ виду здѣсь, помимо его
многочисленныхъ статей, очень цѣльный и сжатый очеркъ „Языкъ и
искусство“ 1895) пошелъ гораздо дальше своего учителя въ оцѣнкѣ зна-

¹⁾ Какъ выражается польскій изслѣдователь семасіологіи и критикъ
Вундта, проф. Розвадовскій, измѣненіе значенія основывается, въ общемъ,
на актѣ отождествленія воспріятій. Мы называемъ извѣстныя части мебели
или утвари *ножками* (напр. стула) или *ручками* (напр. чашки) потому, что
въ нашемъ воспріятіи онѣ представляются тождественными соотвѣтствующимъ
частямъ тѣла живыхъ существъ. Ср. подробнѣе объ этомъ I. V.
Rozwadowski. Wortbildung und Wortbedeutung. 1904, стр. 23 и дал.

ченія образности въ словѣ. Потебня утверждалъ со своимъ обычнымъ лаконизмомъ, что „слово и образъ есть духовная половина дѣла, его сущность“ (тамъ же 490); Овсянико-Куликовскій, указывая на *пассивное* мельканіе звуковой стороны слова въ сознаниі, прибавляетъ: „Въ словахъ съ внутреннею формою *образъ*, конечно, играетъ извѣстную роль въ сознаниі, но о немъ приходится сказать то самое, что было сказано о звуковой формѣ. Образъ занимаетъ въ большинствѣ случаевъ очень мало мѣста въ сознаниі, часто лишь мелькаетъ, едва затрагивая его, нерѣдко совсѣмъ не создается“. Онъ же справедливо настаиваетъ на легко забывающейся въ теоретическихъ разсужденіяхъ истинѣ, что противопоставлять значеніе слова самому слову невозможно: „Значеніе безъ слова есть такая же психологическая невозможность, какъ слово безъ значенія“. Мнѣ кажется, что это замѣчаніе можно передать и въ другой формѣ: всякое слово, употребляющееся въ связи съ другими, имѣетъ лишь *одно* значеніе, то самое, въ которомъ оно употреблено. Какъ ни проста эта истина, съ ней связывается другая, которая можетъ быть выражена такъ: когда мы употребляемъ слово въ рѣчи, мы соединяемъ съ нимъ лишь одно значеніе, а всѣ другія его значенія въ нашемъ сознаниі отсутствуютъ. Такъ, говоря о *подошвѣ горы*, мы понимаемъ, что здѣсь подошва не означаетъ ничего иного, кромѣ предгорья, и мы такъ привыкли къ этому выраженію, что при употребленіи его въ наше сознаниі не врываються никакіе образы, ассоціативно связанныя съ другими менѣе ходячими метафорами. Но въ первобытномъ языкѣ Д. Н. Овсянико-Куликовскій, какъ А. А. Потебня признаетъ необходимой связь слова съ образомъ. „Его (это первичное слово) уже никакъ нельзя принять за простой знакъ понятія: оно, скорѣе, картина, умственный рисунокъ *понятія*, маленькое повѣствованіе о немъ. Оно именно—художественное произведеніе“. Если слово есть рисунокъ понятія, то понятіе должно предшествовать своему изображенію, рисунку, ибо нельзя себѣ представить, чтобы понятіе создавалось въ рисункѣ: вѣдь понятіе само по себѣ есть нѣчто отвлеченное. Вышеизложенный генезисъ понятія указываетъ, что безъ слова понятіе не можетъ образоваться. Такъ что можетъ ли быть слово изображеніемъ, рисункомъ того, что само по себѣ есть только слово? Скорѣе, напротивъ, „умственный рисунокъ понятія“ долженъ представлять собой тотъ образъ, который намѣренно или ненамѣренно мы вызываемъ въ своемъ воображеніи при употребленіи извѣстнаго слова, но не самое слово, которое не есть *рисунокъ*.

Какъ мы видимъ, школа Потебни исходитъ изъ предположенія первоначальной связи *образа со словомъ*. Потомъ образъ утрачивается, не всплываетъ въ сознаниі говорящаго лица. Есть однако способъ возстановить его; этотъ способъ заключается въ различныхъ поэтическихъ выраженіяхъ, благодаря которымъ слово становится „художественнымъ произведеніемъ“. Повидимому, болѣе или менѣе такъ же представляетъ себѣ

вопросъ о значеніи словъ Н. Крушевскій („Очеркъ науки о языкѣ“ 1883, стр. 132).

„Всякая вещь получаетъ свое названіе по одному какому-нибудь признаку“, утверждаетъ онъ, какъ бы забывая то, что было сказано нѣсколькими страницами раньше: „само собою разумѣется, что мы здѣсь ничего не можемъ сказать о первоначальномъ происхожденіи словъ“. Такой ригоризмъ автора едва ли вызывался и тогдашнимъ состояніемъ науки о языкѣ; я думаю, что теперь мы можемъ отъ него съ нѣкоторымъ правомъ отказаться.—Въ изложеніи Крушевскаго, впрочемъ, не совсѣмъ ясно, имѣетъ ли онъ въ виду, говоря о называніи предмета по одному его признаку, первоначальное образное значеніе слова. Примѣръ, который онъ приводитъ, позволялъ бы сдѣлать иное заключеніе. Именно, Крушевскій анализируетъ этимологическое происхожденіе слова *весло*, которое происходитъ отъ корня *вез* (везу). „Что сдѣлать бы тотъ, кому неизвѣстно слово *весло*? Онъ, вѣроятно, сказалъ бы: вещь, сдѣланная изъ дерева, длинная, одна половина тонкая и круглая, другая—пошире, плоская, служить для плаванія. Мы *выбираемъ* послѣднее качество, *кажущееся* намъ въ данное время *болѣе важнымъ*, беремъ уже существующее слово, обозначающее что-нибудь родственное этому качеству, и изъ него *дѣлаемъ* названіе нашему предмету. Такимъ образомъ, названіе предмета первоначально есть *часть его описанія*, служащая субститутотъ всего описанія“. Какъ видимъ, процессъ *дѣланія* словъ представленъ здѣсь Крушевскимъ въ формахъ, просто немыслимыхъ не только для первобытнаго, но и просто для всякаго естественнаго языка: *берется* (къмъ?) признакъ предмета, который кажется особенно важнымъ; для этого признака уже имѣется коренное обозначеніе, и уже къ этому послѣднему присоединяется суффиксъ: въ результатѣ получается новое слово. Какой же признакъ *берется* для составленія слова *весло*? Оказывается, что не форма предмета, которая можетъ вызвать въ сознаніи образъ вещи, но нѣчто столь отвлеченное, какъ назначеніе предмета: мы создаемъ, что съ помощью *весла* можно *везти* лодку, и дѣлаемъ слово *весло* (*вез-сло*). Однако, всякому непредубѣжденному человѣку ясно, что, скорѣе, словомъ *весло* можно было назвать лодку, какъ средство перевозки, или лошадь, которая везетъ, или повозку (греч. *ἔχος*—повозка). Элементъ психологическій оставленъ Крушевскимъ въ сторонѣ, и хотя онъ утверждаетъ, что слова обязаны своимъ значеніемъ ассоціаціямъ смежности¹⁾, но въ этой области молодымъ изслѣдователемъ было лишь кое-что намѣчено, и въ ясность не приведено: вѣдь „неразрывность“ слова съ образомъ нѣчто совершенно неприемлемое.

¹⁾ „Слово соединяется въ такую неразрывную пару съ представленіемъ о вещи, что становится собственнымъ и полнымъ ея знакомъ“ (стр. 129): слѣдовательно, образъ вещи соединенъ *неразрывно* со словомъ?

Всецѣло на психологическихъ основахъ развиваетъ свое ученіе о развитіи значеній слова Вундтъ („Die Sprache“. II, глава VIII.) Поэтому я нахожу полезнымъ болѣе обстоятельно изложить взгляды Вундта. Этотъ послѣдній совершенно справедливо указываетъ на то, что въ сравненія языка съ живымъ организмомъ и измѣненій въ языковой области съ ростомъ, жизнью и упадкомъ организма остаются, по существу своему, неправильными и неубѣдительными: „Языкъ самъ не создается, но творится говорящимъ на немъ человѣкомъ. Это *функція* или, вѣрнѣе, совокупность *функцій*, на которую только человѣкъ, создающій ее, переноситъ свою организующую дѣятельность“. Между звуковымъ составомъ слова и его значеніемъ ближайшаго отношенія нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуковыя измѣненія являются первопричиной того, что возникаетъ измѣненіе значеній. „Если слово *A* распадается въ звуковомъ отношеніи на *два* слова *A* и *B* или (даже, при исчезновеніи первоначальнаго слова) на *B* и *C*, и если мы опредѣлимъ соотвѣтствующія этимъ словамъ значенія черезъ α , β и γ , то распадъ (die Spaltung) *понятій* α , β и γ является всегда процессомъ, сопровождающимъ распадъ звукового состава слова на *A*, *B* и *C*. Это, конечно, не предполагаетъ того, чтобы понятія β и γ не существовали передъ наступленіемъ этого распада значеній. Напротивъ, ассоціація обособленныхъ значеній α , β , γ съ звуковыми образованіями *A*, *B*, *C* можетъ наступить повсюду уже послѣ того, какъ самыя понятія α , β , γ раздѣлились. Поэтому, новому порядку вещей, производящему параллельный ходъ измѣненія звуковъ и значеній, должна предшествовать дифференціація понятія и звукового состава словъ. Это подтверждается многочисленными историческими наблюденіями, обнаруживающими, что постоянное соотвѣтствіе звуковъ значенію подготавливается *неопредѣленнымъ* или *колеблющимся* употребленіемъ словъ“. Вундтъ подтверждаетъ это умозаключеніе нѣсколькими примѣрами изъ романскихъ и германскихъ языковъ: франц. *chose* происходитъ изъ лат. *causa*, но утратило свое значеніе *причина*, для котораго позже вошло въ употребленіе слово *cause*; подобно этому, изъ *fragilis* образовались *frêle* (хрупкій, слабый) и *fragile* (ломкій) и т. д. Подобно этому, въ русскомъ языкѣ разное значеніе имѣютъ слова *оградить* (интересы, жизнь) и *огородить* (заборомъ садъ), *чужой* и *чуждый*, *невѣжа* и *невѣжда*, *розница* (продавать въ *розницу*) и *разница* и мн. др. Оставляя въ сторонѣ такія измѣненія значенія, которыя сопровождаются перемѣной и въ звуковомъ составѣ словъ, Вундтъ подробно останавливается на перемѣнахъ, обуславливаемыхъ первоначальными признаками понятій. Здѣсь слѣдуетъ различать два основныя случая: *частичное* и *полное* измѣненіе значеній. Въ первомъ случаѣ слово, получая новое значеніе, сохраняетъ и старое, во второмъ же оно утрачиваетъ это послѣднее. При этомъ наблюдается или постепенное

расширеніе значенія, приводящее къ образованію новаго значенія, или мгновенный процессъ замѣны одного значенія слова другимъ, *переносъ* его, о которомъ уже была рѣчь выше, при анализѣ взглядовъ А. А. Потебни на метафору.

Этотъ послѣдній случай сводится къ *изобрѣтенію* новаго слова, или новаго значенія слова, изобрѣтенію, производимому отдѣльными лицами и передающемуся, какъ всѣ изобрѣтенія, путемъ заимствованія его изобрѣтенія другими людьми. Вундтъ приводитъ слово „Меркурій“, сдѣлавшееся названіемъ планеты и ртути. Къ созданію этого значенія слова привела такая специальная ассоціація, что слѣдуетъ предположить наличность какого-нибудь отдѣльнаго изобрѣтателя этого слова, астролога, примѣнившего названіе бога Меркурія къ самой быстрой изъ планетъ. Латинское слово *moneta* сдѣлалось обозначеніемъ монетнаго двора (у римлянъ) потому, что около перваго такого двора находился храмъ *Iuno Moneta*, „такъ что отношеніе двухъ представленій было понятно каждому жителю Рима. Но, такъ какъ между самыми предметами (оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ихъ соотвѣствіи) не существуетъ ни малѣйшей связи, то и это наименованіе монетнаго двора остается произвольнымъ и должно быть, съ точки зрѣнія психологической вѣроятности, сведено точно также къ изобрѣтенію отдѣльнаго лица“. Другой характеръ имѣетъ правильное, постепенное развитіе значеній: латинское *pecunia* получило значеніе денегъ потому, что скоть (*pecunia*) представлялъ первоначальную денежную единицу чуть не во всемъ мірѣ, какъ представляетъ ее и до нынѣ въ скотоводческихъ областяхъ. Если бы слово *замокъ* въ значеніи *русской* помѣщичьей усадьбы вошло въ употребленіе на основаніи пушкинскаго стиха: „Старинный *замокъ* былъ построенъ, какъ *замки* строиться должны“ (объ усадьбѣ Лариныхъ), мы имѣли бы примѣръ мгновеннаго возникновенія новаго значенія въ словѣ *замокъ*, которое было бы обязано своимъ происхожденіемъ поэтической изобрѣтательности Пушкина. Русское *скотъ* въ значеніи совокупности извѣстнаго рода домашнихъ животныхъ представляетъ заимствованіе изъ германскаго *skat* — (др.-в.-нѣм. *skaz*, англ.-сакс. *scat*, др.-сѣв. *skattr*) въ значеніи богатства, имущества, денежной единицы, денежнаго обложенія и т. д. Древне-рус. *скотница* (сокровищница) еще близко по своему значенію къ современному нѣмецкому *Schatz*. Но уже на русской почвѣ произошло постепенное развитіе значенія отъ *богатства* вообще (*скотъ*) къ богатству специальному, къ обладанію скотомъ. Процессъ развитія значенія, обратный тому, который привелъ *pecunia* (при *pecus*) къ значенію *деньги*. Такія ходячія слова, конечно, всегда обладаютъ особенной способностью къ развитію новыхъ значеній въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи. Вундтъ настаиваетъ на томъ, что развитіе значеній обусловлено строгой законностью. Это особенно замѣтно въ случаяхъ постепенныхъ измѣненій значенія, но то же самое должно происходить и

въ случаяхъ произвольнаго измѣненія, такъ какъ мотивы этого послѣд-
няго должны быть ограничены опредѣленными ассоціаціями. Не всегда
эти послѣднія ясны, и въ ихъ толкованіи, конечно, возможенъ большой
произволъ. Самъ Вундтъ далеко не свободенъ отъ субъективизма, заявляя,
будто бы *Rabe* напоминаетъ крикъ ворона, а *Rappe* (вороной конь) то-
потъ конскихъ копытъ. Во всякомъ случаѣ, закономѣрность въ развитіи
значеній слова должна быть признана, разъ, вообще, человѣческое мыш-
леніе совершается въ порядкѣ закономѣрности. Допуская трудность истол-
кованія ея въ извѣстныхъ случаяхъ („во многихъ случаяхъ оно бываетъ
затруднительно вслѣдствіе конкуренціи многообразныхъ причинъ различ-
наго происхожденія“ II, 437), Вундтъ сводитъ возможные методы объяс-
ненія различныхъ значеній (*Erklärungsgründe für den Bedeutungswandel*)
къ слѣдующимъ: историческая интерпретація (*cohors*—изгородь для отдѣ-
ленія скота на дворѣ, отдѣленіе войска, военная свита императора: всѣ
эти значенія развились въ разныя эпохи Рима, и изъ послѣдняго значенія
возникло романское *corte, cour* уже въ смыслѣ *двора* государя; нѣчто
въ томъ же родѣ представляетъ и у насъ развитіе сословнаго названія
дворянинъ), логическая классификація (расширеніе значеній или суженіе
ихъ, основанное, вѣроятно, въ концѣ концовъ на томъ образномъ суб-
стратѣ, который связывается со словами, и на вышерассмотрѣнномъ ка-
зуальномъ—случайномъ и узуальномъ обычномъ употребленіи словъ). Эти
категоріи въ развитіи значеній слова были уже отмѣчены мною выше, но
такъ какъ на нихъ-то и зиждется, по преимуществу, все словарное раз-
витіе языка и къ нимъ, въ концѣ концовъ, сводятся и остальные кате-
горіи значеній, то на этомъ вопросѣ будетъ полезно остановиться подроб-
нѣе. Бреаль ¹⁾ указываетъ на нѣсколько типическихъ случаевъ суженія
значеній. Латин. *tegmen* (отъ *tegere*, покрывать, съ суффиксомъ *men*, со-
отвѣтствующимъ русскому—*мя* въ *зна-мя* и т. д.) означало крышу дома,
но также покровъ, который представляетъ развѣсистое дерево, и всякаго
рода покровъ, оболочку. Отъ того же корня происходило слово *tectum*,
которое означало потолокъ комнаты, балдахинъ надъ постелью, сводъ под-
вала, крышу дома, и только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно перешло
во французскій языкъ, образовавъ здѣсь слово *toit* (крыша). Это несоот-
вѣтствіе слова вещи (*la disproportion entre le nom et la chose*) объясня-
ется, по мнѣнію Бреаля, тѣмъ обстоятельствомъ, что наши слова проис-
ходятъ отъ глагольныхъ корней, соединяемыхъ съ суффиксами. „А между
тѣмъ глаголь, по самому своему существу, обладаетъ общимъ значеніемъ,
такъ какъ означаетъ дѣйствіе, взятое само по себѣ, безъ всякаго другого
ограниченія какого бы то ни было рода“. Такимъ образомъ, причина пе-
рехода значеній въ направленіи ихъ суженія должна быть чисто языко-

¹⁾ M. Bréal. Essai de Sémantique. 3 éd. 1904, гл. X и XI.

вой. „Сочетая глаголь съ суффиксомъ, отлично можно связать глагольную идею съ дѣйствующимъ существомъ, или съ предметомъ, который подвергается дѣйствию, или съ предметомъ, который является продуктомъ или орудіемъ дѣйствія, но, такъ какъ это дѣйствіе сохраняетъ свое общее значеніе, то имя существительное или прилагательное, такъ образованныя, точно также будутъ обладать общимъ значеніемъ. Нужно будетъ, чтобы самое употребленіе ограничило его“. Противъ такого предположенія французскаго ученаго можно выставить, прежде всего, то возраженіе, что ограничивающимъ глагольное значеніе признакомъ является суффиксъ: суффиксъ дѣятельности—*тель* не позволить слову *скятель* получить значеніе слова *стѣмя* и обратно¹⁾. Но, помимо этого, надо выдвинуть не отмѣченный Бреалемъ моментъ психологическій: слово *покровъ* пріобрѣтаетъ болѣе широкое значеніе потому, что съ нимъ связывается общее представленіе о покровѣ, къ которому восходятъ частныя представленія о крышѣ дома или пріютѣ подъ деревомъ и т. п. И хотя бы французское выраженіе: „dire une chose sur les toits“ (разбалтывать вездѣ) показываетъ, что отсутствіе суффикса и глагольнаго корня въ этомъ словѣ въ его современной формѣ нисколько не посодѣйствовало сохраненію его узкаго значенія, тогда какъ выраженіе *toit à cochon* имѣетъ опять-таки еще болѣе узкое значеніе *свиного хлѣва*. Такимъ образомъ, и на томъ примѣрѣ, который приводитъ Бреаль, исходя изъ предположенія о первоначальности глагольныхъ корней, не подтверждается вышеизложенный взглядъ его. Глагольный корень здѣсь ровно не при чемъ, такъ какъ специализація значенія происходитъ и въ такихъ словахъ, которыя не произведены отъ глаголовъ. Самъ Бреаль даетъ примѣры этого: латин. *linteolum* (кусокъ матеріи), отсюда франц. *linceul*, которое еще въ 17 вѣкѣ означало то же самое, но теперь означаетъ только матерію, въ которую завертываютъ покойника; *drapreau*, уменьшительное отъ *drap*, означало раньше куски матеріи, въ которые пеленали ребенка, теперь въ военномъ языкѣ это слово получило специальное значеніе знамени. Въ новогреческомъ языкѣ слово *ἄλογον* употребляется въ примѣненіи къ лошади, хотя имѣетъ весьма широкое значеніе безсловеснаго существа: слово *πειράτης* отъ *πειράω* (предпринимать, пробовать) означало прежде всего предпринимателя, потомъ человѣка, который занимается особыми предпріятіями на морѣ, т. е. пиратствомъ. Въ датскомъ языкѣ слово *orlog* означало первоначально, вообще, военныя дѣйствія, безразлично на сушѣ и на морѣ, но подъ вліяніемъ выраженій *orlogsskib* (военный корабль), *orlogsfleete* (военный флотъ) значеніе этого слова приняло ограничительный характеръ только морской войны (*Nyrop. Das Leben der Wörter.* 81). Еще Квинтилиана поражало, что изъ всѣхъ „созданій земли“ (*humus*)

¹⁾ Въ языкахъ дикарей, какъ мы видѣли, съ помощью суффиксовъ глаголь получаетъ весьма узкія значенія (бить сегодня, сейчасъ, намѣренно и т. д.).

только къ одному изъ нихъ, человѣку (homo), было примѣнено родственное этимологическое названіе: „какъ будто бы не всѣ животныя имѣютъ то же самое происхожденіе?“ Сообразно съ мѣстными условіями и индивидуальными особенностями группы людей, въ связи съ нравами и модами слово съ общимъ значеніемъ постоянно стремится пріобрѣсти болѣе специальное примѣненіе. Такъ, слово *прохожіи* въ Сибири означаетъ специально *бѣглаго каторжника* ¹⁾. Выраженіе (сибирское): „въ рѣвѣ звѣри ужасть злы“ подразумѣваетъ особое значеніе слова *ревѣ*: это августъ мѣсяцъ, „время половыхъ отношеній копытчатыхъ звѣрей“. Интересна эволюція древне-русскаго слова *сѣброя* (вооруженіе, ср. польское *zbroja* въ томъ же значеніи). Это слово имѣло довольно широкое значеніе *доспѣховъ*, но въ примѣненіи къ быту мирному пріобрѣло новыя значенія: общерус. *збруя* (на лошади), уральское *сбруя* (рыболовныя снасти). Любой діалектический словарь представляетъ сколько угодно примѣровъ подобнаго суженія значенія слова.

Противоположный процессъ—расширеніе значенія словъ. Бреаль полагаетъ, что это „результатъ историческихъ явленій“, тогда какъ суженіе значенія оказывается возвращеніемъ къ самымъ основаніямъ языка. Уже приведенныя выше данныя показываютъ, до какой степени противорѣчатъ фактамъ оба толкованія Бреаля: именно, историческія отношенія превратили греческаго „предпринимателя“ въ пирата и русскаго прохожаго въ бѣглаго каторжника. И никакого возвращенія къ первоначальнымъ основамъ языка (*les conditions fondamentales du langage*) здѣсь нѣтъ. Напротивъ, причиной обоихъ процессовъ, какъ расширенія, такъ и суженія значеній слова, служитъ одинъ и тотъ же фактъ, прекрасно выраженный современнымъ французскимъ философомъ Бергсономъ: „живая мысль несоизмѣрима съ языкомъ“ ²⁾. Бреаль приводитъ слѣдующіе примѣры расширенія значеній: франц. *gain*—заработокъ восходитъ къ старофранцузскимъ *gagner* (*gaagnier*)—пасти, *gagnage*—пастбище, *gaigner*—воздѣлыватель, *gain* (*gaïn*) сборъ, урожай. Такимъ образомъ, заработокъ отъ скотоводства и земледѣлства обобщался съ измѣненіемъ культурныхъ условий жизни въ заработокъ вообще. Латин. *tempus* (время) происходитъ отъ того же корня, что и лат. *tepor* (температура, жаръ). Сначала это слово опредѣляло извѣстное время года или дня, потомъ его значеніе обобщилось и стало указывать на продолжительность во времени, получивъ отвлеченное значеніе. Французское выраженіе *être accablé d'un malheur* (быть потрясеннымъ горемъ) восходитъ къ латинскому *cadabalum*, означающему извѣстное осадное орудіе, греч. *καταβολή*. Изъ *cadabalum* возникло старо-

¹⁾ Этотъ и нѣкоторые другіе примѣры заимствованы мною изъ „Дополненія къ опыту областного великорусскаго словаря“ (1858) и изъ другихъ діалектическихъ словарей русскаго языка.

²⁾ R. Gillouin. La philosophie de M. Henri Bergson. ³ 1911, стр. 66.

французское *saable*, отсюда глаголъ *accabler*. Любопытный примѣръ расширенія значенія, который обнаруживаетъ не постепенный процессъ расширенія, распространенія его, но обязанный вліянію отдѣльныхъ людей процессъ мгновеннаго, произвольнаго перенесенія, представляетъ приведенный Нюропомъ случай. Франц. *grève* означаетъ песчаный берегъ, рѣчное побережье и забастовку рабочихъ, стрейкъ. Какими путями шло распространеніе перваго значенія, чтобы стало возможно второе? До конца 18 вѣка этимъ словомъ въ Парижѣ называли площадь городской думы, которая спускалась къ Сенѣ и первоначально представляла песчаную поверхность. На этой площади кипѣла живая суета: здѣсь происходили казни, сюда собирались ищущіе заработка; *faire Grève* стало означать бродить по площади *Place de Grève* въ поискахъ работы, а потомъ *Grève* обобщилось, превратилось въ *grève* съ маленькой буквой, уже въ значеніи безработицы вообще. Съ развитіемъ рабочаго движенія *grève* получило изъ этого широкаго примѣненія болѣе узкое, безработицы влѣдствіе стачки, такъ что возникли не только выраженія *déclarer une grève, se mettre en grève*, но и новообразование *gréviste*. Слово *столъ* имѣло сначала узкое значеніе настилки (*стелю-столъ*), потомъ возвышенія на ножкахъ (*престолъ*, др.-рус. *столъ* въ смыслѣ трона). Отсюда *столъ* получилъ дальнѣйшее распространенное значеніе, которое стало развиваться въ двухъ направленіяхъ: *столъ*, какъ *престолъ*, символъ власти, сталъ означать самую власть (въ древне-русскомъ языкѣ), тогда какъ *столъ* въ смыслѣ обѣденнаго стола сдѣлало возможнымъ употребленіе такихъ выраженій, какъ *холодный столъ, вегетаріанскій столъ* и т. п. Латин. *captivus* (плѣнникъ) положило начало спеціальнымъ значеніямъ французскаго *chétif* и итальянскаго *cattivo*. Первоначально оба эти слова получили значеніе „несчастный“, такъ какъ участь плѣнныхъ въ Средніе вѣка была очень тяжела, а потомъ во французскомъ языкѣ отсюда развилось значеніе *жалкій, слабый*, а въ итальянскомъ, съ презрительнымъ оттѣнкомъ и съ перенесеніемъ въ область моральныхъ отношеній, вообще *жалкій, дурной, скверный*. Въ Сибири, гдѣ среди языческихъ инородцевъ русскіе были единственными представителями христіанской церкви, естественнымъ образомъ произошло распространеніе значенія *русскій* въ смыслѣ *христіанскій* („что ты въ *русскіе* не окрестился“). Подобныхъ примѣровъ масса. Въ жизни слово обозначаетъ именно то, что мы хотимъ обозначить имъ, и именно этимъ вліяніемъ отдѣльныхъ людей, создающихъ значеніе слова, объясняется распространеніе новыхъ значеній ходячихъ словъ. Такова „логическая классификація“ Вундта.

Обратимся къ его дальнѣйшему ученію о развитіи значеній. Подъ рубрикой „оцѣнки“ (*Werthbeurtheilung*) мы находимъ, въ сущности, тѣ же данныя о расширеніи и суженіи значенія, какія были приведены выше, лишь съ той разницей, что здѣсь дѣйствующими мотивами въ измѣненіи

значеній явились „этическія силы“. Такимъ образомъ, въ этой области, какъ утверждаетъ Вундтъ, „многія явленія допускаютъ подчиненіе (untergeordnet lassen) точкѣ зрѣнія повышенія или пониженія цѣнности словъ“ (II. 445). Какъ-то странно говорить, однако, о цѣнности словъ, точно самыя слова заключаютъ въ себѣ нѣчто цѣнное. Слѣдуетъ подразумѣвать, скорѣе, эмоціональные оттѣнки, связуемые съ извѣстными значеніями, о чемъ уже была рѣчь выше. Если изъ *cohors* (часть загородки для скота) образуется франц. *la cour* (царскій дворъ), изъ *minister* (служитель) *министръ* (сановникъ) и т. д., то въ этомъ случаѣ расширеніе значенія слова привело къ тому, что слова стали обозначать „болѣе важныя“ вещи, но, по существу, это совершенно такое же явленіе, какъ превращеніе нѣм. *List* изъ мудрости въ лукавство и нѣм. *Elend* изъ эмигранта въ несчастнаго человѣка. Создавать изъ этой группы переходовъ значенія особую категорію представляется рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ. Точно также только излишнее стремленіе къ систематизаціи заставляеть Вундта выдѣлять („наряду съ исторической, логической и нравственной оцѣнкой“) еще телеологическій мотивъ переходовъ значеній¹⁾. Этотъ мотивъ предполагаетъ намѣренное, цѣлесообразное измѣненіе значенія, совершенное въ цѣляхъ ясности, удобства, отчетливости. Впрочемъ, и самъ Вундтъ относится нѣсколько скептически къ возможности установить подобное подраздѣленіе. Наконецъ, какъ нѣчто, покрывающее все остальное, предполагается еще „психологическая интерпретація“, о которой Вундтъ (II. 454) даетъ слѣдующее толкованіе, доказывающее, въ сущности, ея обобщающій характеръ, дѣлающій ненужными всѣ предшествующія подраздѣленія. „Каковы психическія явленія, лежащія въ основаніи измѣненія значенія, это можно выяснитъ, разумѣется, только на основаніи изслѣдованія отдѣльных явленій. Въ этомъ смыслѣ психологическая интерпретація, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, которая уже заранѣе прилагаетъ къ вещамъ логическій, этическій или телеологическій масштабы, обречена на тщательный анализъ отдѣльных явленій. Какъ бы то ни было, если здѣсь и возможно воспользоваться обычнымъ психологическимъ опытомъ, то все же нельзя забывать, что психологія языка есть не только одна изъ областей примѣненія психологіи, но что и она сама служитъ главнымъ источникомъ общихъ психологическихъ свѣдѣній. Соответственно этой двойной цѣли, для психологической интерпретаціи можно намѣтити двѣ цѣли: первая, болѣе общая, будетъ заключаться въ разъясненіи того, какъ вообще возникаютъ и далѣе развиваются понятія вслѣдствіе прогрессирующаго измѣненія значеній, и въ выведеніи изъ общаго процесса измѣненія зна-

¹⁾ Чтобы не нарушать планомѣрности настоящаго изслѣдованія, я не углубляюсь въ семасіологию болѣе подробно и минуя критику взглядовъ Вундта, сдѣланную Зюттерлиномъ, Дельбрюкомъ, Розвадовскимъ и на русскомъ языкѣ проф. Кудрявскимъ.

ченій *законовъ развитія понятій* ¹⁾. Вторая, болѣе спеціальная задача, относится къ *психическимъ процессамъ*, которые лежатъ въ основаніи отдѣльныхъ явленій перехода значеній“.

Къ этому надо присоединить то, что Бреаль называетъ „полисеміей“. Это явленіе заключается въ образованіи новаго значенія слова при сохраненіи стараго. Такъ, слово *корень* получило въ прогрессивномъ ходѣ человѣческой культуры особое значеніе въ математикѣ и языкознаніи. Это значенія метафорическія, но чужды поэтическаго характера, хотя, несомнѣнно, при возникновеніи ихъ потребовался извѣстный поэтический процессъ: какъ растение происходитъ отъ корня, такъ казалось, и слово *происходитъ отъ корня*, хотя съ этими выраженіями мы теперь не связываемъ ровно никакихъ образовъ, а съ *корнями* алгебраическими, навѣрное, и никогда не связывалось никакихъ другихъ образовъ, кромѣ графическихъ представленій объ извѣстномъ математическомъ изображеніи корня. Многочисленность разнородныхъ значеній, связанныхъ съ однимъ словомъ, но соединенныхъ другъ съ другомъ уже неувимыми теперь ассоціаціями, является продуктомъ долгаго культурнаго развитія языка. Въ сущности же, это разновидность тѣхъ психологическихъ переходовъ значенія, о которыхъ уже была рѣчь выше. Здѣсь въ основѣ развитія значеній должно быть положено сужденіе, въ которое входило слово, но не образъ, который съ нимъ могъ связываться.

Такимъ образомъ, послѣ анализа развитія новыхъ значеній слова вернемся къ основному вопросу о первоначальныхъ значеніяхъ. Здѣсь нашему разсмотрѣнію подлежитъ вопросъ: каковы были первичныя значенія словъ. Вундтъ выступаетъ противникомъ того взгляда, что первоначальные корни словъ имѣли глагольное значеніе, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ. „Такъ какъ число такихъ корней—говорить онъ—весьма незначительно по сравненію съ множествомъ словъ, которыми обладаетъ языкъ, то отсюда само собой вытекаетъ, что значенія, приписываемыя корнямъ, должны быть очень общаго и неопредѣленнаго характера, и что они въ большинствѣ случаевъ соответствуютъ глагольнымъ понятіямъ. Такимъ образомъ, предметы назывались первоначально по общимъ свойствамъ или по дѣятельностямъ, которыя при нихъ воспринимались (an ihnen wahrgenommen wurden): небо, какъ „сводъ“, земля (Erde), какъ вспаханная и т. д. Изъ такого пониманія вытекаютъ два слѣдствія для ученія о развитіи значеній. Во-первыхъ, согласно этому взгляду, уже первоначальное называніе вещей своими именами основывалось собственно на переходѣ значенія, такъ какъ названія свойствъ и дѣйствій оказывались переносимыми на конкретные предметы, вмѣстѣ съ которыми они воспринимались. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи формъ по-

¹⁾ Ср. въ связи съ этимъ то, что было изложено выше по поводу психологической теоріи понятій.

нѣтъ (Begriffsformen) въ духѣ этой теоріи долженъ былъ бы получить такое толкованіе, что образованіе понятій о свойствахъ и состояніяхъ должно было предшествовать образованію понятій о предметахъ. Во вторыхъ (второе слѣдствіе изъ вышеннеложенной теоріи), процессъ первоначальнаго называнія представляетъ подведеніе предмета подъ общее понятіе, т. е., иначе говоря, ограниченіе значенія“. Невозможность этой теоріи, которая весьма долго господствовала въ языкѣ и была развита между прочимъ, А. А. Потебней,—невозможность этой теоріи оказывается, по мнѣнію Вундта, тѣмъ болѣе очевидной, чѣмъ старше и первоначальнѣе понятія, къ которымъ она примѣняется. Анализъ этимологическаго происхожденія первоначальныхъ индоевропейскихъ названій родства представляетъ въ этомъ отношеніи весьма яркій примѣръ. *Pater* должно восходить къ глагольному корню *pa* (охранять), *мать* къ *ma* (измѣрять), *дщерь* къ *dhugh* (доить) и т. д. „Не говоря уже о психологической невозможности предположенія, что понятія *охранять*, *раздавать*, *доить*, даже метафоры *нести* въ смыслѣ *сохранять* предшествуютъ возникновенію простыхъ обозначеній лицъ, постоянно окружающихъ человѣка, не говоря уже объ этомъ, слѣдуетъ отмѣтить, какое пониманіе историческаго развитія заключаетъ въ себѣ уже одно предположеніе о томъ, что опредѣленная организація семьи съ распредѣленіемъ домашнихъ работъ и съ установленнымъ порядкомъ наслѣдованія существовала еще ранѣе того, чѣмъ получили свои названія лица, которымъ эта организація указывала ихъ мѣсто въ семьѣ“. Противъ этого убійственнаго для теоріи первоначальныхъ глагольных значеній анализа можно было бы возразить, что индоевропейскія названія явились лишь болѣе поздними образованіями, которымъ предшествовали иныя, первичныя названія. Но языки дикарей обнаруживаютъ, что слова ихъ имѣютъ прежде всего опредѣленный конкретный характеръ. Однако, и самъ Вундтъ едва ли правъ, такъ рѣзко выступая противъ теоріи глагольных корней: вѣдь въ первобытныхъ языкахъ, какъ мы видѣли это на многочисленныхъ австралійскихъ и африканскихъ примѣрахъ, нѣтъ никакого существеннаго различія между глагольнымъ и именнымъ корнемъ, такъ что хотя бы корень *pa* можетъ означать и *охранять*, и *охранитель*. Съ образованіемъ новыхъ формальныхъ элементовъ, какими явились суффиксы, возникли новыя имена: вмѣсто *pa* для *охранителя* слово *pater* и т. п. Во всякомъ случаѣ, однако, этотъ корень *pa* не былъ самъ по себѣ глагольнымъ корнемъ, но былъ такъ сказать универсальнымъ словомъ, въ основаніи же его значеній должно было лежать понятіе о предметѣ. Въ объемъ этого понятія могли входить представленія о признакахъ и дѣйствіяхъ, вслѣдствіе чего названіе переносилось и на дѣйствія, или состоянія самаго предмета. Конечно, все это могло произойти лишь тогда, когда возникло самое слово, въ своей-ли простѣйшей формѣ, въ видѣ одного слога, или въ формѣ болѣе сложнаго образованія. Вопросъ

мнѣ представляется не такимъ простымъ, какъ это кажется на основаніи изложенія и возраженій Вундта. Именно, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній онъ полагаетъ, что первоначальность въ образованіи словесныхъ значеній должна быть приписана понятіямъ предметовъ (*die Gegenstandsbegriffe*), ибо отлѣченіе одного предмета отъ другихъ, окружающихъ его, должно было предшествовать различенію въ этомъ предметѣ его признаковъ. Такъ-ли это бываетъ въ дѣйствительности, объ этомъ должна дать свидѣтельство психологія образовъ. Какъ уже было отмѣчено выше, при мысли о предметахъ въ нашемъ сознаніи возникаютъ образы предметовъ, при чемъ извѣстныя особенности доминируютъ въ образѣ. Мысль о листкѣ дерева вызываетъ образъ не формы листка, но цвѣта (напр., мысля объ увядающихъ осенью листьяхъ, мы, скорѣе, вообразимъ желтый цвѣтъ, чѣмъ измѣнившуюся форму листьевъ); мысль о лошади можетъ сопровождаться образомъ движенія, при чемъ самый движущійся предметъ можетъ возникать въ воображеніи такъ смутно и неопредѣленно, что не вызоветъ потребности назвать именно его. Языкъ жестовъ подтверждаетъ, какъ мнѣ кажется, такое пониманіе: не скачущая лошадь, но дѣйствіе скаканія изображается пальцами, когда человѣкъ хочетъ назвать лошадь. Я полагалъ бы болѣе правильнымъ признать, что выдѣленіе предмета изъ окружающей его среды совершается еще въ доязыковый періодъ интеллектуальной жизни высшихъ животныхъ, въ томъ числѣ и человѣка. Очевидно, языкъ возникъ не потому, что явилась потребность называть эти предметы ихъ именами, а вълѣдствіе иной надобности эмоціального происхожденія. Съ этого начинается, какъ мы видѣли выше, и рѣчь дѣтей. Предметы же являются сознанію ребенка, не какъ выдѣленные изъ окружающей среды объекты познанія, но какъ стимулы раздраженія, пріятнаго или непріятнаго: они уже выдѣлены ребенкомъ раньше, и сначала онъ *вовсе не называетъ* ихъ хочетъ. Лишь въпослѣдствіи начинается интенсивный процессъ называнія, и сыпятся изъ устъ ребенка безконечные вопросы: „а это что? а это почему?“ Но и теперь передъ нимъ раскрывается не только и не прежде всего міръ предметовъ, но въ равной мѣрѣ и одновременно міръ дѣйствій и качествъ. Нѣтъ основанія предполагать, что иначе обстояло дѣло, когда человѣкъ началъ говорить. Синкретизмъ образа, связаннаго съ эмоціей: вотъ то первичное состояніе сознанія, которое потребовало своего названія. Конечно, и этому предшествовалъ еще долгій періодъ *звуковыхъ сочетаній, которыя не означали ничего*. Когда же возникло то, что мы называемъ словомъ, оно *вовсе не служило* только названіемъ предметовъ: въ глазахъ человѣка оно было, а отчасти есть еще и теперь, самымъ предметомъ или представляло собою обладаніе предметомъ. Когда Юпитеръ заключаетъ съ Нумой Помпиіемъ договоръ о будущихъ римскихъ жертвоприношеніяхъ, хитрый законодатель сказочнаго Рима побѣждаетъ бога, ловя его на словѣ.

„Вы будете приносить мнѣ въ жертву живыхъ“... говорить Юпитеръ. „Рыбъ“, подсказываетъ Нума.— „Человѣческіе“... „Волосы“...— „Головы“... „Чесноку“. И такъ вмѣсто человѣческихъ жертвоприношеній римляне стали приносить въ жертву Юпитеру волосы, чеснокъ и рыбу. Въ нашей сказкѣ мужикъ зарываетъ кладъ съ приговоромъ на сто головъ, а сосѣдъ его, подсматривавшій изъ-за дерева, трижды повторяетъ: „сто головъ“, пока и зарыватель клада не соглашается на это условіе. Во множествѣ народныхъ суевѣрій и другого фольклористическаго матеріала обнаруживается тотъ же фактъ: образъ, чувство такъ овладѣваютъ сознаниемъ первобытнаго (да и малокультурнаго, а можетъ быть и всякаго) человѣка, что ихъ замѣститель въ сознаниі, слово, пріобрѣтаетъ ту же власть надъ умами. А образъ можетъ быть вовсе не только предметнымъ, но и всякимъ другимъ, и первичное значеніе слова, подобно этому, не есть только предметное обозначеніе, потому что сознание не сумѣло еще отдѣлать предметъ отъ его качествъ и состояній, какъ нѣчто постоянное въ образѣ. Что представляетъ собою „наглядность рѣчи“, присущая народному языку, какъ именно не это живое соединеніе въ образѣ предмета съ его качествами и дѣйствіями? И качествами предмета представляются иной разъ даже тѣ эмоціи, которыя онъ вызываетъ: *auri sacra fames* должна была связывать съ образомъ золота и эту *sacram famem*.

Итакъ, резюмируя изложенное въ этой главѣ, я повторю свое основное положеніе: уже до человѣка эволюція животнаго ума выдѣлила предметъ и создала въ воображеніи образъ его, связанный съ эмоціями; въ образѣ беретъ перевѣсъ то представленіе о предметѣ, съ извѣстными его качествами, то представленія объ его дѣйствіяхъ или качествахъ, которыя отбѣиваютъ самый образъ предмета. Слово закрѣпило ту или другую черту образа, сдѣлалось обозначеніемъ и предмета и качества или дѣйствія его. Слово, а не образъ вошло въ работу мысли. Образъ сталъ гаснуть, но выдвигались словесныя представленія; создавались понятія, объемъ которыхъ выяснялся соединеніемъ словъ въ сужденіяхъ.

ГЛАВА XIII.

Взгляды греческихъ и римскихъ философовъ и грамматиковъ на происхожденіе языка.

Исторію изученія вопроса о происхожденіи языка можно излагать двоякимъ способомъ: исторически и систематически, т. е. по извѣстнымъ направленіямъ, въ которыхъ шло изученіе этого вопроса. Я полагаю, что въ трудахъ, подобныхъ моему, первому методу слѣдуетъ отдать предпочтеніе, такъ какъ тѣ направленія, о которыхъ идетъ рѣчь, не представляютъ чего-либо совершенно обособленнаго, и взгляды, высказанные представителями одного